

АЛТАЙ

3. 1982

1150121

Электронная библиотека АКУНБ, elilib.altlib.ru

АЛТАЙ

1982

3

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Феликс КУДЫК. Алешкин Родник. Рассказ 7
Нина ГАРУСОВИЧ, Тагьяна ШЕСТАКОВА. Тавро. Ирониче-
ский детектив 18
Валерий ЗОЛОТУХИН. Как скажу, так и было, или этюд о беглой
гласной. «Поздно, Рита, ты полюбила вора!». Рассказы . . . 68

ПОЭЗИЯ

- СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ЗАРИНСКА 3
Александр ДОЖДИКОВ. ...Человеком остаться! Стихи 14
Иван МОРДОВИН. Лица простых людей. Стихи 16
Валерий СУХОВЕЕВ. Боль памяти. Стихи 17
Анатолий КОРЧУТАНОВ. В дороге. Стихи 67

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Лидия МУРАВИНСКАЯ. Василий Шукшин. Хроника жизни и
творчества 74
Павел ЗАБЕЛИН. Стихи: рождаются или делаются? 104
Владислав КОЗОДОЕВ. Как наше слово отзовется (к 60-летию
со дня рождения А. Г. Баздырева) 113

ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Василий НЕЧУНАЕВ. Воробьишкина книжка 115

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, В. Я. КАДНАЙ,
Л. И. КВИН, А. Е. КРИВОНОСОВ, Г. П. ПАНОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1982 № 3

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Н. Тырышкина

Рукописи не возвращаются

АГ 10469. Сдано в набор 29. 06. 1982 г. Подписано к печати 20. 08. 1982 г. Формат 70х108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,607. Тираж 7000 экз. Заказ № 1305. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, Новая, 11а. Тел. 2-14-53.

© «АЛТАЙ», № 3, 1982.

В Заринском народном историко-краеведческом музее есть книга известного писателя Михаила Бубеннова с дарственной надписью: «Историко-краеведческому музею Сорокина, где когда-то провел лучшие дни своей юности и начинал литературный путь. Москва. Январь. 1979 г.». Автор «Белой березы», «Орлиной степи», «Зарниц красного лета» и других книг в конце двадцатых годов учительствовал в Сорокинском (ныне Заринском) районе, создал здесь литературную группу и летом 1929 года был делегатом Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей. С тех пор при районной газете и существует литературное товарищество.

Сейчас в нем насчитывается около двух десятков членов. Это рабочие и колхозники, строители Коксохима. Их произведения часто печатаются на страницах газеты и тепло встречаются читателями. Многие поэты и прозаики являются активными рабселькорами газеты, оказывают большую помощь журналистам.

Хочется пожелать всем членам литобъединения доброго творческого пути.

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ЗАРИНСКА

Юрий КУЗЬМИН

ПРОСПЕКТ МЕТАЛЛУРГОВ

Была земля здесь
и полем, и лугом,
А нынче табличка —
«Прспект Металлургов».
Не рано ль мечту
называют проспектом?
Немало пока еще тут недонето.
И слышу ответ я:
— Не рано! Не рано! —
Басят на рассвете
окрипшие краны.
Панели взлетают
по вызову «вира!».
Где небо синело —
глазеет квартира.
Пустырь заливают асфальтом
горячим,
И вот уже мальчик
гоняет свой мячик.
К людскому теплу,
словно чужь морозы,
Из рощи соседней
выходят березы.
От них на проспекте
прибавилось света,
И стала ясней перспектива проекта.

БЕТОН

Когда наши руки
морили голодом,
А проще — бетон не подвозили,
Мы прятались снова
в фуфайки от холода
И увольнением
начальству грозили.
Но слышался гул
из метельной чащи,
И мы выходили
машинам навстречу
И радовались бетону,
еще дымящему,
Как в детские годы
хлебу из печи.

* * *

Стою на высоком шоссе.
Светает по-летнему рано.
Ко мне из речного тумана
Мой город идет по росе.
В плечах по-крестьянски широк,
Волной Чумыша подпопан,
И делом, и помыслом ясен —
Тобою люблюсь, сынок.
Ты гордость моя и мечта,

Я твой с мастерком и строкою.
 Завод над притихшей рекою —
 Твоя и моя Высота.
 С окраины ветер подул,
 Принес петухов перекличку.
 Вот-вот простучит электричка,
 И скорый пройдет в Барнаул.
 Мой город, спецовку надень.
 Пора нам с тобой за работу.
 Большую земную заботу
 Несет наступающий день.

Надежда БАСАРГИНА

* * *

Сияет солнце в небесах,
 И снег последний тает.
 Скворцов веселых голоса
 Уверенность рождают.
 Иду, ступаю по земле,
 А день такой хороший.
 Неужто же засыплет все
 Смертельная пороша?!

СОН РЕБЕНКА

На крыльях вечности летит
 Доверчив, ласков, юн.
 Он сказку жизни сторожит,
 Как старый кот-баюн.
 Хоть беззастенчив и порой
 Пуглив до немоты,
 Он, словно истинный герой,
 Мерило чистоты.

Николай СТЕПАНОВ

* * *

Поклонюсь тебе, влатогривая роща.
 Понимаю тебя, тихой осени дождь.
 Что же может светлей, что же может
 быть проще
 И прекрасней земли, на которой живешь.
 Мир вам, согры мои, и поля, и долины!
 Мир живому всему, что над вами и в вас!
 Будьте вечно полны, говорливы, обильны
 Каждый год, каждый день, каждый час.
 Жизнь моя без меня может в вас
 повториться,
 Ложь, что смерть заберет, не оставив
 следа.
 Вон кричат, пролетая, знакомые птицы
 И зовут, и зовут неизвестно куда.

Мне и здесь хорошо. Никуда и не надо.
 От земли лишь в нее на закате уйдешь...
 Поклоняюсь тебе, моя боль и отрада!
 Нет прекрасней земли, на которой живешь!

* * *

И не надо перечить,
 Это точно я знаю:
 Пастухи летний вечер
 К нам в село пригоняют.
 И с вечерней прохладой,
 Как приветствие друга,
 Как большая награда —
 Запах летнего луга,
 И парного настоя,
 И ковыльного лета...
 Бесконечно земное
 Все, что жизнью согрето.

Владимир БАРДЮКОВ

* * *

Грохочут в мае грозы по ночам,
 Выскеркивая в памяти печали.
 Мы придаем значение вещам,
 Которых раньше и не замечали.

Спружинит гром, зашелестит листва,
 Ударят капли по дорожной пыли.
 Какие нам нужны еще слова,
 Чтобы дожди из детства приходили?

Лелеем души, удобряем здак,
 Ну, словом, все мы при хорошем деле.
 И все же, что-то делаем не так,
 Коль ласточки из дома улетели.

ПУСКАЙ БЕДА ТЕБЯ СТОРОНИТСЯ...

Опять весна цветеньем вспенена,
 На чуть приметном ветерке
 Стихи Рубцова и Есенина
 Читают вербы на реке.

Мне говорят, любовь загублена.
 Она ушла с водою вдаль.
 На каждой галечке — зазубрина,
 Под каждым камешком — печаль.

Любимая, моя бессонница,
 Прошло три года и три дня...
 Пускай беда тебя сторонится,
 Как ты сторонисься меня.

И что для нас сейчас газойля запах —
 Команда рвет лесную тишину!

Людские беды нас зовут на запад
 Заканчивать проклятую войну!

Мария БАЗДЫРЕВА

ЗОЛОТАЯ БАБУШКА

В это утро бабушка
 Все не скучает,
 Варит, жарит, стряпает
 Да гостей встречает.

На столе у бабушки
 Скатерть полотняная,
 На столе оладушки,
 Пироги румяные.

Торт с ромашкой белою,
 Бублики да шанежки.
 Все красиво сделали
 Руки нашей бабушки.

Мы садимся рядышком,
 Места всем хватает.
 Будь здорова, бабушка,
 Наша золотая!

* * *

Я не завидовал двуликим
 И за кордон не поспешал,
 Как сын страны моей великой
 Я все делил с ней по душам.

Я сорок лет в среде рабочих,
 А сорок лет не сорок дней!
 И все же я доволен очень
 Судьбой нелегкою своей...

Вначале песня в сердце билась,
 Но с крутоярий Чумыша
 Мне даль поэзии открылась
 И потянулась к ней душа.

Быть может, скажут малoverы,
 Мол, ты не молод, в чем вопрос?
 Я через жизнь любовь и веру
 К тебе, поэзия, принес.

И не раскаюсь, не напрасно
 Я трудным шел к тебе путем,
 Давно наш мир — большой и властный —
 Гудит в движении твоём!!!

Сергей ВОЛЬФЕРЦ

ТАК БЫЛО

Вплоть до нутра проник газойля запах:
 Седьмые сутки, не сходя с брони,
 Без продыха фашистов прем на запад,
 В горячих схватках потерялись дни.

Лишь по ночам да где-нибудь в сторонке,
 Укрывшись плащ-палаткой от солдат,
 Комбат с начштаба пишут похоронки
 На новых, необстрелянных ребят.

Опять вон холм у речки под березой...
 Был дан салют и клятва отомстить...
 И чьим-то мамам лишь о павших слезы —
 Невест мы не успели завести.

Бахвалиться солдату не годится,
 Но правды той вовек не позабыть:
 Вначале с фрицем научились биться,
 Потом в окопах научились бриться,
 Кто будет жив — научится любить!

ПАМЯТЬ

Забуть бы сердцем давние тревоги —
 Не «юнкеры», Мир над головой —
 Солдатские окопы и дороги
 Запаханы иль поросли травой.

И нам пора бы от войны остынуть,
 Убрать с души очертеневший гнет,
 Но вдруг воспоминания нахлынут
 И по сердцу, как бритвой, полоснет.

Нет, нам воспоминанья — не улада,
 Людская боль в крови с войны живет.
 Во сне мы ждем: вот прозвучит команда,
 И нас комбат в атаку поведет.

К нам радости приходят через призму
 Видений горьких. Не проходит дня,
 Чтоб не терзались: неужель фашизму
 Позволят снова голову поднять?

Хотя давно убеждена планета
Среди глобальных помыслов своих,
Что Мир над Родиной хранят ракеты
Да обелиски сверстников моих!

ЛЕТНЕЕ

Отпуск мне, и я — рюкзак на плечи —
Укачу к раздолью Чумыша,
Будет моим другом пес беспечный,
Отдохнет от всех забот душа.

Вмиг палатку разобью на месте,
Котелок пристрою для ухи.
Не возьму часов: свою песней
Сельские разбудят петухи.

Ветлы там почти как баобабы.
Сотни лет, наверное, живут.
В холодке одной вполне могла бы
Вся бригада наша отдохнуть.

Знаю я все омуты ершиные,
Плесь ожиревших пескарей,
Буду слушать песни журавлиные,
С ними жить в соседстве веселей.

Отпуск мне, и я — рюкзак на плечи,
Снова: здравствуй, песенный Чумыш!
Нет отрадней, чем костер под вечер
И родная розовая тишь.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Я с давних пор в глухом Полесье не был,
Не верится, что здесь война была:
Здесь Миром дышит ласковое небо,
И вместо пушек... бьют перенела.

Порою в небе набегают тучи,
Но в тучах — дождик, а не гарь войны.
Мой друг, зарытый над речною кручей,
Был с нашей прилумышской стороны.

Мы были с ним ровесники годами,
И здесь же вот — в полесской стороне —
Нам многих лет кукушка нагадала,
А довелось прожить их только мне...

Ольга ВДОВИНА

* * *

Мне не забыть наш поселок,
Хмурое солнце тайги,
Строй запыленных елок,
Белое пламя пурги.

Снег заметает дороги,
Снег засыпает лыжню,
Снова в холодной тревоге
Гаснуть короткому дню.

В той стороне, где с рассветом
Яркая гаснет звезда,
Луч пробивается света,
Глухо шумят поезда.

ГОЛОЛЕД

*Водителям автобазы № 5
Коксохимстроя*

Ледяное зеркало дороги,
В стекла ветер бьет тугой волной.
Здесь улыбку сохранить немногим
Удастся, но какой ценой!

Здесь автобус завернет на спуске,
И в кювет завалится КАМаз.
Важно и без заданной нагрузки
Показать шоферу высший класс.

Степь летит озябая под ветром,
И тревогой полнятся глаза.
«Эти ледяные километры
Каждый — в пять», — водитель мне сказал.

В этот день встревоженный, усталый
На баранку чуть склонился он,
Но идут по трассе самосвалы
Потому, что стройка ждет бетон.

Жизнь кипит, растет наш новый город.
Что ему мороз и гололед,
В нем и труд усталого шофера
Каменными стенами встает.

А весной в дорожные кюветы
Мутною водою лед сойдет,
Но шоферы не забудут этот
Стынувший зеркальный гололед.

Станет город и красив и славен,
И строитель гордый на года
Будет помнить, точно это знаю,
Сколько здесь шоферского труда.

КУДЫК Феликс Иванович родился в 1941 году на Львовщине. С восемнадцати лет в Советской Армии. В 1979 году заочно закончил литфак Омского государственного института им. Горького. Награжден шестью медалями. Печатался в газетах «Советский воин», «Во славу Родины».

В альманахе печатается впервые.

Феликс КУДЫК

АЛЕШКИН РОДНИК

РАССКАЗ

Июнь... Широкая степь будто уснула в полуденном зное. Жиденькая трава рано ушла в колосок и под лучами палящего солнца начинает заметно чахнуть. Хоть бы маленький ветерок шевельнул ее! Давно нет ни ветра, ни дождя, ни росы по утрам — рябит в глазах от обилия солнца бескрайняя степь, и дрожит над этой широкой равниной знойное марево. И лишь высоко в небе царственно палит коршун, слегка покачиваясь, как на волнах, то плавно скользит по кругу, то почти недвижимо зависает в одной точке, зорким глазом высматривая себе добычу.

Мертвая тишина. Кроме парения птицы, все будто в оцепенении. Неохота ни шевелиться, ни разговаривать.

— Ребята, если бы у меня были крылья, — среди этой застоявшейся тишины вдруг говорит Женька, — я бы с такой высоты хотя бы ма-а-ленький ручеек высмотрел. Тогда бы у нас была вода. Или лучше... речку! Настоящую! Чтобы искупаться можно...

Ребята не слушают Женьку. В отделении уже известно, что рядовой Евгений Лыцов всегда о чем-нибудь неземном мечтает. Они втроем лежат возле спецмашины с высоким кунгом. Не первый час лежат.

Давным-давно скрылся из глаз пятый НУП*, где они сделали последний замер кабеля, и скоро должен быть шестой, а там, возможно, седьмой, восьмой и последний — десятый. Измерительный прибор, с помощью которого проблема решалась гораздо быстрее и проще, как назло, вышел из строя: то ли кто чем его задел неосторожно, то ли ему самому так захотелось проверить ребят на выносливость. Но прибор молчит и все тут.

Четвертый, сержант Алешка Долгоруков, уже часа два как ушел по кабельной трассе с кабелеискателем и еще не вернулся. Алешка — командир поисковой группы и, по праву старшего, на трассе всегда задерживается дольше других. Он почти всегда уходит молча, без каких-либо распоряжений. Собственно, какие тут могут быть распоряжения. Очередность установлена. Распорядок дня здесь, в голой степи, тоже строго командиром диктоваться не может. Главное — любой ценой найти повреждение кабеля и восстановить связь! И чем быстрее, тем лучше.

— Пошел? — как будто между прочим спрашивает Женька. У каждого из ребят есть надежда на того, кто уходит на поиск. На Алешку больше всего надежд: Алешка — мастер по связи.

* НУП — необслуживаемый усилительный пункт.

— Да, пошел, — отвечает Алешка. Он надевает из толстой, пористой резины наушники, примеряет в руках кабелеискатель, как нести его — впереди себя сподручнее, пробует улыбнуться. — А вы здесь не скучайте. Победа будет за нами! — шутит Алешка.

Витька Климчук и Митин молчат, расположившись в тени кунга, и долго смотрят в удаляющуюся широкую спину Алешки. Тень от высокого и запыленного кунга становится все короче и почти не спасает от жары. Нудно здесь от вынужденного безделья и не сладко там — на кабельной трассе под раскаленным солнцем в пустынной степи.

— Пожевать чего-нибудь бы надо. А, мужики? — Женька предлагает дело, но его опять не слушают. — А зря! — говорит Женька, поднимаясь. — Еще ведь моя бабка говорила: хороший работник — это прежде всего хороший едок.

Следы озабоченности на Женькином лице — явление редкое. И сейчас в его узких серых глазах прячется улыбка, хотя вся его кругленькая физиономия — одна серьезность.

Женька долго возится с консервной банкой, достает из вещевого мешка хлеб, гремит ложками... Эти обязанности он взял на себя добровольно. Да и не требуется тут больших кулинарных познаний: нарезал хлеба, протер ветошью «орудия труда», луковичу поделил на ровные дольки и, пожалуйста, ешь, сколько душа пожелает. Но когда он покушал «в гордом одиночестве» и загремел пустой флягой в надежде найти там хоть каплю воды, ребята приподняли головы и оглянулись в его сторону. Но откуда ей было взяться, когда последнюю по-братски разделили еще рано утром.

Солнце уже поднялось высоко, и глазам больно смотреть на него. Прямо, как по линейке, стелется перед Алешкиным взором ярко-зеленая дорожка, густо усыпанная желтыми цветками сурепки, буйно разросшейся на гребне разрыхленной кабельной траншеи. Благодатная почва, не то, что с боков — слева и справа — твердая, со звоном; и растительность на ней — бледная, жиденькая.

Алешка идет медленно. Большие кирзовые сапоги, белесые от пыли, шуршат по траве, и при каждом новом шаге выстреливают из травы мелкие кузнечики и опять падают невдалеке, как будто горсть зерна, брошенная доброй рукой крестьянина.

Издали Алешка похож на странного человека: без шапки и ремня, в расстегнутой гимнастерке, с кабелеискателем в руках, будто слепой, ощупывает землю. Иногда он нагибается и выдергивает из травы высокий стебель, оторванный от первого колена сочный его конец хрустит на Алешкиных зубах, выделяя сладковатый сок. Но пить после этого еще больше хочется.

То спереди, то сзади выскочит на проплешину суслик, станет на задние лапки и тревожно зыркает своими бусинками по сторонам, прислушивается. Охота ему и на человека посмотреть, и за вечным своим врагом необходимо поглядывать зорко, который опять плавно чертит круги в небе. И только лишь ему, полноправному хозяину этой степи и высокого неба, наверное, понятно, кто больше его интересует: этот человек, затерявшийся в его владениях, или зазевавшийся суслик. Пожалуй, человек в этой унылой безводной степи — явление редкое.

Алешка уже не первый раз занимается этим скучным делом — поиском неисправности кабеля. На этот раз оно явно затянулось. И хуже всего, что нет теперь у ребят ни капли воды. Вода — это уж точно! — начало жизни и ее продолжение. При одном ее упоминании Алешка чувствует еще большую сухость во рту.

В наушниках, которые Алешка не вправе снять, пока он в движении, непрерывно «попискивает» генератор, смонтированный на нижнем конце кабелеискателя. Только он, этот микроскопический приборчик,

может выручить ребят из создавшегося положения. Пока только он, этот, по сути, несложный механизм, придуманный человеком, чувствует и видит незримо под землей толстую нить кабеля. Обрыв! — и Алешка замрет на месте... Нужен даже еле заметный разрыв между сигналами, самый крохотный, чтобы Алешка мог крикнуть «ура!», на сколько позволяют еще ему его легкие.

Из-под наушников по Алешкиным щекам струится пот. Алешка уже свыкся с монотонной и скучной работой генератора и будто ни о чем уже не думает. Но мысли сами настойчиво лезут в голову. Солнце, в насмешку, что ли, кочегарит не на шутку: градусов сорок, не меньше. Трудно привыкать к такой жаре человеку. Рябь в Алешкиных глазах как будто удваивается, и он на минуту останавливается. Но надо идти. Идти, чего бы это ни стоило! «Только не расслабляться, — приказывает он себе. — Думать о чем-нибудь приятном, хорошем». И он думает о своем доме. Опять он видит перед собой знакомую с детства пристань на полноводной Оби. Тут же, на высоком холмистом берегу, кучками столпились старые дома Крижевки. С каждым годом все больше и больше наклоняется к зеркальной водной глади реки трухлявая водонапорная башня. Отработала бедняжка свой век, и тянет ее к той, с кем в паре трудилась для человека. Правда, в последнее время пооборвали ей бока — «зачем пропадать вполне пригодным доскам», — но продолжает служить вроде бы маяком тем, кто идет или плывет в сторону Крижевки. Сама Крижевка разрослась в последние годы, отступила дальше от высокого обрывистого берега реки, носившего в себе для деревенских мальчишек тайны сказочного замка, а для взрослых реальную опасность: обвалиться в мутную быстрину Оби. В высоченной отвесной стене гнездились юркие стрижи, за которыми Алешка любил наблюдать часами. Казалось, это было так давно, что и не верилось.

Дела у ребят не завидные: пошли вторые сутки, как они метр за метром, посменно, идут по кабельной трассе, а толку нет — «молчит» кабелеискатель, как заколдованный.

Иногда Алешка мысленно ругает себя за то, что не смог распорядиться даже водой, а ведь мог бы и машину получше вытребовать, и шофера поопытнее...

Следующая Женькина очередь. Он так же возьмет с собой кабелеискатель и пойдет один по трассе с надеждой на удачу. А там, возможно, и всеобщая радость ребят, и благодарность от командира взвода. Хотя ребята все заслуживают похвалы — найдут же они все-таки эту неисправность!

Провожая группу на поиск неисправности кабельной линии, командир взвода лейтенант Сизов так и сказал: «На вас, товарищи, надеюсь потому, что опыта у вас побольше, чем у других, и знаний вам не занимать». А оно вон как выходит: и опыт есть, и знания, а неисправность до сих пор не устранена.

— Черт нас дернул взять одну флягу с водой, — досадует рядовой Климчук. — Говорил же: возьмем две фляги. Так нет же... «Хватит! Хватит!»

Правда, Витька Климчук сердится больше на себя самого. Он привык все делать по-крестьянски: основательно и с толком. А тут — вот она тебе и оказия, черт ее побери! Его красное, скуластое лицо шелушится на солнце, без воды, по-видимому, он страдает больше всех.

— Так кто же думал, что придется здесь столько времени загорать, — пробует возражать Митин. Он-то знает, что им бы этой фляги наверняка хватило, если бы не подтекающий радиатор на его машине. «Вот и сейчас давно бы подлить водички немного не помешало, — думает Митин и чешет темный от мазута затылок. — Да только где ее

взять-то, воду эту». Теперь Митин мог только оправдываться, подыскивая для своей машины не совсем лестные эпитеты. Но в душе он все-таки чувствовал свою вину. Очень уж ему хотелось выехать в рейс — надоело работать на подсобке в автопарке. И про эту неисправность в машине никому не сказал — обойдется, думал. Теперь-то эта его самонадеянность — «к черту радиатор и так обойдется» — боком вылезит для всех: по трассе в обе стороны по восемьдесят километров и выскнуть в любую сторону за водой — машину погубить. Это Митин, как шофер, знал твердо. Да и сержант никогда не разрешит: «Технику губить никому не дозволено. Не пропадет на таком расстоянии без воды». А все-таки как хочется воды! Кажется, будь здесь с этой степенью один на один — не пожалел бы и эту машину. Теперь одна надежда: метр за метром, километр за километром добраться до людей, а там — и сам черт не страшен. Ребята потихоньку начинают собираться. Сколько ни стой, а надо продвигаться дальше. Так и догоняют через несколько километров: то Женьку, то Витьку, то опять Алешку, который всегда дальше всех забредает.

Митин берет рукоятку (аккумулятор ко всему прочему он посадил этой ночью) и начинает заводить машину. Бампер накалился на солнце, как на костре, и Митин подкладывает под левую руку пилотку — рукоятка несколько раз выскакивает, машина кое-как заводится, но тут же глохнет. Это длинное и мучительное дело для худенького Митина. Тогда за рукоятку берется Витька Климчук. Митин садится в кабину и изо всех сил давит ногой на стартер, судорожно вцепившись в баранку. Глаза у Митина круглые, злые, будто не он, шофер, виноват, а машина. «Она всегда с фокусами была».

А сейчас Витька будто нарочно ушел в сторону от машины, даже не оглянется.

Женька грузит в машину картонную коробку с консервами, плащ-накидку, хлеб, потом зовет:

— Витька!.. Климчук!.. Иди подмогни! Опять не заводится.

Витька долго молчит. Его не так-то просто расшевелить, увальня такого. Потом наконец-то поворачивается и ворчит:

— Вот шофер так шофер... Одним словом — водила! Мать твою так...

Но это беззлобно, по-товарищески. В автомобильной технике Витька плохо разбирается, но считает, что она, эта техника, силу уважает. А тут какой-то «шпичгалет» Митин.

Но Митин бьет себя в грудь: «Я — водитель второго класса!» И все тут. Хоть ты ему кол на голове теши. Ас! Ни больше, ни меньше.

Женька улыбается. «Ох вы, водители мои дорогие, кабельщики непутевые. Все вы одним миром мазаны, — думает он и о Витьке, и о Митине, и об Алешке. Алешка, пожалуй, более рассудителен, принципиальнее. Командир! Он даже в шутку ругаться не станет и уж никогда не выйдет из себя». Этот вывод Женька сделал для себя уже давно, еще когда их определили в одно отделение под «начало» ефрейтора Алексея Долгорукова.

В тот последний осенний день на плацу было до жути зябко. Сырой холодный ветер рвал полы солдатских шинелей, метался в мокрой листве деревьев, еще не утратившей своей зеленой летней окраски; противно хлопал от порывов ветра кусок железа на крыше казармы, им же подорванный.

— От-деление! — четко и громко командует ефрейтор Долгоруков. — Стой! Направо!

Десять человек, как один, выполнили команду и лишь десятый, рядовой Женька Лысцов, повернулся налево — пошутил, называется. Строй грохнул от смеха. Командир отделения некоторое время молчал, пока смех не потух в строю, потом вывел из строя Женьку, не сказав ему и слова в упрек. И дальше, как ни в чем не бывало, продолжал

командовать отделением, но уже из девяти человек: «Налево! Направо! Оружие — положить! На ремень! За спину!» Автоматы стройно клацают об асфальт, мелькают то за спиной, то на груди. А Женька, сгорбившись от холода, как мокрая курица, стоит на одном месте и с тоской поглядывает на ребят.

— Что, допрыгался? — спросил его после занятий Витька Климчук. — А ефрейтор-то — молодец! Не показывай, что ты умнее всех там, где не нужно.

С этого времени Алешка по службе вырос до гвардии сержанта и про тот случай наверняка уже не помнит. Да и Женька давно не обижается на Алешку — они стали хорошими друзьями.

...Машина медленно ползет по степи, пока на горизонте не вырисовывается одинокая фигура. Это — Алешка! Потому что вряд ли в такую пору кто-то может скитаться здесь.

Алешка высокий, стройный парень, темный с лица и, кажется, загорел еще больше. Одни зубы блестят.

Ребята с недоумением некоторое время смотрят на Алешку — весь мокрый и улыбается весело, задорно даже. Не иначе как перегрелся парень, думают они про него. Факт — перегрелся!

— Есть, ребятки! Нашел!.. — с Алешкиного лица не сходит веселая улыбка. — Да не смотрите вы на меня так! Вот...

Он выхватывает из-за спины фляжку и высоко поднимает ее над головой. Обыкновенная фляжка, только, выдать, не пустая. Чехол на ней мокрый и оттого темный, оттуда тоненькой струйкой из открытого горлышка прямо на землю льется чистая вода.

Счастливчик смеется. Вот они все трое смотрят с мольбой на него. В глазах ребят удивление: зачем он это делает?! Но ему очень хочется немножко подзавести ребят. Теперь это возможно, потому что он нашел то, что они вместе так долго искали. И даже больше.

— Не дури, Алешка! — первым спохватывается Женька. — Ду-урень. Вода же на вес золота.

— О боги! Что он делает! Что делает!!!

— Вот она!.. — Алешка подбросил увесистую фляжку вверх и ловко подхватил у самой земли, брызги при этом сверкнули на солнце бриллиантами. — Кто воды хочет? Вот она — вода!..

И тогда ребята не выдерживают. Пусть Алешка и выше всех, но они вмиг вырвали из его рук драгоценную фляжку. А еще через некоторое время уже были забыты первые страсти — в чистой родниковой воде можно было долго держать горячие ладони и чувствовать прохладу; можно было пить вволю кристально чистую воду из родника, пить до ломоты в зубах, пить, чтобы потерять вкус ее. Или просто лежать у родника и чувствовать себя на седьмом небе от такого блаженства.

— Смотри ты, — удивляется Витька. — Голая степь... Сушь кругом! А тут... родничок.

— Да еще какой! — подхватывает Женька. Он с гордостью некоторое время смотрит на Алешку. И вдруг предлагает: — А что, ребятки, качнем командира! За родник!..

— Качать! Качать! — подхватили все трое хором. — Качать командира!

Но Алешка вывернулся, отбежав на несколько метров.

— И вовсе это не моя заслуга, — успокоил он ребят. — Любый бы вышел на родник. Кабелейскатель не дал бы в сторону уйти. Так что техника не всегда подводит.

— В хороших руках, — съязвил Женька и тоже со скрываемой улыбкой посмотрел на Митина, который обливал себя водой с головы до ног и счастливо улыбался.

Хорошо было ребятам. Только вот не ясно было одно: кто мог повредить кабель, который по воле случая проходил теперь по дну родника. На первый взгляд, в воде был он не приметен, но стоило повни-

мательнее всмотреться в воду, можно было заметить непонятный предмет, покрытый тонким слоем ила и крохотными, как изморозь, пузырьками воздуха. Под пальцами поверхность кабеля была скользкой и лишь в двух местах прощупывались глубокие зазубрины.

— Мало ли кто шляется по степи, — логично рассуждал Витька. — Мог быть и охотник, и пастух... Мог кто-нибудь и на машине проезжать. Напился воды, а потом ломиком попробовал неизвестный предмет.

— Хотел бы я видеть этого умника, — обозлился Женька. — Он бы у меня и воды напился, и кабель пощупал...

— Теперь, Жень, ничего не изменишь, — вздохнул Алешка. — Был тот тип умный или глупый, но работенки он нам задавал хорошей. Умный был бы, конечно, понял, что может здесь под землей лежать, траншея-то видна еще, а с глупого какой спрос. Чаше надо проверять трассу, — подытожил Алешка.

И еще была не понятна сама прокладка кабеля. Можно ведь было рыть траншею чуть выше, левее, и все было бы в порядке. Но тут же Алешка ловил себя на мысли, что этого родника во время прокладки кабеля могло и не быть. Кабеля небольшая ложбина, которая не мешала прокладчикам, тем более, что трасса проходила в самом ее начале, а родник появился уже потом и, возможно, благодаря этому кабелю.

— А что, ребята! Все ясно! — подтвердил Алешкину догадку молчавший до сих пор Митин. — Родник-то и раньше, наверное, был здесь. Но со временем заглох. А люди расшевелили грунт, вот и ожил он. Да и эта впадина тому подтверждение.

Дальше уже начинался солончак. Почва здесь была ниже, и глазу попадались мелкие кустики лозняка, ржавого снизу почти что до самой верхушки. Земля растрескалась. Ранней весной, видимо, все это затоплялось водой, оживало на время, но влага быстро испарялась, и вместе с ней прела и чахла всякая растительность.

Решено было копать новую траншею для кабеля в обход родника.

— Засыпать бы этот родник — и дело с концом, — со скучным видом предложил Митин. — Ведь дело намного быстрее двинулось бы. Зачем нам две муфты ставить вместо одной, канаву рыть черт-те какую... Лишняя работа. Да и не по правилам это!

Алешка с Витькой смолчали, а Женька все-таки опять не выдержал:

— Значит, сам попил, флягу набрал на обратный путь, а остальное — трава не расти? Так, что ли!? — Женька удивленными глазами уставился на Митина.

Витька, став на колени, зачерпывал широкой ладонью холодную воду, успевал поднести ее на уровень глаз и опять сквозь пальцы цедил обратно в родник. Митин стоял, опустив голову.

— Ладно вам, ребята, — вступился Алешка за Митина. — Не подумал он. Вот и все!

— То-то, что не подумал, — не унимался Женька. — А остальные как? Люди!.. Звери, наконец! Птицы...

«Вот ведь горячий парень, — подумал Алешка. — А в общем — хороший Женька парень».

Как-то поспорили они: кто большее количество раз сделает подъем персворотом на перекладине. Ребята, кто находился тогда рядом, замахали на Женьку руками: куда, мол, тебе с сержантом тягаться. Задавит! Но Женька не сдавался. Он даже слушать не хотел веские доводы не в свою пользу. «Да я! Да мы!» — было, пожалуй, единственным его аргументом. Алешка спокойно подошел к снаряду, улыбнулся, глядя куда-то мимо перекладины в высокий потолок спортивного зала, потом сделал широкий хват руками на перекладине и секунду-другую будто замер перед следующим элементом упражнения.

Женька смотрел на гибкую, еще более вытянувшуюся в свободном

висе фигуру Алешки и чувствовал, что начинает волноваться: одно дело на словах спорить. Это он мог. А тут совсем другая «канитель».

Толпа ребят одобрительно загудела, когда Алешка спокойно, легко, почти не касаясь корпусом упругой стали, двадцать раз повторил оттренированное движение телом. Силы у него еще оставались, но и товарищу нужно было оставить какие-то шансы, тем более он часто видел, как Женька ежедневно «мучил» этот снаряд. Он сделал соскок и спокойно отошел в сторону. Женька ринулся в «бой» уже без постоянной своей улыбки, чуть побледневший. Коварен был для него этот снаряд в настоящий момент. «Давай! Тяни!» — шумела толпа. И Женька «тянул» из последних сил до ровного счета с командиром. И вытянул-таки!

Тогда у них была ничья. Но больше этому был рад Алешка, чем сам затейщик спора. Женьке было необходимо в тот момент поверить в свои силы, и Алешка это хорошо понимал. В другой раз, без свидетелей, он, конечно, дал бы Женьке много очков наперед..

— Ну-у, Митин, — еще продолжал бубнить Женька. — Все у него легко получается. Жми! Ломай! Закапывай! Родник-то вот он, тоже живой ведь...

— Ладно, Женька. Говорят же тебе: не подумал он, — улыбнулся Витька. — А родник, конечно, останется. Конечно же! Мы его еще и подправим, облагородим. На карту кабельной сети нанесем!.. И напишем: «Родник Алексея Долгорукова». Пойдет кто-нибудь после нас, по нашим следам, а тут — родник. Пей, сколько твоя душа пожелает!

Женька поднимает глаза и долго смотрит на Витьку. «Вот тебе и «увалень», — взгляд у Женьки теплеет. — И придумано классно: Алешкин родник».

Митин идет к машине. Сперва он выбрасывает с кунга лопаты. Потом толстый, смотанный в несколько больших колец промасленный кабель, соединительные муфты, тиски, молотки — все, что необходимо для работы, и начинает раздувать паяльную лампу. Это уж вроде чисто по его шоферской профессии: готовить лампу, рубить кабель и держать в исправности весь прочий инструмент.

Витька некоторое время с тоской смотрит на валяющиеся в траве лопаты, потом берет одну из них и пальцем пробует острое лезвие. Это Витькина смежная специальность, шутят ребята: бери побольше — бросай подальше, благо силенкой никто не обидел.

Один Женька еще как будто под впечатлением хорошего настроения — не выбрал себе дела.

Алешка, по старшинству, размечает траншею под кабель. Ведь нужно сделать так, чтобы родник не потревожить, чтобы земляных работ было меньше. Митин разматывает кабель и косо поглядывает на Женьку. Но Женьку этот взгляд ничуть даже не трогает. Ему хотелось бы поболтать, посмеяться сейчас, но за работой разве много наговоришь, тогда только успевай пот со лба смахивать да поясницу разминать, выпрямляясь.

Радостно на душе у Алешки и неудобно за такую честь, оказанную ему ребятами. Но он понемногу успокаивается. Ведь, собственно, таких, как он, много ребят. Алешкин родник... Женькин родник... Витькин родник... Наконец, — Митин родник. «А что! Тоже звучит», — думает Алешка и идет уже третий штык — лопата легко входит в свежую землю.

Жара заметно спадает. Прохладнее и от раскопанной земли.

А коршун парит себе высоко в небе, прямо над ребятами. Интересно ему, что здесь такое творится на этой грешной земле. И еще не скоро сможет он опуститься на эти сырые комья земли, окунуть свой мощный клюв в холодную воду родника, чтобы утолить жажду и снова подняться на своих могучих крыльях в бездонную, небесную синь.

У птицы — свои заботы, у людей — свои.

ДОЖДИКОВ Александр Андреевич родился в Марийской АССР. По профессии — учитель. Автор поэтического сборника «Утренняя улыбка» (Верхне-Волжское книжное издательство). На Алтае с 1973 года, работал учителем в Табунском районе.

Член городской литературной студии. В альманахе публикуется впервые.

Александр ДОЖДИКОВ

...человеком остаться!

* * *

Снова пройти привелось мне
Полям взволнованной ржи.
Счастье напели колосья
И начертили стрижи.

Две шелестящие роши
И над запрудой закат...
Кто же на свете ропщет,
Если он так богат?

ЛЮБИМОЙ

Это нам с тобою в награду
За посевы и за страду
Прямо в травы поставили радугу —
Триумфальную арку труду.

Это Родина-мать нас нянчит,
Это наших стрижей виражи,
Это нас, просветлев, одуванчик
На обочинах троп сторожит.

Среди почестей неспесивы
Мы идем от загара смуглы.
Перед вами плакучие ивы
Выпрямлялись — да не смогли.

Предки,
Славу увековечив,
Средь трудов и забот опочив,
Гнет суровой судьбы человеческой
Не на наши взвалили плечи,
А на плечи плакучих ив.

МУРОМ

Нам, окающим, по Оке
Все плыть да плыть, чтоб славный Муром
Под небом васнецовским хмурым
Обозначался вдалеке;

Из византийского простора
Устойчивое, как покой,
Пятиголовие собора,
Чтоб поднималось над рекой;

Чтобы, не ведая печали,
Взлетев на вороха трухи,
Над Карачаровом кричали
Победоносно петухи.

Тугим течением уносит
По стрежню в прежние года.
Все здешние на сенокосе,
Пришла великая страда.

И песня — как волна сквозная,
И зори в поле во всю ширь,
И о себе еще не знает
Всего
Наш русский богатырь.

Пока беда не подоспела,
И не было еще вокруг
Безотлагательного дела,
Чтобы ему
Подняться вдруг.

БАТЫЙ

Бытовали и при Батые.
У Батыя законы крутые,
А законники — конники,
Конники.

За плечами пески, а не пашни.
 Полон трупами день вчерашний.
 Черепами,
 Пустыней промытыи,
 Устлан путь.
 Только хруст под копытами.

Оставляла орда от города
 У славян у степенных
 Только дыма багровые бороды,
 Закопченные стены.

Бухару давно оголили.
 Сколько пыли там...
 Сколько пыли!
 За Батыем — другие ханы,
 А за ними —
 Барханы, барханы.

Воздух с треском, а был он волглый,
 И пески пододвинулись к Волге.

Проходили великие
 По цветам, по полыни,
 Оставляли улики —
 Пустыни, пустыни.

ОБ ОРЛЕ

По вискам моим — проседей,
 Снова пью корвалол.
 И в орлином вопросе
 Пониманье обрел.

Отпугнуть если нечем —
 Он метнется на вас,
 И вкогтится он в печень,
 И выключет глаз.

Вот и все,
 Что получишь
 От красавца орла...
 В этом деле получше
 Разобраться пора.

ЛЕССГУБНОЕ

Напререз,
 Напролом,
 Напрорубь
 Топором.
 В оробелых краях
 Только кряхт,
 Только хряст.

Напрочь головы,
 Подпилили ступни.

Комли голые
 Да оплывшие пни.

Были кронами —
 Коронованы,
 Стали бревнами —
 Номерованы.

Сколько сосен погублено,
 Дровосек?
 Сколько весен подрублено
 Напросек?

Но я память назад
 Только чуть наклоню —
 Снова лес, снова сад
 На корню,
 На корню.

* * *

Стать человеком,
 Быть человеком,
 И до конца человеком остаться —
 Вот и вся моя агитация.

Сказано вроде бы мало, скупо,
 Но вслед за словом идет поступок.

Поступь поступка —
 Не кража, не скупка,
 Не сила, прущая напролом.
 Поступь поступка —
 Любовь и уступка
 Слабому
 У доброты под крылом.

Иван Федорович МОРДОВИН родился в селе Колыванском Алтайского края. Закончил Кемеровский медицинский институт. Сейчас преподаватель Барнаульского медицинского училища.

Стихи его публиковались в альманахах «Енисей», «Алтай», в коллективном сборнике «Прикосновение». Член литературной студии при краевой писательской организации.

Иван МОРДОВИН

Лица простых людей

* * *

Я доброте учился у природы,
И чувствую волнение ветвей.
Мне горло перехватывали воды
Из родника на родине моей.

Меня пьянят калина и крушина.
И в доме, что стоит среди села,
Навырост мне рубахи бабка шила,
Чтоб в них душа просторная росла.

НА ПАСЕКЕ

Дорогу в сумерках указывая мне,
Горит свеча на пасеке в окне.

Там на крылечке кряжистый старик
Меня, как сына, принимать привык.

На праздник его древних именин
Я приглашен под сень лесных рябин.

Он, выключив транзистор, в тишине
Сидит, речной доверившись волне.

На дереве большой его руки
Вчера гнездились майские жуки.

Вчера...
Вчера была и юность... и семья...
В чужой земле остались сыновья...

И вот теперь в предчувствии снегов
Он различает запахи цветов.

И пчелы золотые сотый год
Несут, несут целебный в соты мед.

* * *

И улыбались люди мне,
И солнце улыбалось.
Мне по распахнутой весне
К тебе легко шагалось.
Калитку настежь открывал.
Глаза кричали: «Здравствуй!..»
Я каждой клеткой понимал,
Что нет тебя прекрасней.
И все мне было нипочем,
Стучало сердце гулко.
И мог я зацепить плечом
Владыку переулка.
Клубилась на ветвях листва,
Рубаха пузырилась.
И ослепительно звезда
Вечерняя светилась.
Металась песня в голове,
Рвалась на волю смело...
Ты помнишь, как я шел к тебе,
Как ты ко мне летела?

* * *

Дорога моя
Пряма
И светел путь,
Хватило бы только ума
В сторону не свернуть.
Я сосны люблю
И снега,
Курлыканье журавлей,
В просторных полях стога
И лица простых людей.
И долго хочу я жить,
Воздух пить голубой...
Хватило бы только души
Всегда быть самим собой!

СУХОВЕЕВ Валерий Николаевич родился в 1946 году в г. Барнауле. Служил в рядах Советской Армии. Окончил Барнаульский пединститут. В настоящее время работает в тресте «Барнаульжилстрой». Член литературной студии. В альманахе выступает впервые.

Валерий СУХОВЕЕВ

БОЛЬ ПАМЯТИ

НА ОБИ

Было лето.
И в ладони солнце,
Как щенок лобастый,
Утыкалось слепо,
И свисала с веток
Вся в тени, как в тине,
Паутина.
Было лето.
Только было ль это?!
Как над блестящим заревом
Млеющей реки
И легки и царственны
Две руки.
Словно лодку-струганку
В два весла,
Объ те руки смуглые
Унесла.
Катерок отчаянный
У берега реки
Тарахтел, отчаливая,
Разводя круги.

ОКТАБРЬ

У этого месяца день
Прозрачен и солнечен очень.
И только на краешке ночи
Припущена илеем тень.
Проснешься — зарю посмотри
От края до края, ты тоже
Увидишь: уже непохоже
Уставшее солнце горит.
Не то, чтобы красок тона
Тусклей и расплывчатей стали,
Но только остывшие дали
В другие ушли времена.
И выслушать осень теперь,
И высмотреть всю без остатка
Не сможешь, и это загадка.
Не веришь? Взгляни и поверь.

СВЕТЛАЯ СТАРОСТЬ

Пока ненавязчивый счет
Словам и поступкам ведется,
Ты знаешь, чем жизнь отзовется,
Какими делами еще.
Твой конь при погоде любой
Тебя доведет до работы,
Твоя Евдокия с тобой
Разделит любые заботы.
Потворствовать трудной судьбе
Ты сызмалу не был приучен.
Я в этом с тобой неразлучен
И верен душою тебе.
Твои очертанья лица
Суть мыслей моих выражают,
И дакают, и возражают,
И так без конца, без конца...
То счастье, что наши края
Богаты такими делами,
То счастье, что старость твоя
Останется памятно с нами.

БОЛЬ ПАМЯТИ

Я помню девочку, она
В кругу подруг не выделялась.
Задумчива, отчуждена —
Такой она во мне осталась.
Нас разделяют дни и дни,
Но, замечая вдруг другую,
Тревожу тоненькую нить,
Бунтую, бедственную, тоскую.
Как будто памяти в укор
Давно порвал я письмо друга.
Но до сих пор, но до сих пор
Мне туго, очень-очень туго.
Все помню девочку, она
Мой камертон, мое начало.
Хочу, чтоб боль моя кричала,
Она побеждена.

Нина ГАРУСТОВИЧ, Татьяна ШЕСТАКОВА

ТАВРО

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

— ...Созвездие северного полушария из пяти букв... — кончиками пальцев Харабара выстукивал на столе несложный ритм. — Интересный мне старичок попался. — Харабара отложил журнал с кроссвордом. — По-моему, какой-то сектант — «Крестики—крестики...». Из квартиры всякого барахла на три тысячи выгребли, а он — «крестики...».

— Эти крестики дороже всего украденного раз в десять, а может, и больше. — Далин открыл пачку «Столичных» и закурил.

* * *

Старичок-потерпевший нервно ходил по огромной, полупустой комнате с темным обшарпанным столом в центре, отличающимся добротной работой пятидесятих годов и отсутствием претензий на «модерн». На единственной, не занятой стеллажами стене несколько потемневших картин в черных лакированных рамах; обилие книг, картонных и ледяриновых папок; терракотовая женская статуэтка, никаких предметов роскоши...

— Пусть бы все брали, пропади оно пропадом, — старичок достал из кармана пижамы носовой платок, — но коллекция... Крестики из самоцветов. Редкая работа.. Крестики... Выполнены, на Колывановоскресенском заводе, тогда он еще заказы царского двора выполнял.— Старик на минуту остановился. — Помните чашу в Эрмитаже? Крестики... Тонкая, очень тонкая работа... — Он поправил воротник и бесшумно опустился на стул, так же добротнo сколоченный, как и стол. — Все хотел в музей передать...

— Кто-нибудь знал о вашем отъезде?

— Я же археолог. Каждое лето — в экспедицию... И так всю жизнь. — Рука с носовым платком никак не попадала в карман пижамы. — Все об этом знали и о коллекции тоже. — Лицо его сникло, указательным пальцем он чертил невидимые узоры на столе. — Я ее всем показывал, даже в институт на лекцию возил. Ребятам интересно было посмотреть.

— Вспомните, вам никогда не предлагали продать коллекцию?

— Нет-нет, — замахал руками старичок, — никогда.

* * *

Театр готовился к гастролям, и Ловичу необходимо было знать, в порядке ли декорации, костюмы, машины. Он любил знать все и по

возможности советовать, помогать или просто вовремя улыбнуться добродушной, чуть наивной, обаятельной улыбкой.

Ловичу льстило, что далеко не каждый в его двадцатилетнем возрасте смог бы столь успешно, как он, проявить себя на службе главным; льстило, что у него превосходные физические данные и хорошая голова, импозантная внешность и завидная коммуникабельность — тот абсолютный минимум, без которого, по мнению Ловича, делать в театре нечего.

Лович вернулся поздно. Он часто возвращался домой поздно: по несколько раз смотрел понравившиеся ему спектакли, иногда оставался на вечерних репетициях в театре, где работал главным администратором.

Лович, не снимая ботинки, направился в спальню. Радостное предчувствие волнующим жаром воспламеняло и захлестывало: в спальне горел свет.

Надя молчала.

«Спит, наверное».

Лович давно перестал удивляться неожиданным перелетам Нади из Европы в Сибирь. Год назад он предложил ей ключи от своей квартиры. Надя приняла их как должное, без особой радости. Она знала, что никого, кроме нее (разве что себя), Лович не любит, знала, что она красива, знала, что красота для Ловича, в каком бы качестве она ни проявлялась, — основа его духовной энергии; знала, что Лович ждет, когда она бросит своего мужа, академика из Ленинграда, и станет его женой.

Надя действительно спала. С кипой газет и журналов, разбросанных по всей софе, в своей традиционно-будничной одежде — черном свитере и джинсах.

...Когда земля, сжимаясь от ожогов ослепительно ярких лучей, задыхалась и умирала, когда человек, так и не увидев бесценно дорогой влаги, умирал вместе с землей, дождь, точно узник, долго и мучительно томившийся в одиночестве, внезапно проломил исполинские застенки неволи и под грохот громовых литавр, ворвавшись в новый мир, радушный и вольный, разбудил все живое...

Утро.

Солнце.

Весна.

Лович открыл глаза. «Надя, — игриво сказал он, поднимая голову, — Надя...»

На подушке лежала записка. «Мой друг, — писала Надя (как всегда, скупые на откровение, прозаичные слова «Мой друг...»), — не слишком ли много внимания ты уделяешь сну? Я думаю, выгоднее спать на ТОМ свете, а на ЭТОМ, прежде всего — надо ДУМАТЬ. Приду вечером. В семь». Лович повторил последние слова: «В семь».

* * *

Надя не пришла ни вечером, ни на следующий день, и Лович, прекрасно понимая спонтанный до странностей и причуд характер Нади, перестал обижаться на нее, а спустя два дня, в театре, когда перед последними дорожными сборами Лович дружелюбно похлопывал по плечу нового администратора Крупеню, в прошлом артиста цирка и потому человека своего, закаленного гастрольными перипетиями, говорил ему слова напутствия и обещания обязательной помощи, к Ловичу подбежала запыхавшаяся техничка и скороговоркой выпалила — срочная междугородняя, Ленинград.

Лович, оттолкнув Крупеню, понесся в свой кабинет.

— Мой друг? — спросил голос в телефонной трубке.

— Да-да-да! — кричал возбужденный Лович. — Как ты?

— Как я? Ничего. Жива и свободна. Что будем делать? — очень спокойно сказала Надя. — Мой академик приказал очистить помещение и как можно быстрее.

— Надя, милая...

В трубке щелкнуло.

Лович ликовал.

Вспотевший, он выскочил из кабинета и высоко подпрыгнул:

«Браво, Лович, браво! Это твой самый главный выигрыш в жизни, самый важный, по большому счету!»

* * *

— Рита, мы опоздаем. — Вадим буфонно пригрозил пальцем зеркалу, перед которым кружилась его жена. Он посмотрел на ее спину, красивые покатые плечи, оливковый загар которых подчеркивали две светлые бретельки вечернего платья... — Мы опоздаем, — повторил он, касаясь губами ее шеи.

— Ну и артист же ты. — Рита плавно повернулась к Вадиму и, оценивающе скользнув придирчивым взглядом по костюму мужа, остановилась на его носках. — Вадик, беги, надень сабо.

— Рита, опомнись, мы ведь не на пляж...

— Какая разница, главное (она высокомерно улыбнулась) — таких сабо в городе ни у кого нет (она поднялась на цыпочки). MADE IN отшчэнь, отшчэнь далеко, — коверкая язык, сказала Рита на ухо мужу. — И, пожалуйста (она вплотную приблизилась к зеркалу), будь ко мне внимателен, доброжелателен и так далее, и так далее (она поцеловала свое отражение), в театр придет весь отдел (она стерла с зеркала следы губной помады).

В фойе театра было оживленно, как никогда: премьера спектакля и вечная премьера публики, которая фланировала и позировала, стрекотала и зевала, конфузилась и грезила — глазами, жестикующей, щелканьем каблучков...

— Феликс, полюбуйся, Вадим пылинки с жены сдувает, а ты... — тучная самодовольная женщина презрительно посмотрела на холеного Феликса, розовый костюм, выпяченная грудь и безучастно-вопрошающий взгляд которого удивительно совпадали с внешним обликом какаду инка. — Разве ты муж, — назидательно качала тяжелыми серьгами она, — хоть бы для приличия взял под руку, что ли... •

Около буфета толпилась добрая половина зрителей.

В простеньких бокалах с обязательной пластмассовой соломинкой, играя всеми цветами радуги, искрились коктейли с самыми экзотическими названиями...

Мужья, сдернутые с диванов, оторванные от телевизоров, с болью в сердце расставшиеся с такими уютными растоптанными домашними шлепанцами, старались взять реванш на коктейлях...

Прозвенел звонок.

— Пора в зал? — Вадим стряхнул с платья жены воображаемую соринку и испуганно отшатнулся: ресницы на панически бледном лице Риты нервно подергивались, дрожал подбородок. — Рита, — Вадим нежно провел ладонью по щеке жены, — что случилось, Рита?

— Медальон, — чуть слышно выдохнула Рита, — мой фамильный. Год назад, вернувшись с мужем из круиза, Рита, среди исчезнувших из их квартиры вещей, не нашла самое ценное — золотой медальон.

Украденные вещи семьи Мошкиных так и не удалось обнаружить, и Рита, совершенно забыв о кошмарных днях, заполненных кинологами, трассологами, сотрудниками милиции различного рода и звания, почти забыв о пропавших вещах, всегда помнила о медальоне.

— Рита, а что если ты ошиблась?

— Как ты можешь? — Взорвалась Рита, уверенная в уникальности своего медальона. — Нет, ты только посмотри, какая-то ничкесная старуха напялила мой медальон и...

— Рита...

— Мой медальон на ее черепашьей шее, как на коро...

— Рита, — еще раз шепотом прервал ее Вадим, — нас могут услышать...

На Мошкиных стали оглядываться.

— Вадик, — барабанила по крокодиловой сумочке окольцованным золотом пальцами Рита, — я пошла звонить, а ты запомни ряд и место этой воровки.

Рита неприязненно посмотрела в затылок женщины с медальоном.

* * *

В течение нескольких часов за окнами мелькали рабочие, уверенно орудующие ножовками.

С треском падали обломанные сучья тополей.

Этой весной ветки отнимали у самого основания ствола, и деревья становились похожими на неуклюжие декорации к кукольному спектаклю. Невозможно было представить листки на этих, теперь уже фантастических растениях, ошетиившихся короткими крючковатыми ветками, выставленными на обозрение, как культы калеки на церковной паперти.

В дверь робко постучали.

— Войдите! — крикнул Харабара.

Стук в дверь в наши дни явление довольно редкое: сейчас не входят. Врываются. И где-нибудь в центре кабинета спрашивают требовательным, начисто отметающим возражения голосом: «Можно?»

Вошел старик Лапиков, который систематически по телефону вежливо интересовался: «Не обнаружили?»

Прищурившись, как делают все близорукие, попадая в незнакомую обстановку, старичок поздоровался и в нерешительности остановился у двери:

— Вы меня помните, Александр Ильич? Я по поводу коллекции самоцветов. Кольвано-Воскресенский завод... Вы извините, я вас, видимо, уже утомил...

— Проходите, Петр Авдеевич, садитесь, пожалуйста. — Харабара подал Лапикову стул.

— Я не хочу вас отвлекать от дел. — Старичок поправил галстук, как будто некоторый беспорядок в одежде мешал ему говорить. — Я тут кое-что вспомнил.

Харабара отложил папку и раскрыл рабочий журнал.

— В прошлом году мой племянник, прекраснейший человек, тонкая натура, увлекается резьбой по дереву и камню, решил сделать копию моей коллекции.

— Сделал? — спросил Харабара.

— Нет, — старик говорил взволнованно и умиленно, чувствовалось, что он души не чаял в своем племяннике, — не получилось, —

уже сдержаннее продолжал старик. — Так вот, Геня, мы его с женой так с детства называем, говорил, что кто-то из его знакомых, кажется скульптор, точно не помню, предлагал за коллекцию большие деньги. Я, естественно, и говорить на эту тему не стал. Извините, может, все это не то, но вы же просили сообщать все, относящееся к коллекции, я и вспомнил... Коллекция... — старик опустил глаза, — астерия сапфир, богемский гранат... — старик жалобно посмотрел на Харабару. — Ах, Александр Сергеевич, Александр Николаевич...

— Александр Ильич, — поправил Лапикова Харабара.

— Да-да, — грустно улынулся Лапиков и замолчал.

— Назовите, пожалуйста, фамилию и адрес вашего племянника.

— Пожалуйста. Живет в Новосибирске, работает в театре.

* * *

— Вчера, — капитан Яров раздавил «бычок» о дно пепельницы, — появилась первая из всех похищенных вещей — медальон. Гражданка Мошкина опознала свой медальон несмотря на то, что фамильная буква «Р» на обратной стороне медальона перегравирована на «Ф» — букву, с которой начинается имя новой владелицы медальона — Фаины Барсовой, утверждающей, что медальон подарен ей братом. — Яров вышел из-за стола. — Брат проживает в настоящее время в Ленинграде, адресат проверен, все совпадает. Наконец-то кое-что проясняется: преступники, оказывается, не сбывают краденое на месте и даже не в близлежащих населенных пунктах, поэтому на запросы в соседние области и на постоянный контроль в комиссионках и на барахолках мы получали пшик. — Яров прошелся по кабинету. — Квартира Лапикова, как и все предыдущие, открыта отмычкой. Вору работали спокойно, уверенные в том, что их никто не потревожит. А потому — и никаких следов. — Яров подошел к Далину. — Теперь вся надежда на брата Барсовой. Тебе, Андрей, — Яров обратился к Далину, — придется лететь в Ленинград. — Он поднял руку и взглянул на часы. — Завтра в десять утра жду всех вас для детального обсуждения новых версий и предположений.

* * *

Лович шел по длинному скучному коридору гостиницы. Впереди некрасивые девичьи ноги шаркали старыми, заплатанными шубенками. 32, 33, 34, 35, 36. Лович и девушка остановились у одной двери. «Простите, вам кого? — девушка здорово грассирует и до смешного заглядывает окончания слов. — Вячеслава Георгиевича?» — «Да». — «Проходите». Она отворяет дверь в пустую комнату. «Вот так фокус. Оставить номер кому попало. Может, она горничная? Хорошо, если Крупеня забирает деньги с собой», — рассуждал Лович, разглядывая девушку. Ее волосы, словно несколько выжженных солнцем пучков ковыля, собраны на затылке в ничтожный хвостик, а лицо с прямой до бровей челкой (если убрать с него огромные очки) заставляет вспомнить пони. Высокая, худая настолько, что острые лопатки вот-вот продырявят шелк на ее блузе, она стоит у стола, водит желтым мизинцем по графину с водой и смотрит на Ловича. Они молчат и почти одновременно опускаются в разделенные журнальным столиком кресла.

— Вас не интересует, почему я в желтых перчатках, — первой нарушает молчание девушка.

— Конечно, интересует, — стараюсь не замечать ярко-красные на помаженные губы, веерообразные синие наклеенные ресницы, упирающиеся в стекла очков, и вульгарный темный грим девушки, протяжно отвечает Лович. — Но, пожалуйста, простите, гораздо больше интересует, где Вячеслав Георгиевич?

Девушка пожимает плечами: «Близко, наверное».

— А вы?

— А что я? — Она выразительно подмигивает Ловичу. — Меня зовут Роза.

Справа от металлического карниза, почти под самым потолком, на гвозде с толстой заржавленной шляпкой, сильно накрененная вниз, висела картина в массивной позолоченной раме.

«Дерни портьеры посильнее, и эта мазня наверняка рухнет», — подумал Лович.

— Вы не хотите уделить мне хотя бы чуточку внимания? — обиженно сказала Роза, дотрагиваясь до запястья Ловича.

Лович поднялся с кресла, намереваясь выйти из номера.

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял Крупеня. Он многозначительно кивнул, загадочно улыбнулся и откинул голову так, что шляпа подскочила вверх, перевернулась в воздухе и снова закрыла почти полностью лишенную волос голову Крупени.

— Здрасьте-здасьте, — поздоровался он, — с приездом! Как, Роза? О'кей?

— О'кей! — Роза помахала над головой Крупени желтой перчаткой. — Я удаляюсь?

— Кто это?

— Роза, Евгений Илларионович, Роза. — Крупеня закурил трубку. — Талантище, да-да. Не смейтесь. Впрочем, смейтесь.

— Как дела? — перешел на серьезный тон Лович.

— О'кей, у ребят спектакль.

— А деньги, у кого деньги?

— Деньги я доверил Валентине Степановне.

— Крупеня, вы хотя бы представляете, чем все может кончиться? И не актриса будет отвечать за последствия, а вы.

— Бог мой, зачем так сразу? Я никогда не ошибался в тех людях, кому доверял.

— Допустим, но перед началом спектакля вы должны были находиться в администраторской.

Зазвонил телефон.

— А я в гостинице, — сказал Крупеня, снимая телефонную трубку. — Да.

— Очень плохо, Крупеня, что вы почему-то в гостинице.

Крупеня положил трубку.

— Вовсе не почему-то. Встреча.

— Не обижайтесь, Вячеслав Георгиевич, я ведь для вашего же блага беспокоюсь. Все может случиться. Деньги есть деньги. — Лович зажег сигарету и глубоко затянулся. — Сколько собрали? — ровным голосом спросил он.

— Пять с четырьмя бубликами. Сейчас заберете?

— Нет. На ночь деньги я не считаю и вам не советую.

— Профессиональное табу?

— Примета. Вы, пожалуйста, все подготовьте, а я утром, часиков в десять, зайду.

— Уезжаете завтра?

— Да, в двенадцать. И, пожалуйста, будьте осторожны. Если понадобится, я на втором этаже, номер сорок четыре.

Лович встал с кресла. Он не заметил, как открылась дверь и в комнату вошел молодой человек в превосходно сшитом светло-сером костюме-тройке... Рыжеватые, коротко остриженные волосы, серьезные, несколько ироничные глаза...

— Евгений Илларионович, познакомьтесь. Игорь, подойди сюда.

— Игорь. Очень приятно, — с отличной дикцией звонким баритоном представился молодой человек, выкладывая Ловичу широкую ладонь.

— Клоун, — гордо сказал Крупеня. — Впрочем, вы ведь, кажется, знакомы? Не так ли, Роза?

Лович снова опустился в кресло.

* * *

Группа Еремчука с собакой выехала на квартиру Осокиных.

Собака лениво прошла по лестнице, небрежно взглянула на зевая, неторопливо вошла в квартиру, обнюхала все углы, постояла у кухонной двери и села у ног проводника.

— Не нашла, — шепотом выдавила Осокина. — И что теперь?

— Будем искать. — Еремчук внимательно осматривал замок.

— Ну и когда найдете? — требовательно спросила Осокина.

— К сожалению, сроков назвать не могу. Замок открыт отмычкой. К тому же вы очень помогли преступникам.

— Интересно, чем? — вызывающе скривила губы Осокина и гневно оглядела Еремчука.

Осокин вяло опустился в кресло: «Такие книги, такие книги...»

— Влажную уборку для чего делали?

— А вы что, — негодовала раскрасневшаяся Осокина, — когда из отпуска приезжаете, сразу проверяете наличие вещей?

— Моя квартира на автоконтроле. Выходишь, набираешь шифр — прямая связь с милицией. И вам бы рекомендовал.

— Чем рекомендовать, лучше бы искали! — Осокина покосилась на собаку. — Кстати, вы уверены, что собака абсолютно здорова?

— На питомнике ветеринары систематически осматривают, — отрезал Еремчук.

— Я не в том смысле. — Осокина сжала полные губы и просительным взглядом посмотрела на Еремчука. — Понимаете, я где-то читала, что собаки, как люди: есть умные, есть глупые, разные... Понимаете? Может, другая собака в данной ситуации вела бы себя иначе?

— Здесь и другая не поможет, — едва сдерживая обиду, четко произнес Еремчук, улавливая в интонациях хозяйки квартиры аналогию между глупой собакой и бездарным следователем.

* * *

Далин уныло перебирал карточки учета похищенных вещей. Не картотека, а музей редкостей... Ваза, изготовленная из рыбьей кости. Место изготовления — Бангкок... А вот и медальон Мошкиных. Приметы: миндалевидная форма, кружевное обрамление в виде цветов, обвитых виноградной лозой; на лицевой стороне медальона — букетик из трех роз, перетянутых лентой. Медальон двухстворчатый. На внутренней части — женский портрет, выполненный на фарфоре. Портрет-миниатюра написан в конце прошлого века во Франции. На обратной стороне медальона гравировка в виде буквы «Р» (начальная буква фамилии прабабушки Маргариты Мошкиной). Корпус медальона — золотой, вес 100 граммов.

Судя по описанию, медальон Мошкиных и медальон № 247 — одна и та же вещь.

...Четырнадцать преступлений из категории нераскрытых...

Первоначальный вариант «гастролеров» отпал, запросы в другие области ничего не дали. Кражи повторялись и повторялись. Поражала осведомленность преступников. Потерпевшие, как правило, никого не ставили в известность об отъезде. Все они из разряда интеллигентов, а такие дальше «здравствуйте», «доброе утро» или «добрый вечер» в своих отношениях с соседями не идут. Обитатели скамеек называют их по имени-отчеству, почтительно кивают при встрече и поясняют:

— Иван Максимович — главный бухгалтер торго.

Или:

— Нина Львовна — гинеколог.

Все четырнадцать краж можно было отнести к разряду специфических. Вещи, обычно интересующие всех воров, полностью игнорировались группой «Икс». Потерпевшие не вносили в перечень украденных вещей ни ковры, ни меха, ни шубы, ни обувь. Исчезали ценности малогабаритные и дорогостоящие. Преступники ни разу не ошиблись в оценке книг, икон, чеканки, редкого фарфора, стекла и хрустала: не исчезали сомнительные иконы, подделки под черное серебро, редкие, но малоценные книги. Ни одна хорошая, даже очень хорошая подделка «под настоящее» не исчезла.

Алфавитные карточки... Сколько их можно прокручивать...

Два претендента — Павлов и Гельтман, трижды судимые, — проверены-перепроверены. Павлов работал грубо, чуть ли не ломом замки открывал, физически сильный мужик — медвежатник в полном смысле слова, да и брал-то все, что под руку попадет, вплоть до холодильников... К книгам слабости не питал... Гельтман более цивилизован, но и он дальше хрустальных ваз не пошел...

Далин открыл новую пачку «Столичных» и закурил.

Что ценного принесет поездка в Ленинград, встреча с Акимовым? Конечно, Ленинград для любого человека — подарок судьбы, но в данном случае встреча с городом-музеем мало настраивает на лирический лад...

Возможные варианты вопросов и ответов...

Медальон...

Квартира Пушкина на Мойке...

Медальон...

Портрет Натальи Гончаровой; нежные, тонкие черты лица; прозрачность акварели Брюллова...

Медальон с локоном Александра Пушкина...

Медальон.

Акимов.

Ленинград...

Перед каждой встречей с новыми свидетелями у Далина вошло в привычку мысленно рисовать портреты и наделять этих людей определенными чертами характера. Чем менее совпадало его воображение с реальностью, тем более трудным был разговор. Зато первое впечатление, первые рефлексии свидетелей при встрече с ним и первые выводы Далина о их моральных качествах никогда не подводили молодого следователя. С юношеских лет он чувствовал в себе какие-то необыкновенные способности определять суть человека, несмотря на красивые фразы, модную одежду или изысканные манеры. Его еще в школе прозвали психологом. Он обижался. Ему не нравилось слово «психолог».

«Акимов Радий Васильевич: высокий, энергичный, доброжелательный, имеет собаку — дога или колли. Очень скоро мы с вами встретимся, товарищ Акимов».

Далин зашел в подъезд. Старушка, придерживая за поводок болонку, остановилась, пропуская Далина вперед. («Ты знаешь, что для меня самое неприятное, когда я захожу в квартиры?») — «Нет, трудно представить». — «Собаки. Смотри. — На лодыжках обеих ног Харабры были фиолетовые рубцы. — Память об одном свидетеле. Волкодава выпустил без намордника». — «Он вообще-то нормальный, тот свиде-

тель?» — «Еще какой, двух слов связать не мог. Вот так, Андрей. Для меня квартиры — сложная штука...») Любая собака, независимо от породы и лоска, под взглядом Далина прятала свои «умные» собачьи глаза, скулила, поджимала хвост, терлась мордой о ноги хозяина или убегала прочь...

Дверь открыл маленький человечек, почти карлик, с круглой головой, повязанной полотенцем.

— Извините...

— Да! Я Акимов! Акимов я! — оборвал Далина хозяин квартиры. — Не развожу я никаких сиамских лягушек! Не развожу и не собираюсь!

— Радий Васильевич, мне не нужны сиамские лягушки, пожалуйста...

— Проходите, — не дослушав Далина, Акимов развязал полотенце, сложил вдвое и махнул им. — Проходите, вы уже двадцать третий. — Он плюхнулся на диван, очень серьезно посмотрел на Далина, рассеивая его подозрения и приглашая сесть рядом. — Вы только вдумайтесь, — не преступление ли это — в нашем, цивилизованнейшем в мире, Ленинграде завелся болван и повесил объявление, что я развожу сиамских лягушек, и все желающие могут посмотреть и даже купить их у меня! — Он беспокойно заерзал, прислушиваясь и поглядывая на дверь.

— Радий Васильевич, вам знакома эта вещь?

— Разумеется, я подарил этот медальон сестре на юбилей.

— Радий Васильевич, скажите, как медальон очутился у вас?

— Месяца четыре назад я купил его возле комиссионного на Невском. У мужчины. Я давно искал подходящий подарок, и как только увидел медальон, понял, вещь старинная и очень дорогая, а просят сравнительно дешево, пятьсот рублей.

— А у вас не возникало мысли, что вещь краденая и потому продается так дешево?

— Нет. Если в каждом видеть вора... — Акимов потер переносицу. — Знаете, это не мой профиль.

— Вы запомнили, как выглядел продавец медальона?

— Высокий, очень высокий человек в очках с затемненными стеклами; как одет, естественно, не помню. Я не женщина. К тому же меня интересовал только медальон. К сожалению, свидетель я... — Акимов развел руки в стороны, соскочил с дивана, цепким, сверлящим взглядом пробороzdил лицо Далина, присел на краешек стула, снова забрался на диван и свернул ноги калачиком.

— Как вас зовут?

— Далин Андрей Владимирович.

— Сибиряк?

— Коренной.

— Абориген, значит... Ну и работа у вас, сибиряк, хуже — некуда.

— Почему?

— Вот смотрите вы на меня, а глаза ваши умоляют помочь, верно?

— Верно.

— То-то.

— Радий Васильевич, а если бы вам еще раз довелось встретиться с продавцом медальона, вы могли бы узнать его?

— Думаю, да.

— А если попытаться составить словесный портрет?

— Нет, сибиряк, ничего конкретного о носе, ушных раковинах и тэдэ и тэпэ я не могу сказать.

— Но при встрече обязательно узнаете?

— Думаю, да.
В дверь снова звонили.
Собаки у Акимова не было.

* * *

Прежде чем разбудить мужа, Селена Емельяновна приняла холодный душ. (Ровесницу нэпа, ее родители, сибирские крестьяне, называли современно и громко — Канализация, но, окончив курсы ликбеза, срочно заменили имя на другое — Марфа.)

Всю ночь Селену Емельяновну терзало навязчивое предположение. Она металась из угла в угол, прятала руки в карманы халата, скрещивала на груди, засовывала под мышки, прикладывала к голове, протягивала к богу: «Неужели с ними случилось то же, что и с Осокиными? Какое варварство, какая моральная нечистоплотность, какая наглость — обчистить сразу две квартиры в одном подъезде!»

Селена Емельяновна сидела на кухонном столе, мучилась, стонала, думала: «Первый муж... Гол как сокол. «Марфутка, зачем нам золото, мы и сами золото». Дурак дураком... Второй — директор. «Как ты похожа на луну, Марфа». Скорпион, царство небесное... Новый паспорт, другое имя — Селена... Пластическая операция... Минеральные воды... Третий супруг: «Селена, позвольте мне называть вас Муней, я обожаю английский». Кикимора, а еще архимандритом работал... Большой город. Кооператив. «Волга». Деньги. Бриллианты... Неужели конец всему?!»

Когда Селена Емельяновна чрезмерно волновалась, она всегда ела, много и жадно, глотая непрожеванные куски, совсем не ощущая вкуса пищи.

Селена Емельяновна долго гремела крышками на пустых кастрюлях в надежде найти хоть какие-то остатки от ужина. «Хорошо моет, с содой, наверное», — ворчала она. Оставалось заглянуть в холодильник. «Пусто. Не муж, а саранча, а еще попом работал. Бегемот».

Селена Емельяновна посыпала сырую рыбешку солью и понюхала. Потом она впилась в рыбешку так, что изо рта торчали только голова и хвост, потом ее стошнило и она откровенно выругалась, потом она прополоскала рот водой с мятыми каплями и, уставшая от лихорадочных мыслей, пошла будить мужа.

— Слоник!

Мужчина перестал храпеть, сладко чмокнул языком и снова захрапел, еще громче и противней.

— Слоник, вставай! — изо всех сил топнула Селена Емельяновна, пытаясь захватить в кулак короткий ежик волос супруга.

— Что случилось, Мунечка? Опять скверный сон?

— На этот раз — скверная явь, Слоник. Где моя бижутерия?

— Как где? В турецкой шкатулке, наверное.

— Вот она, турецкая шкатулка. Пустая! Ты хоть понимаешь, что нас ограбили?

— Когда?

— Не надо спрашивать, когда, надо звонить в милицию.

— В такую рань?

— Милиция, мой дорогой, не в пример тебе, работает круглосуточно.

— Муня, мне не нравится твое спокойствие: золотишко все-таки, то-се...

— А что ты предлагаешь? Биться головой об стену? Мой дорогой, я слишком хорошо для этого воспитана. И потом — милиция ведь все равно найдет.

— А если не найдет?

— Значит, еще купишь! Звони!

— Да?

— Да! Не звони, Слоник, — кричит Селена Емельяновна, ползая под кроватью. — Я еще загляну в итальянскую шкатулку!

— Ну?

— Прости, Слоник, — твердо извиняется Селена Емельяновна, целуя каждую бусинку, брошь, кольцо. — Ложная тревога, Слоник. Отбой.

* * *

Лович лежал на спине, раскинув руки в стороны.

Пахло свежим постельным бельем.

«Может, позвонить Крупене? Нет. Слишком поздно...»

Лович закрыл форточку, выключил свет и с головой нырнул под одеяло.

«...Домой... К Наде... Домой...»

* * *

«Напрасно вы так стучите, тут всю ночь бесовские оргии продолжались, теперь и пушками не разбудите!» — «Помешнее глотать надо». — «Я артист, я артист — всю ночь завывал!» — «Алкоголик из погорелого театра, а не артист он!» — перекрывая друг друга, спорили жильцы из соседствующих с Крупеней номеров.

Лович еще раз постучал. Требовательно и зло.

— Прошу, — чуть слышно сказал Крупеня, пропуская Ловича.

— Одиннадцатый час! Почему не открывали?

— Плохо...

— Деньги?

Крупеня отвернулся от Ловича.

— Но ведь еще вчера вечером я своими глазами видел купюры и просил, нет, умолял вас быть осторожнее.

— Надо было вам забрать их.

— Но вы уверены, что искали везде?

— Больше, чем уверен.

— В общем, так, — покачиваясь с носка на пятку, силясь придать своему облику начальствующую осанку, начал Лович, покручивая цепочку карманных часов. — Вы уж извините, но мне пора, через час мой самолет. А вы, Вячеслав Георгиевич, пожалуйста, постарайтесь вспомнить, куда спрятали деньги. Такая солидная папка сама убежать никак не могла. Когда найдете, пожалуйста, переведите деньги через банк. Всего доброго.

— Одну минуту! — выкрикнул Крупеня, останавливая Ловича. — Я пошутил!

— Вот как? — пренебрежительно посмотрел через плечо Лович.

— Seriously, пошутил.

— В следующий раз, Крупеня, будешь шутить с воронами на мусорной свалке. Ясно?

— Ясно, вашество.

Лович шел по центральной части старого сибирского города. Здесь он родился. Здесь живет его дядя, ученый-археолог...

«Холодно... Вернуться в гостиницу? Нет. Теперь — нет... Холодно... Весна... Одно название... — Лович поднял воротник пальто. — Домой, скорее домой... К Наде... Домой... Черт», — выругался Лович, больно столкнувшись с широкоплечим детиной.

— Угу, — беззаботно парировал юнец, проталкивая пальцем застрявший в горле кусок беляша.

— Не рассчитал, бедняга, того и гляди, подавишься, — оглядывался Лович на парня с беляшами. — Ирина? Неужели Ирина?

Лович резко изменил направление.

В мартовской толпе прохожих Ирина выделялась не столько своим ростом и завидной элегантностью, сколько какой-то даже внешне ощутимой нервозностью.

...Юная блондинка в ядовито-зеленом экстравагантном комбинезоне о чем-то оживленно беседовала с попутчиком.

Ирина остановилась у книжного киоска, через мутные стекла пытаясь разглядеть приближающееся лицо блондинки.

— Ирина!

Женщина, застигнутая врасплох, слегка вздрогнула. Маска растерянности и недовольства сменилась мягкой и спокойной улыбкой:

— Лович, Генька! Как ты здесь оказался?

Лович взял Ирину под руку.

— Последний раз мы виделись...

— На свадьбе моего брата, — подсказала Ирина, — я за это время ужасно постарела и подурнела.

— Ну что ты, ничуть не изменилась — такая же стройная, прелестная... — В разговорах с женщинами у Ловича выработался стереотип, удобный и во всех случаях приемлемый; даже для Ирины, выросшей с ним в одной квартире, не было исключения. — Куда бы нам зайти? Холод невыносимый. — Лович поежился. — Может, в кафе?

— Размечтался. Тебе что здесь — Москва? За каждым углом — кафе. Зайдем в музей? Экспозиция не новая, но ты все равно не видел. К себе пригласить пока не могу.

— Понимаю-понимаю...

— Что понимаешь? Я только неделю назад квартиру получила и делаю ремонт. Пока сама на чемоданах.

— Но почему ты предлагаешь именно музей?

— Музей близко, и там тепло, — безлико ответила Ирина.

Лович завел спасительно длинный разговор об общих знакомых, сообщая массу удивительных случаев и покаясь мастерством рассказчика. Его приглушенный доверительный голос звучал проникновенно, как у диктора Кириллова. Трудно человеку неискушенному, не попасть во власть этого эталона приятнейших голосов.

Ирина, очарованная голосом Ловича, изящной манерой говорить, расслабилась и улыбалась как под действием гипноза...

...Солнечные пейзажи Сарьяна, спокойные, уверенные полотна Шишкина и гибкая хрущящая фигурка балерины с непропорциональными длинными ногами в сочетании с голосом Ловича уводили от повседневных забот к воздушному миру приятных воспоминаний...

Музейную тишину красочно оживила яркая цыганская речь.

Несколько цыганок — от мала до велика — в традиционно пестрых нарядах темпераментно гудели, возбужденно размахивали руками...

Лович брезгливо поморщился:

— Устроили балаган.

Старая цыганка, жадно всматриваясь в масштабное полотно, словно вспоминая о чем-то важном, неожиданно сорвалась с места и, плавно скользя по музейному паркету натянутыми на толстые шерстяные носки-самовязки импортными кроссовками, изредка оглядываясь по сторонам, важно пропела:

— Э-ей! Кто здесь главный?

К ней моментально бросилась благообразная старушка с выражением ужаса на сморщенном личике.

— Тише, гражданка, тише, — устрашающе, с округленными глазами прошипела она тем шепотом, который не слышно разве что за стеклянными витринами выставочного зала со стороны проезжей части улицы.

Цыганка остановилась, затем, решительно отстранив локтем благообразную смотрительницу музея, двинулась к экскурсоводу.

Лович, заметив, что внимание Ирины сосредоточено на энергичной старой цыганке, предложил уйти.

Старая цыганка с вызывающе приподнятой головой, подперев руками бедра, слушала экскурсовода.

— Договорились? — не отводя глаз от цыганки, сказала Ирина. — Только не опаздывай, хорошо?

— Новоселье — это всегда хорошо, — застенчиво улыбнулся Лович.

— ...В музее, товарищ, ничего не продается, — галантно закончила экскурсовод.

— Ага-ага-ага, — соглашалась старая цыганка. — Ну а все-таки, сколько стоит, а?

— Я ведь вам уже объяснила: в музее ничего не продается, — раздраженно завершила экскурсовод и поправила сползающую с ее вздернутого носика фирменную «стрекозу».

— Ага-ага-ага, — назойливо бубнила старуха. — Ну сколько стоит, а?

* * *

— В период квартирных краж Мошкиных и Лапикова Лович находился на гастролях в нашем городе.

Яров слушал Харабару внимательно, не перебивая.

— И еще, — продолжал Харабара, — у этого Ловича роман с какой-то особой, как утверждают в театре, женой академика из Ленинграда.

— Саша, постарайся, не привлекая Ловича, сегодня же узнать ее ленинградский адрес, хотелось бы иметь более четкое представление о ней.

Яров положил телефонную трубку.

«С ленинградкой встретился Далин. Поможет ли она? Точнее, причастен ли к кражам Лович? Если да, то наверняка что-то могло осесть у этой особы; слишком много за последние два года исчезло из квартир дорогостоящих украшений, и очень уж велик соблазн удержаться от изящного подарка любимой женщине... Если эта ленинградка — посредник в сбыте краденого, то... — Яров расстегнул верхнюю пуговицу кителя. — Хватит гадать: впереди встреча с ней Андрея Далина».

* * *

К автозаправочной станции подошла еще одна машина: КамАЗ.

Мужчина в черном замшевом пальто, такой же шляпе с широкими полями и перчатках, скрестив руки за спиной, нервно топтался на месте, вытирал белым кашне лоб, украдкой наблюдая за шофером с КамАЗа, коренастым мужичонкой в кирзовых сапогах и фуфайке нараспашку.

— Эй, парень!

Шофер с камазовской махины сначала не понял, что обращаются именно к нему, но, видя, что мужчина не уходит, перестал протирать боковое стекло кабины, прыгнул с подножки и улыбнулся. Ему понравилось слово «парень», понравилось, что с ним совсем запросто разговаривает такой представительный человек. Он снова улыбнулся. Просто душно и виновато.

— Заправился, что ль?

— Ну.

— Слушай, парень, сделай доброе дело, подбрось, браток, пожалуйста.

— Далекко?

— Нет, километров пятнадцать, тороплюсь, браток.

— Ладно.

Мелькали дачные домики, заводские корпуса, новостройки.

— Давно в городе? — обратился мужчина к шоферу.

— Три месяца как.

— Из сельской местности?

— Ну. Сын перетащил.

— Хороший у тебя сын?

— Да ничо.

— А жена?

— Тоже ничо.

— Сколько ей стукнуло?

— Годов, что ли? Как и мне, полсотни четыре.

— Значит, хорошая у тебя жена?

— Ничо.

— Зато у меня... — мужчина тяжело вздохнул, — все, братишка.

Антракт.

— Чо?

— Антракт, браток. Был контракт, теперь — антракт. Развод, значит. Подвела меня жена под монастырь, ой, как подвела, опозорила, будь она неладна, изменила, окаянная, вот и еду сейчас домой забирать барахлишко... Н-да...

— Сама-то дома?

— А бес ее знает, увидим, браток.

Мужчина предложил шоферу папиросы. Они закурили.

Шофер откашлялся, расправил плечи и, заметно волнуясь, сказал:

— Про Васю Шукшина слышали?

— Родственник, что ли?

— Высоко хватили.

— Свояк?

— Вроде того, в соседнем районе жил. Большой человек. Старикам со своей улицы хромовые сапоги дарил, бабкам — кашемировые платки.

— Богатый, значит?

— Добрый. — Шофер резко тормознул. Светофор показывал красный. — Последнее отдавал. Русский человек.

* * *

— Ох и не охота же умирать!

— Апчхи!

— Правильно!

— Апчхи-чхи-чхи, — зачихалась бабка Матрена, правой рукой взяла из коробочки очередную щепотку нюхательного табака, а левой шоркнула по головам огромных пестрых павлинов, отстроченных по низу ее красного халата, выполненного в виде японского кимоно, и тщательно прочистила нос нестандартно большим носовым платком. — Тыфу-ты, зарядила одно, смерть да смерть, ты лучше посмотри на меня. — Бабка Матрена горделиво выпрямила спину, погладила себя по груди и подмигнула болезненного вида старушке. — А мне ведь больше шестидесяти никто не дает! И все почему? Да потому что я не верю ни богу, ни черту, ни врачам, ни знахарям, апчхи!

— Плохо одной, — жалуясь подруге, сказала Пелагея Ивановна, поправляя белый в мелкий горошек старушечий платок, плотно облегающий маленькую головку, и отправляя в рот кусочек торта. В отличие от своей неувядающей ровесницы Пелагея Ивановна была самая что ни на есть типичная бабулька с бесконечными охами, вздохами, с излюбленной темой разговора о ломоте в костях, тысяче болезней и скорой неотвратимой смерти. — Ты пришла и ушла, а углы остались.

— Тссс, — Матрена Саввичца приложила указательный палец к сморщенным в трубочку губам и настороженно прислушалась.

— Мать, чаво?

— Тссс. — Матрена Саввична покосилась на кухонную стену. Пелагея Ивановна в свою очередь покосилась на Матрену Саввичну, потом на кухонную стену и вопросительно кивнула, сгорая от любопытства, не решаясь спросить вслух, что случилось.

— Ивановна, ну-ка, дай банку, — шепотом попросила Матрена Саввична.

— А? Мотенька, какую?

— Тупень ты и глухмень, — сварливо прошамкала бабка Матрена, шустро поднялась с табуретки, распахнула дверцу буфета, схватила пол-литровую стеклянную банку, на ходу сдернула резинку с бигуди над ухом и, приложив к банке освобожденное от бигуди ухо, подошла вплотную к кухонной стене.

— Мать...

— Чь, ну-ка, дай литровую, быстрее-быстрее, ничто не слышу.

Пелагея Ивановна отдала литровую банку, а сама взяла трехлитровую.

Карикатурно выгнувшись вдоль кухонной стены вопросительными знаками, старушки, боясь шевельнуться, замерли.

— Воры, — свистящим шепотом сообщила Матрена Саввична, — точно, воры. Соседи-то твои греют кости на югах? Надо, товарка, звонить в милицию.

— Зачем? — бабка Пелагея на мгновение оторвалась от банки и снова припала к стене. — Вдруг это они вернулись?

— С юга-то? Четыре дня как уехали и уже вернулись?

— А если на площадке возле нашей двери караулят? Услышат телефон и порешат нас... — Тыльной стороной ладони Ивановна провела вдоль лба. — Неспроста, видно, сон мне... Мать, а Мать, — плаксиво тянула бабка Пелагея, беспрестанно крестясь и часто-часто мигая бесцветными слезящимися глазами, — может, не звонить, а?

Матрена Саввична сняла телефонную трубку, сделала глубокий выдох и набрала ноль два.

Ей несколько раз пришлось повторять одно и то же: как назло она не успела вставить передние зубы, и дежурный отделения милиции никак не мог понять шепеляво-бессвязный рассказ старухи до тех пор, пока к телефону не подошла Пелагея Ивановна и по слогам простонала название улицы, номер дома и квартиры.

Прибывшая по вызову оперативная группа начала действовать: один остался на улице, двое вошли в подъезд. На площадке третьего этажа встретили мужчину в черном замшевом пальто с двумя чемоданами. Мужчина остановился и дружелюбно спросил:

— Опять у Самсоновых история?

— Нет, — отчеканил сержант. — Вам придется пройти с нами.

— С удовольствием. — Мужчина в замшевом пальто поставил чемоданы на лестницу. — Но, понимаете, поезд.

— Мы вас надолго не задержим.

Водитель КамАЗа испуганно хлопал белесыми ресницами и сбивчиво объяснял милиционеру:

— Помочь человеку... а ежели не уважить... тогда как?

— Машина-то государственная, — сказал милиционер.

Продолжая хлопать ресницами, не понимая, за что его задержали, шофер, не переставая, твердил:

— Помочь человеку, а ежели не уважить...

Задержанным оказался ранее уже отбывавший наказание вор-рецидивист Кукуев.

Лапиков обнимал племянника не столь крепко, как обычно: пропавшая коллекция, сильные головные боли, бессонница изменили Лапикова. Он стал более рассеян, боязлив, недоверчив.

...Пили чай с любимым вареньем Ловича — клубничным. Евгений перебирал имена родственников, знакомых, делился впечатлениями о поездках, городах, людях, книгах... Лапиков сидел с низко опущенной головой, поддерживал разговор однозначными «да-да», «так», «хорошо», молчал, водил ложечкой в стакане, слушал племянника и, выждав, когда наступит пауза, слабо улыбнулся:

— Коллекции-то, Генечка, тью-тью, так и не нашли.

— И не найдут, — Лович доел в вазочке варенье и облизал ложку, — с такими темпами они никогда не найдут.

— Да-да, анализировать все мы мастера... — Лапиков приподнялся и подвинул свой стул к Ловичу. — Послушай, Геня, помнишь, твой знакомый, кажется, скульптор, предлагал мне за коллекцию большие деньги? Как его фамилия?

— Зачем об этом? Не он же украл у вас коллекцию?!

— Геня, мне нужно знать его фамилию, я обещал помочь следователю.

— Петр Авдеевич, мудрый человек! Как вы могли впутать меня да еще и порядочного человека подозревать! — Лович встал. — Слава всевышнему, что вы не знали его фамилии! Сколько позору было бы, дядя!

...Сильный весенний ветер, открыв форточку настежь, разбросал по всей комнате рукописные страницы археолога Лапикова.

* * *

...Аристократ наслаждался аппетитным зрелищем в образе куропаток и глухарей; обильная слюна Аристократа сочилась сквозь стиснутые клыки, увлажняя лапы и грудь. Аристократ спал... Цвет блестящей текстолитовой обивки распахнутой настежь входной двери удачно гармонировал с цветом лоснящегося экстерьера Аристократа...

...Почуввав запах чужака, Аристократ лениво приоткрыл сонный глаз, равнодушно твякнул, открыл второй глаз, расширил зрачки, сузил и уткнулся слюнявой мордой в поролоновый коврик.

Далин спокойно перешагнул через замшевый ошейник бульдога и вошел в переднюю коттеджа.

Громовой бас чередовался с кокетливым дискантом.

Далин прислушался.

— Миллионы лет назад мужские инициации были не что иное, как издевательство. — гремел бас, — юношей колотили дубинками, им выщипывали волосы, с них сдирали кожу.

— И правильно делали, — смеялся дискант.

— Вашему брату было еще хуже.

— Нам не привыкать.

— Правда, хуже, ведь дефлорирование было коллективным, плюс ко всему девушкам в данное торжество выбивали зуб или даже несколько...

Ботинки Далина утонули в густом ворсе ковра. (У «цивилизованных» людей не принято снимать обувь в передней; эта слабость приписывается только японцам и сибирякам...) На улице было сыро, и ботинки Далина оставили на ковре свежие грязно-серые вмятины.

Из передней Далин вышел на дуэт голосов в холл.

В пяти креслах, стилизованных под «ампир», корчились три девушки и два парня.

— Мираж, галлюцинация, реальность? — пророкотал Бас, поднимая брови неожиданному появлению Далина. («Любопытно, сколько

лет он отращивает усы?» Кончики усов Баса прятались в верхних карманах пиджака. Далин даже мысленно сплел из усов две косички и украсил их пышными белыми бантами...)

— Живая голография, — парировал Далин. — Простите за внезапность, но у меня срочная телеграмма для хозяйки дома.

— Посленгуйте пока без меня, — бросила Надежда гостям. — Что-нибудь от мужа? Это мои друзья, — не требуя ответа на вопрос, сказала она, увлекая Далина за собой в другую комнату. — Проходите, располагайтесь. Это мои друзья, — уверяла она, основательно устраиваясь на пуфе, — университетские приятели, милые ребята.

— Особенно усы, — улыбнулся Далин.

— И не просто усы, — очень серьезно сказала Надежда, — а усы протеста.

— Против чего?

— Против холодной войны.

— О, это уже не шутка.

— Рюрик освободится от усов только тогда, когда у нас с США будут нормальные оптимистические отношения. Что-нибудь от мужа? — беспокойно спросила она. — Должно быть, очень скучает на Вильяну-эва-дель-Арсобиспоском консилиуме? Что от него?

— От Ловича.

— А, от Ловича, — безразлично сказала Надежда. — Ну и как он там?

— Живет, работает, — небрежно и вместе с тем растягивая слова, ответил Далин, зрительно изучая комнату и в темпе прокручивая перечень похищенных антикварных вещей. — шлет вам привет.

— Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, — иронично процитировала Надежда. — Что у вас?

— А у нас сегодня кошка родила вчера котят, — улыбнулся Далин. — Имя Петра Авдеевича Лапшкова вам о чем-нибудь говорит?

— Говорит. Потрясающие у него игрушки есть.

— Были. Если вы имеете в виду коллекцию самоцветов.

— Да-да, конечно, были, а собственно, почему вы заговорили о коллекции?

— А почему вы?

— Ну я... как бы поточнее выразиться... — Надежда щелкнула пальцами. — Я всегда неровно дышала к замечательным минералам. — Она встала с пуфа. — Завидная была коллекция. Особенно впечатлял гелиодор, ярко-золотисто-желтый «солнечный берилл», огранка бриолет. Ц-а! — выпустила воздушный поцелуй Надежда. — Жаль Николая Васильевича, очень жаль, — задумчиво сказала она.

— Вы о ком?

— Да так, красивые минуты вспомнила, а собственно, почему вы меня допрашиваете?

Далин показал свое удостоверение:

— Не допрашиваю, Надежда, а спрашиваю. Пожалуйста, вспомните, сколько раз вы видели коллекцию?

— И вспоминать нечего. Один раз. Женька, простите, Евгений представлял меня Петру Авдеевичу в качестве эвентуальной жены.

— Но вы, судя по всему, отвергли его предложение?

— Разумеется. У нас в роду женщины только раз выходят замуж, и, по традиции, узы брака для меня священны.

— А как же Лович?

— Лович? — Надежда старательно рассматривала свои ладони. — Лович молод, хорош собой, но он — всего лишь администратор из Сиби-ри, а я, — Надежда направила указательный пальчик к потолку, — а я — жена академика!

Стоило Ирине войти в свой отдел, как возникла атмосфера удлиненной паузы, самой долгой и оскорбительной из всех существующих пауз.

Проработав в НИИ более восьми лет, не нужно иметь уникальных способностей, чтобы изучить систему заспанных разговоров; желательны этого или нет, но в кабинете, где собирается до тридцати человек, — в этом гараже кульманов, канцелярских столов и счетных машии — всегда найдется тема для общего (закулисного общего) разговора.

— Вчера сапоги предложили, — отважилась разорвать паузу Галочка, — австрийские, за двести рублей. Целый день мучаюсь, покупать или не покупать.

— Покупай, — откликнулась Чернова.

Положение было спасено: выручили австрийские сапоги.

Ирина раскрыла справочник. Буквы сливались. «Пора бы уйти от инфантильности и поменьше реагировать на ерунду: какая разница, что о тебе говорят?» Ирина читала справочник, пытаясь ухватить смысл. Буквы и цифры существовали сами по себе: просто буквы и просто цифры... «Функциональная структура коллектива характеризуется совокупностью...»

— Ирина Николаевна. — К столу подплывала улыбающаяся физиономия с ярко накрашенными тонкими губами на тщательно напудренной заискивающей маске (Анна Дмитриевна, женщина весьма далекая от науки и всякой производственной деятельности, пользовалась в институте огромным авторитетом: во-первых, она работала здесь со дня основания института; со многими ведущими специалистами училась в одной группе и оставалась Анечкой, разменяв пятый десяток лет; с легкостью передавала сложные вопросы сокурсникам с притягательно-простецкой иронией по поводу собственных способностей; никогда не слыла ни лентяйкой, ни тупицей, считалась одним из грамотных специалистов (из серии тех, кому ничего не поручают), исправно получала добавку к окладу, при сем, не имея высоких титулов, входила во все научно-технические комиссии и бесконечное количество общественных организаций; во-вторых, ее умение подойти к человеку, влезть к нему в душу, затем творчески переработать полученную информацию, заполнить черные дыры и только тогда под грифом «совершенно секретно» выдать публике являлось в среде сотрудников НИИ непревзойденным. Без таких людей коллектив зачахнет, погрязнет в бумагах, формулах, научных спорах; перестанет замечать, что вокруг люди со своими заботами и ошибками... «Олег Петрович — кандидат наук, прекрасный работник, умница, но... от него ушла жена. Почему? Информации нет, но... от порядочных людей жены не уходят...»). — Ирина, — кротко пропела Анна Дмитриевна, — я сегодня иду на свадьбу, не посоветуешь, у какого мастера прическу сделать? Я так редко бываю в парикмахерской. — Анна Дмитриевна любовно взбила толстыми короткими пальцами свои жиденькие волосики, многие годы крашенные во все цвета радуги, потерявшие естественный цвет и покоряющие многих женщин голубовато-лиловым оттенком.

Ирина отложила справочник. («Третий день вьется, что ей от меня нужно?») Маленькими бегающими глазками Анна Дмитриевна впилась в бумаги (по оценке Анны Дмитриевны нередко судили о творческой активности работника).

— Готовите методику?

— Просматриваю материал.

— Снова премию отхватите, — вдохновенно улыбалась Анна Дмитриевна. — Слышала, вы насчитали эффект на сотни тысяч!

— Эффект-то насчитали, неизвестно, как пойдет внедрение. («Интересно, как она перейдет от науки к жизни?»)

— Вчера к Виктору ходили. Не везет ему, без конца болеет.— («Вот и подошла к главному».) Ирина водила карандашом по бумаге: квадрат, еще квадрат... соединила спиралью...

— Я тоже у него была.

— Значит, у вас все хорошо? Я так рада, так рада! Ирочка, будь помягче, — лицо Анны Дмитриевны воплощало святую наивность. — Виктор влюблен в тебя, все об этом знают.

— Все, кроме меня... Бывать в кино и театрах — это еще не любовь.

— Ну зачем так резко, Ирочка. — Анна Дмитриевна перешла на доверительное нашептывание: — Мне как коллеге по работе, искренне расположенной к тебе...

(«Функционально-квалификационная структура коллектива...»)

Ирина встала из-за стола и вышла из кабинета.

— Все ясно! — На весь отдел объявила Анна Дмитриевна. — Он ее бросил!

— Или она его, — подражая голосу Анны Дмитриевны, крикнул Илья, в силу своей молодости игнорирующий признанный авторитет знатока человеческих душ.

Анна Дмитриевна метнула на него уничтожающий, полный ненависти взгляд:

— Виктора видели с другой!

— Какое счастье, что меня не видели, а то за аморалку и с очереди на квартиру снимут. — Илья галантно распахнул перед расшвырянутой общественницей дверь.

— Ольга Никитична, дорогая... — с медовой улыбкой Анна Дмитриевна подплывала к коллеге из соседнего кабинета...

* * *

...И все-таки никакие осведомители и наводчики не могут дать той информации, которой пользуются преступники. Найти и сообщить координаты прилично обставленной квартиры проще, чем узнать, когда хозяева квартиры отбудут в отпуск и непременно всем семейством. Наводчик, он идет на «ура» под видом сантехника, работника госстраха, горгаза, да мало ли... И в его функции не входит слишком тесный контакт с будущими жертвами... Конечно, каждая преступная группа ставит свои задачи и решает их по-своему, но большие оригиналы встречаются редко. Если действовать по обычной схеме, для того чтобы выяснить время отсутствия жильцов предполагаемой для ограбления квартиры, нужно нанести несколько визитов или установить наблюдение за квартирой. Последнее не дает возможности установить время отпусков...

— У вас не найдется двухкопеечной монеты?

Харабара почти автоматически порылся в карманах:

— Нет, вы напрасно надеетесь позвонить отсюда — телефон неисправен.

...Все пострадавшие живут в разных концах города, работают в разных организациях, ни по службе, ни по каким другим каналам между собой не связаны. Откуда информация? Преступнику нужно быть или провидцем, что нереально, или... крайне общительным, как сейчас принято говорить, коммуникабельным человеком, иметь массу знакомых, через которых и поступала бы все та же информация...

Проверка знакомых пострадавших в результате краж пока ничего не дала, и все-таки именно такая проверка — наиболее верный вариант...

Харабара вошел в неосвещенный подъезд малосемейки. Где-то между четвертым и пятым этажом одиноко горела лампочка, пахло жареным картофелем, подгоревшим молоком...

Пол в общем коридоре слегка вибрировал. «Опять Далин перед соревнованиями по дзю-до лишние килограммы сгоняет...»

...Как проверить этот вариант и выявить нужного в данной цепи человека-преступника или его сообщников. Хорошо, если отыщется должданный единственный, а если их несколько и повторов не будет, что тогда? А тогда и посмотрим... Установлен круг знакомых Осокиных и Лапикова: приятели, соседи, коллеги по работе, сюда же попадают работники отделов кадров и бухгалтерии, и вторая цепочка — приятели данной группы... Все это хорошо, но везде, особенно среди работников отдела кадров, масса вечно меняющихся Танечек, Леночек, Мариночек — вчерашних школьниц, исполняющих обязанности курьеров и переписчиков бумаг. С ними труднее: у них много знакомых «мальчиков», у них тенденция к замалчиванию своих знакомств, оправдываемая неприкосновенностью личной жизни. А среди этих «мальчиков» редкие экземпляры попадаются... У некоторых и вид и манеры, как после двух университетов. Поставь с ними рядом меня, я от этого сравнения не выиграю... А на деле — по два срока в тюрьме».

...Харабара включил свет, открыл холодильник, взял сыр и пачку кофе в зернах. Кроме холодильника, в комнате стояли стол, диван, два стула; стены украшали четыре переполненных книжных полки с аккуратными стопками газет; наверху репродукция с картины Васнецова «Три богатыря» — подарок от сотрудников ко дню рождения — и крохотный эстамп.

«...Придется еще раз со всеми беседовать, иного выхода нет».

Харабара засыпал в «мельницу» кофейные зерна и постучал в стену. Прыжки прекратились.

...Падали снежные хлопья, но, так и не коснувшись земли, таяли в весенней плоти неоновом вечера..

* * *

...Праздничный стол.

Ослепительно белая скатерть. Бутылки с красочными этикетками. Гранатовые пятна вина в бокалах. Закуски и салаты, все еще украшенные овощными розочками...

...Новоселье...

После первой толики вина разговор крутился где-то между производственной тематикой и унылыми, стандартными комплиментами женщинам.

— Ник, правда, что у вас АСУП внедряют?

— Внедряют, — нехотя ответил Николай. — Уже программистов набрали. Сидят. Машины неизвестно, когда будут...

— Не знаю, возможно, я консерватор, — рассуждал Чунин, — и потому далеко не всегда оправдываю внедрение ЭВМ.

— Перспективно, дух времени, научно-технический прогресс... — Николай явно не был настроен продолжать разговор.

— Я далек от экономики, от бухгалтерии, от всего, что своим названием способно вызвать смертельную тоску. — Все больше воодушевлялся Чунин, стремясь втянуть в полемику гостей. — Но, как мне кажется, не лишен здравого смысла. Заводик у нас, сами знаете, кроха, и — представляете — внедрили АСУП! Завезли машины, переманили специалистов, а эффект? Я, конечно, в этом мало разбираюсь, возможно, и есть какой-то внутренний, внешне неощутимый для таких дубов, как я, незаметный эффект, не знаю, как он у этих мудрецов-экономистов называется...

— Косвенная эффективность, — подсказала Чернова.

— Вот именно, косвенная, — язвительно произнес Чунин, — а бух-

галтерия как работала в полном составе, так и работает, а плановый отдел даже расширился, не говоря уже об остальных службах! И эти дорогостоящие машины со столь же дорогостоящими приложениями к ним в виде высокооплачиваемых специалистов прекрасно уживаются с отмирающими службами. Почему-то там (Чунин направил большой палец в сторону окна) не особенно спешат внедрять ЭВМ, а некоторые из-за поспешной компьютеризации — ку-ку! Они (Чунин снова направил большой палец в сторону окна) вначале рассчитают, а потом...

Чунина давно никто не слушал...

— А сейчас танцевать! — Галочка в нежно-розовом полупрозрачном платье закружилась, плавными оборотами тела подчеркивая остроту и новизну модели.

— Танцуем в стиле «диско-рок», — Илья энергично нажал на кнопку магнитофона.

Заскрипел отодвигаемый стол; толпа сгрудилась в центре комнаты.

Женщины пытались продемонстрировать свою индивидуальность в танце, имея весьма смутное представление о хореографии.

— Галчонок, а ты все хорошеешь, — рассыпался в комплиментах Лукин. — Вся мужская половина страдает вдали от тебя.

Наклеенные над огромными с черным макияжем глазами ресницы кокетливо дрогнули.

— Мне тоже плохо без вас, мои дорогие. Очень скоро поточная линия будет сдана, и я снова вернусь в родной коллектив.

— Отдел без тебя осиротел, — юлил перед ней Лукин. — «Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму, мой жаркий вздох чадит и жжет, она желтеет в том дыму...»

— Друг Лукин, у ее ноги сейчас половина завода. Соперники довольно-таки серьезные, и тебе самое разумное — уйти в отставку, как у спортсменов: при славе и вовремя. — Илья наполнил рюмку.

— Соперники? Смешно такое слышать, — захохотала Галочка. — Какие там соперники? Работяги! Неужели я... ха-ха, — она закрыла лицо ладонями.

— Работяги... А что такое, в сущности, мы? — Олег Петрович посмотрел на Галочку светлыми трезвыми глазами. — Я вот недавно ехал в поезде в командировку, соседом по купе был старик. Работяга в переводе на приемлемый для вас язык. Так его волнуют такие проблемы, о которых мы, со степенями, и не задумываемся. Писал этот дед письмо в правительство, чтобы на водку сделали наценку, а соль и спички бесплатно давали.

— Ну это уже старик загнул, — возмутился Илья.

— В данном случае в тебе говорит тенденция потребителя, а старик думал о другом...

— Ну и что ответили?

— Ответили, несвоевременная мера. После этого у него появилась еще одна идея.

— Надо полагать, такая же фантастическая?

— Напрасно позируешь, Илюша. Тебя, с твоим верхним образованием, больше всего волнует оклад, а не мировые проблемы.

— Это уже слишком, Олег Петрович.

— Какой там слишком, не помнишь, как из-за пятерки по инстанциям летал...

— Так ведь материальный стимул, еще Ленин говорил...

— А этот старик без материальных стимулов пошел в горисполком и заявил, что готов поехать на Север, собрав со всего города тунецев, спекулянтов, и сделать из них людей.

Оглушительная диско-волна размыла последние слова Олега Петровича.

Анна Дмитриевна в новом корейском парике, в бордовом, только входящем в моду платье с многослойным воротником «пьеро» надменно созерцала извивающихся в танце сотрудников.

— Дудкина-то, Дудкина совсем обнаглела, повисла на Антоне.

— Завидую смелости Галочки, — подключилась к разговору Таисия Ивановна. — Явиться в полуголом виде не каждая решится!

— Зачем же утрировать? — Анна Дмитриевна поправила парик (кроме носителя всякого рода информации, она старалась быть по возможности современной). — Это сейчас самое модное: шифон, марлевка. Изумительно. — Волнообразным движением руки она изобразила легкость и воздушность.

— Само собой, — скрипучим шепотом выжала Таисия Ивановна — Мужики в подпитии при виде ее прямо-таки сатанеют.

— Что вы хотели? Молодость, женственность, — Анна Дмитриевна томно закатила глаза.

— А Федя-то, Федя... — Таисия Ивановна задышалась от возмущения.

— Что Федя? Он у нас самый красивый мужчина.

— Федя?

— Именно он. Окутывает избранницу таким вниманием, что остальные синеют от зависти.

Федор, маленький лысеющий мужчина в мятых серых брюках и светлом свитере, подчеркивающим добротню сформированное брюшко, раскланивался перед Галочкой, которая тараторила не умолкая...

— Ввязалась в ругань с главным следом!

— А если я такая! Темперамент такой!

— Галочка, тур «рока», прошу вас. — Федор изобразил книксен. — Женщинам — цветы. — Он швырнул на стол двадцать пять рублей.

— Мерси, богатенький буратино! — Лукин с готовностью подхватил деньги и скрылся в дверном проеме.

— Не-ет... я предпочитаю слушать Шопена. — Анна Дмитриевна поднесла бокал к тонким, все еще выразительно накрашенным губам (при этом мизинец был жеманно отведен в сторону). — Музыка Шопена — это... — Анна Дмитриевна отпила глоток вина, — это, — она задумалась, подбирая наиболее изысканное выражение, — это сказка! Нежная, теплая грусть, солнечная любовь... — Маленькие глазки остановились на лице Олега Петровича. — Па-ра-па-па, — пропела она, аккомпанируя на воображаемом инструменте. — Полонез, фантазия, чудо!

— А я голосую за поп-музыку! — Илья лениво развалился в кресле.

— Да что вы? За поп-искусство? — Анна Дмитриевна озидала прислушивающихся к разговору, искала идейных сторонников.

— Почему бы нет? — небрежно ответил Илья. — Картина «Плевков на стене» — сколько экспрессии, сколько внутреннего содержания, какой катарсис, какая интроспекция! Здесь можно подумать и о мотивах создания «шедевра», и о личной трагедии автора.

— Не юродствуй, — массовой ладонью Анна Дмитриевна рассекла перед собой воздух. — Искусствоведы пишут...

Илья поднялся с кресла, не имея ни малейшего желания продолжать дискуссию.

— Вас остается только пожалеть, уважаемая Анна Дмитриевна, — сказал он, зевнув. — Не забывайте, что некие веды кормятся у искусства, им безразлично, о чем писать и что исследовать: историю создания плевка на стене или туберкулезной березки на фоне ультрамаринового неба.

— Как от тебя устали!

— Я и сам от себя устал, уже танцую и советую не втягивать меня в абсурдные споры.

Лович пристально наблюдая за гостями: ему нравилось попадать в незнакомую обстановку, изучать людей, «раскусывать» фальшь, снобизм или хитрую, осторожную игру интеллектов...

В среде научных работников он был впервые и сразу выбрал для себя определенную манеру поведения: доброжелательность, разбавленную снисходительностью — такое внутреннее превосходство над бездуховными технарями...

«И женщины-то со странностями, — отметил про себя Лович, — стремятся затронуть в разговорах чисто мужские темы, видимо, у них котируется самоутверждение... — он в душе расхохотался. — Среди мужчин, пожалуй, и есть интересные экземпляры. Олег Петрович, например. Судя по всему, снискал себе славу востоковеда и собрал недурную коллекцию... Бьюсь об заклад, денюжки на это дело ухлопал бешеные, а вряд ли может оценить всю красоту и изысканность индийской культуры... Или еще вот этот симпатичный тип... — Лович поднял рюмку и непринужденно улыбнулся Виктору. — Чем же он так напоминает меня... Чем? Выберу подходящий момент и обязательно познакомлюсь, прозондирую его нейросферу...»

Лович подсел к Олегу Петровичу, но в общем разговоре участия не принимал.

Ирина металась между комнатой и кухней, стараясь образцово выполнять роль хозяйки. За три дня до новоселья она тщательно подобрала музыку; хотелось создать особо приятное настроение, но классика была отвергнута... Правда, Ирина не теряла надежду на некоторую корректировку музыкальной части вечера, но пока все шло обычно: сумбурные разговоры перескакивали с одной темы на другую, массовые танцы, постепенная полнейшая раскованность... «Закончится традиционно, — подумала Ирина, — хоровым пением...»

Предложить гостям легкий ужин у нее не хватило мужества, тем более фруктовый стол. Это изощреничество вряд ли поняли бы и оценили. Россия — не Англия и не Франция. Здесь не будут сидеть за бокалом коктейля и вести пресные разговоры...

— А сейчас — пельмени!

Это было уже третье по счету горячее блюдо.

Гости оживленно заудели, рассаживаясь по своим местам.

— Надоело? — Тамара посмотрела в сторону груды тарелок.

— Чепуха, не так уж часто бывает новоселье, — ответила Ирина, продолжая мыть посуду.

— Не найдется ли здесь чего-нибудь... — Тамара загадочно улыбнулась, — эдакого?

— Найдется, — с полуслова поняла ее Ирина, — в холодильнике.

— Отлично, — грустно сказала Тамара, наполняя чайную чашку вином. — У меня жуткая неприятность, интимная... Там, вместе со всеми, нельзя... Давай помогу...

«Давай помогу» утонуло в ровном гуле, доносящемся из комнаты. Ирина постучала по миниатюрному аквариуму. «Ну как, ребята, привыкаете?» Несколько гуппи-самцов с нарядными шлейфами хвостов приближались к поверхности воды.

Ирина взяла чистые тарелки и вошла в комнату.

...Аромат французских духов и полное отсутствие косметики, очень короткая стрижка и крохотные серьги с сапфирами, высоко поднятый подбородок и насмешливая улыбка — Леонора Гаевская появилась в отделе сравнительно недавно, ни к АСУП, ни к АСУК никакого отно-

шения не имея, историк по специальности, дочка директора фирменного магазина...

— Таких, как Леонора, — Кэн Иосифов склонился к уху Олега Петровича, — надо на полгода посылать канавы рыть — лоск и наглость навсегда исчезнут...

— Друзья, по просьбе Анны Дмитриевны, я предлагаю послушать музыку Фредерика Шопена. «Четыре этюда».

— Боже, целых че...

— Тес, — каблук Ильи шваркнул по ботинку Семенова, — лучше посмотри, какая душечка сидит напротив.

— Анна Дмитриевна?

— Тссс, — Илья энергично направил локоть в бок Семенова.

— Галочка, вы сегодня такая, такая... — Федор зажмурил глаза. — Если позволите, я буду дарить вам цветы ежедневно!

— О да! Я обожаю цветы, боюсь только, Федор Витальевич, что наши обыватели этого не поймут. Красивых отношений у нас не понимают, — она тяжело вздохнула...

...Перестала играть музыка Шопена, вопреки желанию хозяйки, не замеченная и не рассчитанная на аккомпанемент из вилок и ножей...

— Какие пельмени! Какие грибы! — Семенов наполнил тарелку через край, ничуть не вникая колючим взглядом Анны Дмитриевны.

...Гусь, как полированный, блестел зажаренными боками, привлекал многих, но чопорность пожилых дам не давала подступить к нему...

Появился Лукин.

Вместо цветов — с двумя бутылками коньяка...

— «Прекрасных женщин светлой чистотой блестит над миром солнце на восходе. Здесь дива нет: в арабском языке название для солнца в женском роде!» — процитировал Антон. — Давайте читать стихи! Нет, правда, давайте! Нелли, пожалуйста!

Нелли — сексапильное создание с разочарованно туманным взглядом и красивыми ногами, о магической силе которых она ни на секунду не забывала, — капризно отказывалась...

1. — Ну, Куколка...

2. — Ну, пожалуйста...

3. — Прочти монолог Мэрилин...

4. — Прочти монолог Монро...

1. 2. 3. 4. — Она ТАК! читает монолог Мэрилин Монро!

Не давая людям, далеким от поэтической экзальтации, сказать что-либо, кроме вымученных, халтурных просьб исполнить монолог (который уже несколько лет назад зазубрил весь отдел, потому что монолог Куколки был «гвоздем» программы каждого подобного собрания, поначалу веселил, забавлял, увлекал, а в последние торжества начал раздражать и большинству сотрудников, пожалуй, и вовсе опротивел.., но всякий раз, когда все забывали о «гвозде» программы, кого-то вдруг тянуло за язык вспомнить о монологе...), Куколка по-бессовестному искусно тянула время. Казалось, пока она не выжмет у холериков приступ задушить ее, а меланхоликов — хлопнуть дверью, она не сдастся...

Наконец Куколка откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза, сжала руки в замок и начала монотонным, характерным для величайшего большинства поэтов завыванием:

— «Я Мэ-ри-лин, я Мэ-ри-лин...»

Виктор, сидя на кухонном подоконнике, рассеянно посмотрел во двор.

— Грязь, лужи — болезнь новых микрорайонов... тебе помочь?

— Нет, — ответила Ирина, — тарелки я уже помыла, Тамара помогла. («Встречается с другой, а ведет себя как ни в чем не бывало».)

— Знаешь, Ирина, решил заняться динамическим чтением. Представляешь, Балзак мог прочитать «Идиота» за полчаса. («Да... и хитер же ты...») Оказывается, японцы читают значительно быстрее европейцев, благодаря иероглифам. — Виктор встал с подоконника и увлеченно продолжал: — ЮНЕСКО одобрен проект нового универсального письма-пазиграфии. Число символов в 3—4 раза меньше букв, используемых в обычном письме. Если эта система распространится, сколько времени выиграет человек. («А я свое время убиваю на ревность и подозрения... стыдно даже подумать — выслеживаю...») Правда, о методике Эвелины Вуд у меня довольно смутное представление. («Может, все-таки решиться, спросить?»)

— Виктор, в отделе ходят слухи о твоей новой пассии...

— Удивительная осведомленность. Могу познакомить.

— Спасибо. Лучше овладеть скоростным счетом. Сократишь институтские расходы на ЭВМ... («Познакомлю, познакомлю, подлец...»)

Ирина взяла тарелки и вышла из кухни.

Поэтический монолог завершился. Голос Куколки сорвался на истеричный крик:

— «Я баба слабая! Я разве слажу! Уж лучше сразу!..»

— Ее надо лечить, — сказал Кэл Иосифов на ухо Олегу Петровичу, — психопатический синдром...

— Браво, Нелли, браво! — Блекло-бракованная нить фальшивых аплодисментов оборвалась.

— Выпьем? — Тамара подала рюмку незнакомому мужчине.

— Водку? — Лович с интересом разглядывал высокую уверенную в себе молодую женщину (красивые руки, нежные пухлые губы, правильные черты лица, копна рыже-каштановых волос в стиле «афро», властный, низкий голос, зеленые, увеличенные стеклами очков, глаза).

— Да, водку, — ответила Тамара. — Что, не пьете?

— Отчего, — Лович сделал глоток.

— Вот и прекрасно, пить водку с кем-нибудь другим в этой компании мне нельзя: субординация и все такое... а вы, если не ошибаюсь, человек посторонний и давний друг Ирины.

— Вы правы. Почитаем стихи?

— Ради бога, только не стихи...

— А вы говорят, что-то изобретаете? (Ловичу было совершенно безразлично, кто и что изобретает, но он, человек весьма далекий от мира железа и машинных проблем и не терпевший подобных тем, не привык без победы выходить из игры.)

— По-моему, это сложно — изобретать.

— АРИЗ.

— Что?

— АРИЗ — алгоритм изобретательских задач, благодаря ему изобретатель уже не крутится на месте. Все значительно упростилось. В АРИЗе все приемы изобретателей объединены, и сроки изобретений естественно сокращаются.

Лович устал слушать.

— Тяжело, видимо, женщине руководить лабораторией?

— Ах, даже так! — Тамара вертела колесико зажигалки, со скрежетом вспыхивали искры, взлетал голубой огонь, моментально гас, и снова вспыхивали искры. — К вашему сведению, уважаемый...

— Лович.

— Уважаемый Лович, к вашему сведению, еще до нашей эры была женщина — фараон, а Египет — не лаборатория.

— Работа с людьми — всегда сложно.

— Правильно, Лович, начинайте с похвалы, искреннего признания достоинств человека и у вас никогда не будет врагов.

— «В ночи сада, выбеленной мелом, пляшут шесть цыганок в белом». Правда, красиво?

— Лорка Лоркой, а проза прозой. Вы кто? — бегло спросила Тамара и, не дожидая ответа, прошла в другой конец комнаты.

Темно-синее бархатное платье Тамары слилось с обивкой дивана. Лович подошел к дивану, взял стул и сел напротив Тамары.

— Отчего у вас такие печальные глаза? — бесцветным голосом спросил он, — как у кукол в театре.

— Спасибо за сравнение. Если не секрет, скажите, из чего делают кукол в театре?

— Из папье-маше, например.

— Бумага, значит, а в голове — пустота. Стукнешь и звенит. Вечерний звон, вечерний звон, — пропела Тамара. — Мужчины обожают, когда у женщин эта пустота позванивает.

— Вы так сердиты на мужчин?

— Чушь. — Тамара отглотнула из рюмки. — Какая нормальная женщина станет сердиться на них? Просто у одних есть время на мужчин, у других — увы — дефицит. — Она снова наполнила рюмку. — Давайте лучше выпьем, дискуссии мне порядком надоели. Я знаю, что умная, все знаю, а толку-то?

Гости постепенно расходились. Первым, поблагодарив Ирину за чудесный вечер и еще раз поздравив с новосельем, ушел Олег Петрович, ушел тихо, незаметно для других. Второй — Анна Дмитриевна. («Нет уж, дорогая Анна Дмитриевна, никуда мы вас не отпустим», «Анна Дмитриевна, милая, останьтесь», «Пожалуйста, не уходите, Анна Дмитриевна!» Она, конечно, согласилась остаться «ненадолго» и сидела за столом до тех пор, пока внимание всех было обращено исключительно на нее. Затем она опять вставала и любезно прощалась, ее заново уговаривали побыть хотя бы чуточку, она снова соглашалась «ненадолго», садилась, вставала, прощалась и в конце концов под всеобщее негласное «Слава богу!» ушла.)

— Вот и дышать вроде, полегче стало. — Лукин хрустнул яблоком. — Товарищи, внимание: теперь можно говорить о чем угодно и как угодно! С чего начнем? Федя, с чего начнем?

Федор в один глоток осушил рюмку водки и, выпячивая мокрые губы, проскоблил фальцетом:

— А черт его знает!

— Отлично, — бегал вокруг стола Лукин, — отлично. Федей предложена труднейшая и неиссякаемая тема «черта». Он, то есть черт, субстанция, безусловно, ирреальная, но, увы, товарищи, несмотря на законы логики, он, то есть черт, живет и даже здравствует среди нас!

— Анна Дмитриевна? — гоняя пластмассовую соломинку из одного уголка рта в другой, сказала Чернова.

Все дружно захохотали.

— Между прочим, когда мне было лет несколько, я подслушал рассказ прадедушки. — Лукин через весь стол протянул руки к тарелкам. — Ну так вот. — Вилка с пластиком огурца летала вместе с движением руки Лукина. — Жила одна княгиня, с формами, естественно, но был у ней тривиальный недостаток. — Лукин взял вилку в зубы, снял галстук и отбросил в сторону. — Как только муж в командировку, у нее, синьоры то есть, начинается сомнамбулизм. — Вилка упала на колени Галочки, она брезгливо взяла ее двумя пальцами и, отвернувшись от Лукина, отдала ему. — Сидит однажды она, мадам то есть, вот как сейчас Куколка — локоток на скатерти, ладошка под щечкой,

и слушает она, донна то есть, трели своего приятеля. На улице темень. Звезд не видно. Жуть. Граф в командировке. Чувствует она, фрау то есть, что по ее ноге кто-то ползет, то ли блоха, то ли клоп, не помню. Наклоняется она, миледи то есть, под стол, глядь, а вместо ног у ее приятеля — копыта!

— Какой ужас! — подражая голосу и интонации Анны Дмитриевны, взвизгнул Илья. — А дальше? Что было дальше?

— Она, — Лукин подмигнул Нелли, — княгиня то есть, перестала блудить по ночам. Ам, — сказал он, еще раз подмигивая Нелли и отправляя в рот пластик огурца, — ам-ам, хрум-хрум.

Нелли встала, дернула плечиком и выскочила из комнаты. В прихожей она рванула с вешалки пальто так, что отлетела петля, и в туфлях, с сапогами в руках выскользнула в подъезд.

— Нелли, Нелли, — крикнула ей вслед Ирина, — подожди!

Ирина спешно переобулась, накинула плащ и выбежала догонять Нелли.

— Музыку, пожалуйста, музыку, — едва ворочая языком, требовала Тамара, пытаюсь подняться со стула (тупым концом ножа она ткнула под мышкой рядом сидящего Семенова). — Слышите?

Семенов что-то проворковал Галочке, поцеловал ее локоть и вопросительно посмотрел на Тамару.

— Все вы одинаковые, — буркнула Тамара.

— Я и не претендую на оригинальность.

— Семенов, — начальствующим тоном резанула Тамара, — завтра вам будет стыдно, очень стыдно.

— Мне? А может быть, вам?

Гости точно матерые хищники в преддверии исключительно трудной добычи, притихли, цепляясь взглядом за развитие действия.

Тамара, собрав последние усилия, встала, отбросила стул, но, не в состоянии сделать второго шага, запнулась за собственный каблук, упала и, отчаянно ухватившись за скатерть, резко рванула ее.

Превосходный орнамент туркменского ковра безнадежно испортили винные пятна, аморфные кучки обедков, разбитые стекла.

— Какой ужас...

— Кто бы мог подумать...

— С ума сойти...

Бутылочные осколки с мелодичным звоном отскочили от лопнувшей стенки секретера. Тамара вытерла руки о подол темно-синего бархатного платья, сдернула с себя туфли и запустила в голову Семенова.

— Размножайтесь, размножайтесь... инфузории.

Задремавший за столом Федор очнулся, запрокинул голову, залпом выпил рюмку соседа, шатаясь, добрался до магнитофона и, неприлично икнув, выдернул из розетки шнур.

* * *

— Трудно беседовать с Лапиковым, очень трудно. — Харабара допил в чашечке кофе. — Такое впечатление, что он на грани психической катастрофы — нет-нет да и заговорится, смеяться начинает некстати, бормочет что-нибудь вроде «Иван Сергеевич, Иван Сергеевич» или «Михаил Юрьевич, Михаил Юрьевич»... Заварить еще? — сказал Харабара, взяв со стола «турчанку».

— Не помешает, — согласился Далин.

— Не идет дело с коллекцией, — Харабара кисло улыбнулся и осклабился. — Не понимаю я старика с самого начала.

— Что именно?

— Тут сам Люцифер каблуки сломает. — Харабара поставил «турчанку» на стол. — В перечне похищенных вещей Лапиков отказался указать стоимость коллекции, говорит: «Не знаю и знать не хочу». Я нарочно усмехнулся: «Может, она бесценная?», отвечает: «Может, и бесценная». Но что значит, бесценная?

— А то и значит, что значит, — намеренно воспользовался тавтологией Далин. — Какой у тебя на сегодня план?

— Дом моды.

— Ладно, Саша, давай заварим свежий кофе и потом вместе обсудим, как действовать рациональнее.

* * *

Желание познакомиться с Лапиковым поближе появилось у Далина в тот же день, когда он узнал от Харабары о пропаже коллекции самоцветов. Коллекция интересовала Далина не как следователя (дело Лапикова вел Харабара), а прежде всего, как современного человека с достаточно широкой эрудицией и серьезными увлечениями, среди которых одно из первых мест занимала история. Поскольку огранка самоцветов производилась на Кольвано-Воскресенском заводе во времена династии Романовых, значимость коллекции, безусловно, выходила за пределы частного собрания. А если учесть, что заказы царского двора для изготовления изделий из поделочных камней и драгоценных минералов выполняли только Петергофская, Уральская фабрики и Кольвано-Воскресенский завод, то были все основания полагать, что коллекция Лапикова имеет историческую ценность... Желание личной встречи с Лапиковым постепенно переросло в навязчивую идею, но прийти к нему в качестве незнакомого человека и надеяться при этом на откровение Далин не мог, и потому, долго обдумывая план своего визита, для начала решил обратиться за помощью к директору краеведческого музея.

У директора музея он спросил, нет ли у них таких экспонатов, в первую очередь, из числа недавно поступивших, которые пока не включены в экспозицию и требуют компетентного заключения специалистов.

— Есть такие поступления, — ответил директор музея, — конечно, есть. Такие поступления всегда есть, например, наконечники стрел.

— А что-нибудь из области минералогии?

— Турмалиновая чернильница вас устроит? Восемнадцатый век. Поступила из частной коллекции.

— И подлинность минерала вызывает сомнение?

— Сомнение вызывает не подлинность минерала, а порода и цвет: чернильница зеленого, бутылочного цвета, а отличить зеленый турмалин от бледно окрашенного изумруда способен только специалист, которого в штате музея нет.

— Извините, что без предупреждения...

— Проходите, проходите, — заботливо суетился вокруг Далина Лапиков, помогая раздеться.

— Я по рекомендации краеведческого музея. — Далин повесил на вешалку пальто и пригладил волосы.

— Что-нибудь новое раскопали?

— Нет, речь пойдет о турмалине.

— О турмалине? — изумленно приоткрыл рот старик. — Пожалуйста, проходите, располагайтесь, вообще-то я по специальности археолог...

Далин достал из портфеля чернильницу и поставил на стол.

Лапиков смотрел на чернильницу издали, шурился, брал в руки, подставлял к самым глазам, отодвигал на расстояние вытянутой руки:

— Ну что же, это турмалин. Да. Турмалин. Удивительный минерал, трудный очень.

— Почему?

— У него чрезвычайно сложный состав, если не ошибаюсь, минералогам всех континентов до сих пор не удалось установить формулу турмалина. Дивный минерал, и цвет дивный — вся гамма радуги, но наиболее часто встречается зеленый турмалин, гораздо реже — красный рубеллит. — Лапиков положил чернильницу на ладонь. — В 1777 году рубеллит был поднесен Екатерине II шведским королем Густавом III, а в настоящее время хранится в Алмазном фонде СССР.

— Петр Авдеевич, вот вы по профессии археолог, а ваши знания в области минералогии — далеко за пределами обычного, любительского уровня... С чем это связано?

— Ничего удивительного. — Лапиков осторожно вернул чернильницу на стол. — Я с ранних лет имел возможность видеть различные минералы, в том числе и драгоценные камни, история которых до конца так и не освещена, хотя о драгоценных камнях писали Геродот, Теофраст, Плиний и, к чести моего мундира, археологи. Как вы относитесь к индийскому чаю? — с улыбкой спросил он. — Бы извините, на некоторое время я оставляю вас: переоденусь и приготовлю чай, хорошо?

— Хорошо, спасибо.

Лапикову понравился Далин: его начитанность, деликатность, простота; с ним было не только интересно беседовать, с ним хотелось поделиться о наболевшем, и старик не смог не рассказать Далину о пропавшей коллекции...

— ...Десять крестиков-самоцветов в шкатулке из сургучной яшмы... помните чашу в Эрмитаже?

— Но ведь в Эрмитаже не одна колыванская чаша!

— А какая вам больше нравится?

— Чаша в форме круглого бассейна на трех ножках в виде звериных лап.

— Допустим, но эта ваза изготовлена из серо-фиолетового коргонского порфира, а я имею в виду вазу из яшмы.

— Значит, ваза формы «Медичи» с каменными резными ручками из зеленоволокнистой ревневской яшмы.

— 1855 год изготовления... А тремя годами позже мой дед, инженер Колывано-Воскресенского завода, начал собирать коллекцию самоцветов... причем крестики из топазов и сердоликов — местного, алтайского месторождения. А сколько у нас в крае видов яшм! — риторически воскликнул старик.

— Только группой Шангина в 1786 году было открыто 150 видов яшм, порфиров, брекчий...

— И группой Риддера, — радостно продолжал старик, — шестьдесят пять разновидностей поделочных камней. А наши алтайские вазы! На первой международной выставке в Лондоне 1851 года они вызвали всеобщее восхищение, в том числе самого комиссара-оценщика. — Лапиков вытер носовым платком ладонь, лоб, шею. — Как вы полагаете, что сказал оценщик? Он сказал, что не думает, чтобы столь трудные и так хорошо сделанные произведения были когда-либо исполнены со времен Греков и Римлян...

— Выходит, коллекция досталась вам по наследству?

— Выходит, так.

— А почему для коллекции выбрана форма крестиков?

— Видите ли, при всей исключительной образованности, — а инженер в то время — это совсем не то, что сейчас: дед превосходно говорил на четырех иностранных языках, был большой любитель и знаток искусства, особенно русской литературы, он и собрал-то эту коллекцию

в честь гениев русской литературы, начиная с Александра Пушкина и кончая Львом Толстым, — но, видите ли, при всей образованности дед оставался человеком набожным... а форма креста, выбранная для коллекции самоцветов, олицетворяет, по моему мнению, не столько его веру в существование высшего духа, сколько — силу, могущество и талант русского человека... Все хотел в музей передать. Даже завещание написал, видите? — Лапиков достал из ящика письменного стола пожелтевший лист бумаги. — Видите? Давно написал, лет пять прошло... Ведь надо было обладать эзотерическими знаниями, — неожиданно громко воскликнул он, — чтобы найти мою коллекцию!

— Разве коллекция в момент кражи находилась за пределами вашей квартиры?

— Какие пределы? Вся и суть, что дома. В шифоньере. Но с секретом. Подойдите сюда. В боковой внутренней стенке шифоньера — гвоздь. Стоит повернуть гвоздь вправо, вот так. — Лапиков нажал на гвоздь. — Пусто... секретная полочка пуста... — Лапиков беспомощно посмотрел на Далина.

— Кто-нибудь знал о секрете?

— Нет... разве что Генечка, я говорил о Гене следователю, очень уж молодой следователь у меня, очевидно студент-заочник, нет к нему доверия, Андрей, нет; вот вы тоже молодой, хотя, конечно, не такой, как он. («Да, Харабара всего на год младше меня, а мне — только двадцать пять», — хотел сказать Далин, но вовремя вспомнил о своей роли научного сотрудника краеведческого музея), а он, Андрей, недостаточно пронизательный человек, недостаточно...

— А Геннадий?..

— Евгений, — поправил Далина Лапиков.

— Да-да, простите, Евгений не приводил к вам друзей, или может быть, подруг, которые могли узнать не только о коллекции, но и о секрете?

— Нет... хотя, один раз... да-да, один раз Генечка приходил со своей невестой Наденькой, она живет в Ленинграде...

— А кроме нее?

— Разве что Ирина? Только она и Наденька...

— Кто эта Ирина?

— Генечкиного возраста. Работает в НИИ. Она вместе с Генечкой в одной квартире выросла... знаете, коммуналки послевоенных лет — 6—8 семей и общая крохотная кухонька...

— Вы говорили о секрете и подругах Евгения следователю?

— Да. Обязательно.

* * *

В позе медитирующего аскета, старательно переплетая ноги, Олег Петрович копил духовную силу. Со стены синегорлый Шива в йогической асане со сложенными одна над другой ладонями, предавался высшему искусству созерцания. Комната Олега Петровича мало напоминала облюбованные Шивой холодные пещеры Гималаев, кладбища, места кремации, но, несмотря на это, Шива здесь хорошо прижился и нашел сподвижника в лице Олега Петровича.

Вялов голодал пятый день. Небольшое количество фруктов, употребляемое ежедневно по законам хатха-йоги, соответствовало норме, но для Сибири было явно недостаточно; к тому же, основоположнику йоги — Шиве не надо было ежедневно выходить на службу, заниматься общественными делами и в свободное от работы и созерцания время писать докторскую диссертацию... Голодание делало свое: кожа постепенно приобретала матовый стариковский оттенок, глаза начинали лихорадочно блестеть, подкатывала тошнота... То ли от усиленных внушений, то ли от отсутствия должных функций не давала о себе знать

печень Олега Петровича... не давала о себе знать и жена. Месяц назад она решительно отказалась понимать новое увлечение Олега Петровича; даже Леви с его признанным аутотренингом «Я спокоен, я очень спокоен» и рекомендацией тренировать себя в очередях, вызывал у нее только саркастическую улыбку. Наталья Ивановна преподавала высшую математику и принимала всерьез лишь то, что научно доказано.

Растворяясь в небытие, постепенно все ближе и ближе подходя к состоянию самадхи, Олег Петрович усилием воли вызывал галлюцинации. Порой перед его глазами проплывали голубоватые ледники Гималаев, ослепительно сверкали золотые изображения будд или кружились по эллипсу четырехрукий покровитель танца. Потом все смешивалось и вихрем носилось вокруг: и снежные вершины, и многочисленные боги, и толпы йогов со спутанными, покрытыми пеплом волосами... В этом чудовищном хороводе больше всех неистовствовала Парвати — дочь Гималаев. Олегу Петровичу иногда казалось, что он слышит бряцанье ожерелья из черепов на ее шее. Кончик кинжала Парвати то и дело касался шеи Олега Петровича.

«О, несравненная, пощади!» — вырвалось у него. Полет в самадхи закончился.

Перед Олегом Петровичем стояла его жена.

Коснувшись носком замшевой туфли колена мужа, Наталья Ивановна легонько толкнула его:

— Привет.

Олег Петрович не пошевелился. Наталья Ивановна обошла вокруг мужа, с трудом подавляя желание растормошить его; встала напротив, презрительно глядя серыми жесткими глазами, надеясь на реакцию.

— Привет, — цинично повторила она.

— Наташенька? — Олег Петрович в один прыжок поднялся с коврика. — Наташенька, — мягко начал он.

— Я очень рада, — резко оборвала его Наталья Ивановна, — что хотя бы мое имя помнят в этих стенах!

— Ната, ты прекрасно знаешь, что кроме тебя мне никто не нужен, но... — Олег Петрович сделал многозначительную паузу, — но в какой-то момент человек должен отказаться от счастья ради чего-то более важного.

— Чего, например? Пустого хлопанья глазами? И это ты называешь важным? Можно еще понять последователя Камы-Сутры — ушел бы с головой в любовь, но это...

Олег Петрович засуетился, придвинул жене стул, которым она пренебрегла и, картинно навалившись на дверной косяк, придирчиво оглядывала комнату. Пухлые маленькие руки теребили желтый крепдешиновый платок. В отличие от мужа, она копила в себе ярость...

— Наташенька, я рад, что ты познакомилась с Кама-Сутрой, хотя уверен, дальше названия не пошла... пойми, жизнь коротка, и мы не имеем права...

— Ах, вот в чем дело! Решил стать бессмертным! Так ведь и йоги смертны. Уж на что Хант — миллиардер, ел и пил все стерильное, а умер, как все бессребреники, может быть, только в более роскошной постели!

— Нат, ты образованная женщина, а ведешь себя, как ordinaria истеричка. Прости, я не хотел тебя обидеть, наш клуб...

— Перестань прикрываться аскетизмом и вашим добровольным клубом идиотов с вывернутыми ногами, руками и мозгами набекрень! Что? Не нравится? Не ты ли преподнес Любочке, этой тридцатилетней магдалине Тантрийскую икону? — Наталья Ивановна тяжело опустилась на стул, скинув туфли на коврик. Пухленькая, с веселыми ямочками на щеках, она напоминала рубенсовских добродушных толстушек, и только взгляд серых жестких глаз был взглядом деловой женщины.

— Наташа, как не стыдно, — не выдержал Олег Петрович.

— Да! Преподнес! Вместо того, чтобы рожать детей, эта девица проводит время в вашем клубе.

— Наташа, — сдался Олег Петрович, — но ведь у нас тоже нет детей.

— И у тебя еще хватает наглости равнять меня с ней? Нет, ты хотя бы видел, с кем ты жил? Я сделала кандидатскую, я работала, не шадя себя! А она? Да я бы таких из кухни не выпускала! Научить читать — и в кухню, в кухню!

Олег Петрович молча вышел в другую комнату.

* * *

Серьезные, в меру разговорчивые, интеллигентные сотрудники НИИ готовились занять свои места за письменными столами. Их поведение смело можно было назвать стандартно-служебным, если забыть о том, что на сей раз, словно сговорившись, все явились в отдел чуть ли не за час до начала работы.

Вспоминали новоселье; обсуждали, осуждали, смотрели на часы, молчали...

— Да... Ну и Тамара Михайловна...

— Кто бы мог подумать!

— Ведь она теперь уво-лит-ся...

— Вы думаете?

— Я уверен.

— Точно, уволится.

— Правильно, совесть надо иметь.

— Уволится, уволится!

— Причем заочно.

— Вот именно.

— А если все-таки придет?

— Исключено.

— Верно.

— Будь среди вас я, — завершила дискуссию Анна Дмитриевна, — я бы ТАКОГО неглиже не допустила!

— Милейшая Анна Дмитриевна, пожалуйста, объясните, что такое неглиже? — протанцевал перед ней Илья.

...Тамара Михайловна энергично прикрыла за собой дверь, подчеркнуто серьезно сказала: «Здравствуйте» и, непринужденно спросив: «Как вам маленькая разбойница?», уверенно промчалась решительным взглядом по окаменевшим лицам сотрудников.

Чтобы разрядить обстановку и уничтожить психологический дискомфорт, Лукин, перед праздниками летавший в Москву на согласование методики, решил выплеснуть свои впечатления и тем самым установить «штиль»:

— Попал я в театр на Таганке случайно за червонец и понял, отчего туда все ломятся, — громко начал он.

— У нас просто модно ломиться туда, куда сложнее всего попасть и покупать то, что сложнее всего достать, — не дал договорить ему Илья, — престижность — это такая зараза! Вот ты попал на Таганку, и я уверен, что теперь Анна Дмитриевна не пожалеет спекулянту полтинник и тоже попадет!

— Илья, не перебивай, — раздалось сразу несколько голосов, — что там на Таганке?

— Входишь в зал через узкую боковую дверь, — Лукин вздохнул свою густую шевелюру, — бррр... и перед тобой два трупa: старухи-процентщицы и Лизаветы. Головы накрыты окровавленными полотенцами. Бррр... Как вспомнишь, так вздрогнешь, мороз по коже, волосы дыбом.

— Была у врача! — с порога заявила Галочка, отодвигая на второй план впечатления Лукина и одной фразой объясняя свое опоздание.

— Да у тебя здоровье, как у быка перед корридой! — петушисто вставил Илья.

— Эх ты, Баран Баранович, — Галочка достала из сумочки зеркало и губную помаду, — ты, Илюшенька, для начала повесь перед собой список стрессовых ситуаций и таблицу балльной оценки «угрозы перемен» и только тогда разговаривай с женщинами.

— И ты, дорогуля, никогда не наберешь 300 баллов, чтобы свихнуться. Муж у тебя спортсмен, проживет долго, пенсия не скоро, с работы у нас не выгоняют, а все остальное — всплески, чуть больше сорока баллов; так что бушуй, кипи, Галина Батьковна!

Вошла Тамара Михайловна, как всегда стремительно; с ней был главный спец отдела мощностей Спиридонов.

— Меня не пугает инновация. Семенов, почему не в лаборатории? (Семенов растерялся, пробормотал что-то невнятное, оклонил голову). Семенов, срочно подготовьте отчет о вашей работе в лаборатории! Меня не пугают новшества, — продолжала Тамара Михайловна, обращаясь к Спиридонову, — насколько бы они ни были сложными и трудоемкими: сил у моего сектора хватит, но поймите, Алексей Сергеевич, нет у нас экспериментальной базы, и не только у нас; тяжело справляться с консерватизмом, предубеждениями, нежеланием перестраиваться, искать предприятия для внедрения, уговаривать, кланяться перед руководителями; сколько времени уходит впустую!

— Я слышал, у вас трудности в основном чисто психологического характера?

— Финансового, Алексей Сергеевич, только финансового. Хозяйственные эксперименты стоят слишком дорого. Вот подробный расчет, и если тема будет утверждена, нам придется работать вместе.

Ирина считала и пересчитывала. Цифры мелькали на табло, как маленькие дурашливые человечки, извиваясь и подпрыгивая...

Голос Анны Дмитриевны кружился по комнате и навязчиво лез в уши.

— Какой ужас! Целых восемьдесят рублей вытащили! Факт беспрецедентный! — визгливый голос Анны Дмитриевны стучал в висках, отдаваясь где-то внутри. — Средь бела дня! В нашем отделе. В милицию хотели звонить, но не позорить же коллектив! Решили сброситься по два рубля пятьдесят копеек! — голосом борца за справедливость резюмировала Анна Дмитриевна.

— Когда сдавать?

— Лучше сейчас, Ирочка. Софья Сергеевна так расстроена, ТАК расстроена, только на валидоле и держится!

— Значит, очередная сплетня, что Софья Сергеевна продала «Волгу» за пятнадцать тысяч?

— Ну при чем здесь это?

Голос Анны Дмитриевны звучал уже в другом конце отдела. Аккомпанементом ему служил шум выдвигаемых ящиков столов и звон медяков. Особого сострадания на лицах сотрудников заметно не было: привычные магическому слову Анны Дмитриевны «НАДО», все покорно доставали кошельки, а неимущие — те, которым жена отпускает только на обед и сигареты, — почти униженно просили подождать до зарплаты или хотя бы до завтра.

— А что толку в вашей интеллигентской бесхребетности? На вас все ездили и будут ездить. — Виктор сел на стул и облокотился на чертежную доску. — Сегодня Соколову делаете диссертацию, завтра — другому.

— Дело не в диссертации.

— В служении науке и человечеству, — театрално растянул слова Виктор, — польза людям? Да какая им разница, кто пишет, вы или Соколов, кто получает больше? У преступников хоть правило — гребет сильнейший! А что толку от вашего ума? Умнее — значит сильнее, а пишете на слабейших.

— Значит, они чем-то сильнее, — спокойно ответил Вялов, продолжая считать на «Электронике».

— Естественно, сильнее. Связями. Положением. И тэдэ, и тэдэ.

— Не знаю. Я, например, не обладаю пробивающей способностью. Работать могу, изобретать могу, а вот пробивать не умею и не хочу, и искренне благодарен Соколову.

— За то, что взяли его в соавторы, и тот получает законно причитающиеся вам деньги.

— Я понимаю твою нервозность. Это у многих было. Ты бы уже сейчас мог стать руководителем сектора, но — обстоятельства...

— Вон Леонора, — Виктор нервно встал, — с утра до вечера занята тряпками, а Федор — специалист... Ставки почему-то — одинаковые.

— Ну мы тут ни при чем. Существует штатное расписание, по нему принимают, по нему и платят.

— Кое-где, кстати, есть институты планирования карьеры.

— Кое-где много чего есть. У нас тоже кое-что есть, чего нет кое-где. Пойми, не всегда бывает так, как нам хочется, и вообще, всех нас скоро заменят интеллектуальными роботами; сейчас они уже многое умеют, а главное, не тратят времени попусту.

— Олег Петрович! — Леонора только что оторвалась от телефона. — Олег Петрович, правда, что из последней командировки вы привезли нечто уникальное?

— Ну не совсем чтобы уникальное — Танка и бронзовое изображение покровителя танца.

— И сколько же вы заплатили?

— Много, — просто ответил Олег Петрович.

— Сколько много?

— Много-много, — рассмеялся Олег Петрович.

— Ну, а все-таки, Олег Петрович? — обиделась Леонора.

— Все-таки много, — вклинил Илья, — ты лучше скажи, верно, что наша Тамара Михайловна выходит замуж?

— Поссорились они, — махнула малахитовым браслетом Леонора, — поссорились.

Оглушительно-визгливый голос Анны Дмитриевны заставил вздрогнуть и оторвать головы сотрудников от письменных столов, кульманов, счетных машин:

— Деньги нашлись!! У Софьи Сергеевны деньги нашлись! Кто бы мог подумать!

— Анна Дмитриевна, а не устроить ли нам по сему поводу маленький банкет? Тем паче, что наша «валюта» — уже давно в «сейфе» вашего стола, а? — Илья наклонил голову к плечу Анны Дмитриевны.

Вечную улыбку Анны Дмитриевны исказил нервный тик, превратив слегка приоткрытый рот в дыру, зияющую кривыми, «лошадиными» зубами.

— Что же вы молчите, Анна Дмитриевна? А? Или ваше молчание можно расценивать, как знак альянса?

Анна Дмитриевна с силой рванула на себя ящик письменного стола.

— Не суетиться, товарищи, не суетиться, — снова улыбалась Анна Дмитриевна, — по очереди, строго по очереди.

— Как по очереди? — уточнял Илья. — В порядке алфавита или в порядке должностей?

Анна Дмитриевна с перекошенной линией рта молча захлопнула ящик своего стола.

— Ура! — потер ладони Илья. — Банкет!

«Приспособляемость — это, вероятно, главная отличительная черта жизни». Прав Ганс Селье, трижды прав. Виктор внимательно оглядел своих коллег, вынул из кармана пиджака ручку с золотым пером, взял из папки несколько листов чистой бумаги, в правом верхнем углу написал «Хобби», рядом поставил знак «Бесконечность» и крупными буквами с красной строки вывел:

**ТИПЫ ОБЩЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
МОЕГО РОДНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ГНЕЗДЫШКА**

Итак, запишем. Нет. Лучше сделаем маленькую табличку:

Коллеги	Тип ОЭН	Основания
1. Анна Дмитриевна	гностический	Потребность в получении любой новой информации.
2. Олег Петрович	альтруистический	Жажда в бескорыстной помощи и содействии всем.
3. Илья	пугнический	Лезет на рожон.
4. Тансия Ивановна	эстетический	Лирическая героиня.
5. Федор	праксический	Бурлак и папа Карло: тянет лямку за пол-отдела.
6. Леонора	акзигитивный	Коллекционирует манто и прочее барахло.
7. Тамара Михайловна	глицерический	Хочет быть министром.
8. Лукин	коммуникативный	Болтун.
9. Галочка	гедонистический	Создана для физического и духовного комфорта.
10. Ирина	романтический	Сохнет: любит меня безумно.
11.		

Виктор поставил цифру одиннадцать и поднял голову. К его столу подплывала сочувственно-скорбная физиономия Анны Дмитриевны.

— Витюша, дорогой (Виктор перевернул исписанный лист бумаги), прости, но мне, как члену месткома, как старшему товарищу... — Анна Дмитриевна поджала нижнюю губу.

— Что беспокоит вас, милая Анна Дмитриевна?

— Витюшенька, дорогой, неужели опять в больницу?

— Да, милая Анна Дмитриевна, увы.

— Надолго, Витюнька?

— Не знаю, как врачи прикажут.

— Такой молодой, Витенька, такой молодой... — Анна Дмитриевна с затянувшейся амплитудой усердно мотала головой, — Витя, Витя, Витя...

* * *

Медицинские пиявки, пронзая рыхлый эпителий икр Фаины Васильевны, жадно изменяя свою форму, разбухали и падали в воду. Фаина Васильевна морщилась, говорила «Ой-ее», шлепала пятками по дну тастика с водой, слушала декламационное чтение мужа (он работал дамским мастером в парикмахерской):

«В природе не существует другой такой непостоянной вещи, как дамская прическа. Даже на моей памяти, как мне известно, она возвышалась и снижалась на тридцать градусов. Примерно десять лет назад она достигла очень большой высоты, так что женская часть нашего рода была намного выше мужской. Женщины выглядели такого огромного роста, что мы перед ними казались кузнечиками. Сейчас весь прекрасный пол как-то уменьшился в росте, сжался и превратился в расу красавиц, которые кажутся как бы совершенно новым видом людей. Я помню несколько женщин, которые некогда были почти семи футов ростом, а сейчас не достигают и пяти. Как случилось, что их рост так укорочен, я понять не могу; то ли на весь их пол сейчас наложена эпителия, о которой мы ничего не знаем, или же они сменили свои прически, чтобы удивить нас чем-то таким, что будет совершенно новым; или же некоторые самые высокие представительницы их пола, хитрее всех остальных, изобрели этот способ, чтобы самим казаться более миниатюрными, — это все еще тайна, хотя, насколько мне известно, большинство придерживается того мнения, что они сейчас похожи на деревья, только что обрезанные и постриженные, которые, безусловно, отрастут и расцветут, и кроны их станут еще пышнее, чем прежде. Что касается лично меня, то, поскольку мне не нравится, когда меня оскорбляют женщины выше меня ростом, я восхищен прекрасным полом намного больше сейчас в их смиренности, которое уменьшило их до их естественного роста, чем когда они увеличили свои фигуры и удлиннили их до громадных и гигантских размеров.» (Джозеф Аддисон).

Муж заложил в книгу закладку и отхлебнул из стакана холодной кипяченой воды.

— Владимир, как ты думаешь, идти в милицию или нет?

Владимир подавился каплей воды и закашлялся.

— Что ты киваешь? Я спрашиваю, идти в милицию или нет?

Муж отложил книгу:

— Надеюсь, тебе не подарили еще один медальончик?

— Радий пишет, что у того вора или скупщика краденого, был перстень.

— Ерунда. Это еще не примета. У нас многие мужчины с печатками. Сейчас модно.

— Радий пишет, что перстень не совсем обычный. Нет, я все-таки схожу.

— Успокойся, вспомни все эти неприятности. А, впрочем, как знаешь.

Он продолжал декламационное чтение...

* * *

Двери Дома моды оглушительно хлопали: около красочных витрин останавливались прохожие, по наивности уверенные, что фирма гарантирует высокое качество и сделает из каждого совершенство.

Харабара вошел в вестибюль. Атмосфера обычного ателье, только кресла роскошнее и интерьер поинтереснее; в креслах — разомлевшие от ожидания заказчики, изредка приглашаемые в отделанные искусственной кожей кабины.

Харабара поднялся на второй этаж. «Лаборатория», — прочитал он. По словам Осокиной, здесь работает 12 человек, из них — 4 манекенщицы. Осокина утверждает, что в лаборатории посторонних не бывает: со своими знакомыми встречаются здесь на лестнице. «Постоим, понаблюдаем». Харабара раскрыл «Крокодил».

«Здесь можно простоять сутки и никто на тебя не обратит внимания, не спросит — вы кого-нибудь ждете? Все заняты своим делом, многие излишне раздражены, в основном, заказчики и закройщицы...»

Прошло почти три часа. В лабораторию заглянула молодая жен-

щина. Через несколько минут к гулу голосов и шуму швейных машин добавился сбивчивый разговор о поступившем на склад вельвете...

Харабара потратил на Дом моды несколько дней.

* * *

У зоологического магазина толпилась очередь за черепахами. Черепах продавали на улице, в любом количестве, по смехотворной цене — 40 коп. за штуку. Торговля шла бойко, нарасхват.

Отпросившись утром с работы на 2—3 часа по срочному делу, Анна Дмитриевна бог весть откуда, кое-как тащилась с огромной хозяйственной сумкой, набитой дефицитными запчастями для «Жигулей», авоськой, краснеющей тепличными помидорами, и пузатой дамской сумочкой формы «редикюль».

В очереди Анна Дмитриевна оказалась случайно, из любопытства. Ее заинтересовал набросанный в несколько ярусов ряд деревянных ящичков, и она захотела посмотреть поближе, что может быть там, внутри этих ящичков, а когда увидела, ойкнула и подумала: «Как хорошо, что я не черепаха, а то бы вот так же упаковали в ящик и сиди, молчи, верти башкой, барахтайся и жди, когда тебя продадут за сорок копеек, да еще чего доброго суп сварят... ладно уж, куплю одну, — решила она, — нет, две... Нет, лучше целый ящик: увезу в лес и выпущу на волю...» Но прикинув, что целый ящик стоит все-таки дороговато, а до леса далеко, она остановила счет на одной черепахе, заняла очередь и начала искать глазами человека, которому можно было бы доверить посторожить свою огромную хозяйственную сумку, потому что руки Анны Дмитриевны ослабли от тяжести деталей, а опустить сумку на землю, даже перед собой, она боялась. («Уж я-то слышала о воровской ловкости: так из-под носа «свистнут», что и чихнуть не успеешь!») Не увидев поблизости подходящего человека, Анна Дмитриевна, на всякий случай, повернула голову в полный оборот и, наконец-то, блаженно вздохнула, прицеливаясь зрачками в человека, который и был ей нужен. Им оказался Петр Авдеевич Лапиков.

— Товарищ, товарищ! — возбужденно просигналила Анна Дмитриевна. — Пожалуйста, подойдите, товарищ!

Анна Дмитриевна придала своему лицу выражение кающейся Магдалины и махнула Лапикову редикюлем, подзывая к себе.

Лапиков подошел.

— Не будете ли вы так любезны... — Анна Дмитриевна опустила сумку и плотно прижала ее ногами, — не будете ли вы так любезны... — изо всех сил улыбалась она.

— Да-да, я вас слушаю.

— Я была бы вам так признательна... — Анна Дмитриевна томно закатила глаза. — если бы вы согласились...

— Да-да, я к вашим услугам.

— Прошу вас, пожалуйста...

— Гражданка! Не задерживайте очередь! — возмутились следующие за Анной Дмитриевной покупатели.

Она медленно со стоном наклонилась к сумке, снизу вверх посмотрела на Лапикова, плавно акцентируя свой страдальческий взгляд на хозяйственной сумке... еще раз, не разгибая спины, соединив на переносице безукоризненно выщипанные брови, пронизательно просверлила глаза Лапикова, и он все понял: поднял сумку и встал рядом с Анной Дмитриевной.

— Видимо, внукам хотите купить черепашку? — с участием спросил он.

«Неужели сегодня я так плохо выгляжу?» — ужаснулась про себя Анна Дмитриевна.

— Да, — соврала она, — внукам.

— Очень интересные рептилии, очень.

— Простите, кто?

— Черепахи, — поправляя галстук, сказал Лапиков.

— Что же в них интересного? — на высокой ноте запротестовала Анна Дмитриевна.

— Прежде всего — панцирь, — кхекнул Лапиков, перекладывая сумку из одной руки в другую. — Оказывается, по панцирю черепахи можно определить будущее.

— Что вы говорите, — оживилась Анна Дмитриевна, — и кто же до этого додумался?

— Конфуций, например.

— Какой-нибудь западный оккультист? — предположила Анна Дмитриевна, довольная своей смекалкой и эрудицией.

— Нет, — очень просто, без всякой позы, пояснил Лапиков, — Конфуций — это как раз Восток. Конфуций был...

— Так его уже нет? — нечаянно вырвалось у Анны Дмитриевны.

— И давно, — искренне, мелким смешком засмеялся Лапиков, — но весьма примечательно, что именно у Конфуция мы впервые встречаемся с термином «гуманизм»...

...Анна Дмитриевна уже ничего не соображала: глаза ее неожиданно остекленели, она вырвала у Лапикова сумку и на предельной скорости припустила вперед, впившись глазами в невиданно-отменное качество парика, плывущего от нее на расстоянии 200—250 метров. «Мексиканский, точно, мексиканский, вот бы мне такой, — загорелась мечтой Анна Дмитриевна, — чудо; чудо-то какое, ни за что не отличить от натуральных волос, — восхищалась она, — но я-то знаю, что это парик, меня не проведешь, меня не проведешь, — повторяла она, тяжело дыша и обливаясь потом, — подойду поближе, крикну, остановлю и спрошу, где эта девушка достала такой шикарный парик, если повезет, может, и уступить согласится...»

— Девушка! — трижды выкрикнула Анна Дмитриевна.

Хозяйка парика даже не обернулась. Зато прохожие не без сочувствия провожали взглядами багрово-красное с крупными каплями пота лоснящееся лицо тяжело ступающей Анны Дмитриевны.

Девушка в парике прошла во двор жилого дома и скрылась в подъезде.

Анна Дмитриевна, насколько хватило сил, сделала мощный рывок, тоже вслед за девушкой ввалилась в подъезд и, ловя ртом воздух, стала делать глотательные движения, подобно задыхающейся акуле, выброшенной штормом на берег моря... Перед глазами Анны Дмитриевны потемнело, она выронила сумку, упала, но сильная боль в коленке заставила ее очнуться, встать со ступенек лестницы и бежать дальше, за девушкой в парике. Тщательно прислушиваясь, но так и не услышав в смятенной тишине подъезда ни малейших признаков шагов, Анна Дмитриевна издала вопль загнанного в капкан зверя.

Едва сдерживая слезы, она опустилась на ступеньки, достала из авоськи помидорку, съела и ей вдруг показалось, что бамбуковые номера на дверях квартир она уже где-то видела... «Ба! — встрепенулась она. — Так ведь это же подъезд Вялова! Ну да, Олега Петровича Вялова, и циферки эти он привез из Индии в подарок жильцам своего подъезда... вот простофиля-то, лучше бы рулон шелку привез, а то понахватал всяких безделушек...»

Анна Дмитриевна поднялась на пятый этаж и подошла к квартире Вялова. «Сейчас зайду, извинюсь, скажу, так, мол, и так, шла мимо... тары-бары, а заодно и о парике спрошу, обязательно... — на полуслове осеклась она, — да ведь его нет дома, он же в командировке! — Анна Дмитриевна поставила сумку на пол и вытерла рукавом лицо. — Тогда спрошу у его жены. А как я спрошу у жены, — спохватилась Анна Дмитриевна, — если она его бросила? А может, уже вернулась? На всякий случай позвоню».

Анна Дмитриевна подняла сумку и только собралась нажать на кнопку звонка, как дверь открылась, и она, мгновенно просунув голову в дверной проем, столкнулась с чьей-то грудью, с испугу замахнулась ридикиюлем, но тотчас была отброшена в сторону.

...Девушка в парике стремительно бросилась вниз и исчезла...

Видавшая-перевидавшая на своем веку незаменимая общественница от избытка впечатлений приросла к порогу...

Пронзительно неприятный запах, рвущийся из квартиры Вялова, помог вывести Анну Дмитриевну из состояния оцепенения: «Что они, посусликов, что ли, культивируют? — проворчала она и тут же изменила свое решение. — Ну и дура же я, — признала она, — наверное, тараканов травят... А как они могут травить тараканов, если их нет дома? — все больше недоумевала Анна Дмитриевна. — Не нравится мне все это, ой, как не нравится, зайду-ка проверю.

— Наталья Ивановна, а Наталья Ивановна... — тоненьким голоском пропела она, оглядываясь по сторонам.

Никто не откликнулся.

...Освежившись из-под крана холодной водой, Анна Дмитриевна оставила вещи на кухне, налегке прошла в зал и, не успев переступить порог следующей, смежной комнаты, вдруг застонала, заголосила и, аффектно прикрыв ладонями глаза, пулей вылетела в подъезд.

Входная дверь захлопнулась.

Наталья Ивановна с трудом открыла дверь. «Мужчина в доме, замок неисправен!» Она с раздражением швырнула ключи в сумку. За неделю отдыха в Сочи Наталья Ивановна накопила достаточно энергии, чтобы расхотеть на борьбу с завихрениями мужа: «Теперь он не сможет столько времени убивать на йогу... сегодня же перевезу вещи назад... конечно, методы борьбы придется несколько изменить, даже, пожалуй, кое в чем уступить. Но это пока...»

Наталья Ивановна купила в Сочи самиздатовскую брошюрку об йоге в подарок Олегу Петровичу, но уже до встречи с мужем, у двери квартиры, нервы сдали: «Мужчина в доме, — вслух произнесла она, — по пять часов дверь открываешь...»

Станный, жуткий запах резко ударил ей в лицо.

«Мало йоги, так еще до чего-то додумался...»

Пухленькая, посвежевшая, в светлом платье, последней новинке, приобретенной специально для встречи с мужем, Наталья Ивановна стремительно вошла в квартиру.

Запах усилился.

Подкатывала тошнота.

Становилось нечем дышать.

...Ровный слой пыли покрыл пол и мебель.

...Бронзовый многорукий покровитель танца стал мрачно-серым.

...Старинные часы с маятником остановились...

Наталья Ивановна на цыпочках прошла в центр комнаты, дверь в соседнюю, смежную, была открыта...

— При осмотре дверного замка в квартире номер двенадцать по проспекту Лесному номер девяносто три выявлен след отмычки; в прихожей у входной двери — несколько темных осколков от стекол очков, осколки сейчас у эксперта.

Капитан Яров открыл блокнот и начал что-то быстро записывать.

— Следы есть? — спросил Яров, продолжая писать.

— Да. Набор приличный. В дактотеке не значатся. Жена Вялова утверждает, что все вещи на своих местах. Вероятнее всего, преступник или группа проникли в квартиру, увидели то, что они приняли за труп Вялова, и...

— И от испуга бросили все и убежали?

— Убежали или нет, не знаю, — в Харабаре выиграло упрямство характера, полностью отмечающее всякое чиновничество, — но проникли с помощью отмычки в надежде на пустую квартиру.

— И просчитались?

— Не просчитались, а сработала элементарная случайность.

— То есть?

— Вялов должен был на месяц уехать в командировку, даже купил билет, но в последний момент по какой-то причине сдал, пришел к начальнику отдела домой, договорился ехать на неделю позже, взял отгулы. В институте об этом никто не знал: начальник не считал нужным поставить сотрудников в известность.

— Что с Вяловым?

— Вялов занимался упражнениями по системе йогов. Как утверждают медики, выполнение некоторых упражнений связано с огромными физическими нагрузками и нередко приводит к смертельному исходу в результате острой сердечной недостаточности. Вялову повезло, еще бы чуть-чуть и конец. Спасла жена.

— Она врач?

— Нет, она вызвала срочную скорую и милицию. Сейчас Вялов в реанимации.

— Вернемся к следам.

— По горячим следам найдена женщина, вещи которой и пропуск на имя Анны Дмитриевны Плетневой обнаружены в квартире Вялова его женой.

— Какие вещи?

— Хозяйственная сумка, авоська и дамская сумочка, в которой и лежал пропуск. Оказывается, Плетнева работает в том же НИИ, что и Вялов.

— Интересно, что могло заставить Плетневу прийти к Вялову да еще и в рабочее время? Ведь она знала, что ее коллега был в командировке.

— Пока неясно. Час назад опергруппа с кинологом нашла Плетневу в железобетонной трубе.

— Где, где? — спросил Яров, смертельно бледнея.

— В железобетонной трубе на стройучастке неподалеку от дома Вялова.

— Жива?

— Жива. Физических травм нет.

— Х-хо-о, — облегченно выдохнул Яров, — и что же она в трубе-то делала?

— Сидела.

— То есть, как сидела?

— Так. Похоже, с перепугу.

— Вы допрашивали ее?

— В данное время допрос невозможен.

— Что с ней? — раздраженно спросил Яров. — Что с Плетневой? — очень тихо, переводя взгляд в пол, повторил он.

— Полный провал памяти, сильное заикание и что-то с сознанием.

— Мнение врачей?

— Уверяют, что через пару гипнотических сеансов все будет в норме.

— Дай бог. Показания Плетневой могут быть решающими.

— Стояла я в очереди за рептилиями. На счастье поблизости оказался премилый старичок. Галантнейший джентльмен. Он предложил помочь подержать мою хозяйственную сумку.

- Анна Дмитриевна, вы уже говорили о старике.
- Но ведь вы сами просили еще раз по порядку.
- По порядку, это не значит повторять одно и то же.
- Тогда начну с Конфуция.
- Давайте прямо с парика.
- Но ведь я уже вдоль и поперек рассказала вам все, как было.
- Ничего, вспомним еще раз, итак...
- Стояла я в очереди... — снова оборвала следователя Анна Дмитриевна.
- И увидела парик...
- Представьте! Увидела! — Вспыхнула нездоровым румянцем свидетельница. — Не мешало бы вам, товарищ эээ...
- Харабара.
- Не мешало бы вам, товарищ Харабара, познакомиться с этикетом вообще и правилами хорошего тона, с женщинами в частности!
- А вам не кажется, пока я буду соблюдать с вами, как вы соизволили выразиться, этикет, преступник успеет совершить новое преступление? — Харабара откашлялся в кулак. — Анна Дмитриевна, я вас очень прошу, постарайтесь отвечать на мои вопросы точно, лаконично, без лишних эмоций. Итак, вы утверждаете, что человек в парике был в плаще?
- Да. В обыкновенном темном плаще, поэтому я не запомнила ни цвет, ни фасон.
- Но основательно разглядели джинсы?
- Да. Основательно. Фирма «Блю доллар».
- Вы так лихо знаете джинсовые фирмы? Откуда?
- Оттуда. — Анна Дмитриевна посмотрела в потолок. — Культурные связи... — она кокетливо пожалала плечами, — не на дереве живем.
- Итак, девушка была высокого роста?
- Да.
- В темно-русом парике до седьмого шейного позвонка?
- Да.
- На обувь вы не обратили внимания?
- Нет. Меня интересовал только парик.
- А почему вы решили, что это был парик?
- Я не могла ошибиться.
- И все-таки, почему вы утверждаете, что это был парик, а не естественные волосы?
- Ну знаете! — взорвалась Анна Дмитриевна. — Если вы не верите словам научного сотрудника?! — Она ультимативно отвернулась.
- Простите, Анна Дмитриевна, вот если бы вы работали не научным сотрудником, а постижером, тогда бы у меня были все основания безоговорочно верить вам. Ладно, предположим, что это был парик, и вы стали догонять девушку в парике. Так?
- Так. Я уже говорила.
- Девушку? — переспросил Харабара.
- Да. Девушку.
- А если это была не девушка?
- Как? — приоткрыла рот Анна Дмитриевна.
- Вы ведь так и не увидели лицо человека в парике?
- Да, но...
- Продолжайте.
- Но у нее был такой ШИКАРНЫЙ парик!
- Ну и что!
- Не доверяете...
- Доверяю, Анна Дмитриевна.
- И проверяю, — сквозь зубы выронила свидетельница.
- Вот вы говорите, — настойчиво продолжал Харабара, — что кричали человеку в парике?

— Да.

— И просили остановиться?

— Да.

— Но девушка почему-то не останавливалась?

— Она даже не обернулась.

— Хотя вы называли ее девушкой?

— Раз десять.

— Вот и получается загадка. — Харабара встал из-за стола.

— Выходит, эта девушка — вовсе не девушка? — Анна Дмитриевна приоткрыла рот и, словно чего-то испугавшись, заслонила его ладонью. — Правильно, товарищ следователь, это была не девушка.

— Странно, Анна Дмитриевна, ведь вы только что горячо спорили со мной. — Харабара вернулся за стол. — Хорошо, предположим, что человеком в парике был мужчина, но, в таком случае, тоже нужны основания.

— Есть основания! — визгливо выкрикнула Анна Дмитриевна. — Есть! И еще какие! — она темпераментно пригрозила кому-то пальцем. — Когда я просунула голову в квартиру Олега Петровича и столкнулась с преступником... я правильно употребляю слово «преступник»?

— Возможно. Продолжайте.

— Так вот, когда я столкнулась головой с грудью этой отпетой негодяйки... негодяя, — поправила себя свидетельница, — я подумала... хотя тогда об этом я еще не успела подумать... — эмоциональная свидетельница опустила глаза.

— Что вы подумали?

— Что бюст... — Анна Дмитриевна наклонилась через стол к Харабаре и перешла на шепот, — я подумала, что бюст не-на-ту-раль-ный.

— Да-а? — Харабара встал и прошелся по кабинету.

— Да! Ну скажите... — из стороны в сторону испуганно озиралась бегающими глазками Анна Дмитриевна, — разве можно больно столкнуться с женской грудью? — слащавым шепотом спросила она и тут же ответила: — Нет. Женская грудь по законам физики обязательно амортизирует удар, а мужская...

— Анна Дмитриевна. — остановил ее Харабара, — давайте вернемся к квартире Вялова. Итак, вы собрались нажать на кнопку звонка, но в это время дверь неожиданно открылась?

— Да. Я сразу просунула голову, столкнулась с кем-то и от испугу замахнулась сумочкой.

— Чтобы ударить?

— Нет. Обычный рефлекс... защиты, — вкрадчиво добавила она.

— Стало быть, вы замахнулись и ударили, все это произошло внезапно, в считанные секунды, и потому преступник, встретившись с вами, от неожиданности не смог оттолкнуть вас сразу?

— Да, но как только я ударила его, он меня...

— Вам не удалось увидеть его лицо?

— Нет, я уже говорила. Только очки. Мельком.

— Темные?

— Затрудняюсь ответить, по-моему, дымчатые.

— А звон стекла вы не почувствовали, когда замахнулись сумочкой?

— Неужели я разбила преступнику очки?

— Разбили.

— Что? Оба стекла вылетели?

— К сожалению, нет. А теперь, Анна Дмитриевна, пожалуйста, еще раз расскажите, что вы делали в квартире Вялова?

— Ничего. — Анна Дмитриевна поджала нижнюю губу. — Я уже все сообщила, добавить нечего... а когда я увидела, что Олег Петрович, извините, мертвец — ведь в его квартире так дурно пахло трупом... я... я...

— Успокойтесь. Запах был от химреактивов, с которыми работал Вялов перед сеансом глубокой медитации.

— Кто бы мог подумать! Я ведь исключительно от испугу бросила все и.., — она махнула носовым платком, — и куда глаза глядят... Пулей... Дверь за мной так и треснула!

— Захлопнулась?

— Да. С силой.

— Спасибо, Анна Дмитриевна. Пока вы свободны. И, пожалуйста, о нашей встрече — никому ни слова.

— Ну что вы? Разве можно? — сердечно откликнулась свидетельница.

* * *

...Мысли, как бумажные кораблики, плывут в весенних ручьях, не останавливаясь...

...До тошноты сладкий запах лотков с кондитерскими изделиями, смешиваясь с запахами выхлопных газов, способен по утрам вызывать отвращение к урбанистическому бытию даже у коренного горожанина и взвизгивать мечтой об идиллически чистой жизни где-нибудь в деревеньке, на берегу реки...

Дух бродяжничества просыпается в человеке весной, когда появляется настойчивое желание вырваться из плена неприятных воспоминаний, обыденности и очутиться в суматошном маскараде вокзала, где среди пестрых азиатских одежд, мешков сельчан, рюкзаков, джинсов, роб, штиблет, громких до неприличия голосов человек, уставший от телефонных звонков, планерок, собраний, личных неурядиц, чьей-то глупости, цинизма, лицемерия, покупает билет, спешит занять место в электричке или поезде, спешит уехать в деревню, СПЕШИТ отдохнуть и поскорее забыть о том, что он HOMO FABER, или HOMO LUDENS, или даже HOMO SAPIENS-SAPIENS — забыть об этом и почувствовать себя просто Человеком... в деревне; где-нибудь дядя Гриша в пропахших костром фуфайке и кирзовых сапогах угостит вас настоем из трав от всех болезней, а потом будет наигрывать на баяне «Амурские волны»...

Ирина набрала номер. Длинные-длинные гудки. Из телефонной будки видны окна Виктора. Ирина позвонила еще раз. Опять длинные гудки.

«Будь, что будет...» Ирина забежала в подъезд, поднялась на четвертый этаж и, не переводя дыхания, нажала на кнопку звонка.

Дверь открыла белокурая девушка с размазанной косметикой, в незастегнутой рубашке Виктора на голом теле. В подъезде было открыто окно, и порыв ветра распахнул рубашку, обнажив грудь и часть живота.

«Бесстыдство и распущенность...» — Ирина оттолкнула девушку и прошла в комнату.

Виктор лежал на диване с книгой в руках. Камерную обстановку дополняла музыка с елейным голосом Донны Саммер. Виктор на мгновение оторвался от книги, мельком взглянул на Ирину и снова уткнулся в книгу. Развязно навалившись на стенку секретера, белокурая устроилась на ковре. Она изредка кривила губы в усмешке, разглядывая свои ухоженные, покрытые лаком оранжевого цвета, ногти...

— Гостям принято уделять хотя бы минимум внимания, — каким-то чужим, непривычным голосом произнесла Ирина.

— Ах! Вы еще себя именуете гостьей? — Девица встала и захохотала, останавливаясь перед зеркалом в бронзовой оправе и подкрашивая ресницы. Рубашка распахнулась, но это нимало не смутило обладательницу роскошно стройного тела.

Виктор перевернул страницу, посмотрел на белокурую и улыбнулся,

любуюсь красивым девичьим телом и непосредственностью Евы, видимо, довольный ее поведением.

Девушка взяла со стола белое платье, потянулась вверх, в стороны и начала медленно одеваться., дефилировать по комнате, хохотать:

— Чай или кофе? А может, коньяк? — Девушка в упор разглядывала Ирину.

— Лучше коньяк.

— Одну минуту, сударыня, — девушка вертлявой походкой удалилась из комнаты.

— Мне тоже, Светик! — Виктор присел, не переставая читать.

На столе появились массивные хрустальные стаканы, неполная бутылка «бренди», лимон.

— Светик, ты прелесть, — Виктор поймал руку девушки и начал страстно целовать каждый пальчик.

Залпом выпив коньяк, Ирина не почувствовала ни вкуса, ни запаха.

— Однако, обалденная штучка! — Девушка кокетливо засмеялась.

— И такие женщины хотят, чтобы их любили? — Виктор сделал глоток и поморщился.

Ирина долила «бренди». Звенящий холод стучал под сердцем, подступал к голове. Это была уже не обида, не злоба, не ревность: монотонный шум... неслышимый голос Виктора, обнимающего девушку... шум... шум... шум... Ирина крепче сжала стакан. Пальцы побелели.

Действие вертелось, как на киноплёнке, снятой методом «рапид»: голова Виктора медленно откинулась на спинку дивана; по щеке и шее поползло темно-красное пятно.

Ирина разжала пальцы.

Руки дрожали.

* * *

Лович забросил ногу на ногу и развалился в кресле, подчеркивая своим видом презрение и брезгливость по отношению к Харабаре:

— Так вас интересует мой дядюшка, вернее, судьба его уникальной коллекции? — Лович поиграл коробочкой «Норд Стейт», вынул губами сигарету и закурил. — Бедный, бедный дядюшка! За эту коллекцию он мог бы сорвать такие деньги, но... — Лович медленно выпустил дым изо рта, — но увы-увышеньки...

Харабара прервал браваду Ловича и задал основной вопрос:

— Лапиков сообщил, что кто-то из ваших знакомых, кажется, скульптор, собирался купить коллекцию самоцветов?

— Помилуйте, какой скульптор? — искренне удивился Лович. — Портной он. Первоклассный мастер, кстати, лучший в городе: заказ выполняет всего за два дня и без примерок. Могу сделать протекцию.

— А вы ничего не напутали?

— Помилуйте, мигренью пока не страдаю и уверяю вас, коллекцию хотел приобрести никакой не скульптор, а портной. — Лович раздавил сигарету о стенку пепельницы. — Нравился ему один крестик, гипертрофированно нравился: шпинеель балэ, или рубин балэ, розово-красный, огранка маркиза, фантастика! — Лович прищурил глаза и покачал головой. — Бедный, бедный Федор Михайлович! — Декларативно вышлекивал слова Лович. — Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

Харабара промолчал.

— Увы-увышечки, вы, безусловно, ничего не смыслите в моей системе изложения фактов. — Лович вырвал листок настольного календаря. — Что касается топонимических и прочих данных портного, мои туберозы — к вашим услугам, — Лович сделал несколько росчерков авторучкой на листке календаря и протянул Харабаре. — Думаю, пенсионер будет несказанно рад вашему приходу, — он несколько раз подбросил вверх пачку «Норд Стейт», — не каждый день к нам в гости приходит моя милиция, увы-увышуленьки...

— Создается такое впечатление, что вы гораздо больше сочувствуете вору, чем своему родному дяде.

— Сочувствую — не то слово. — Лович звучно зевнул. — Неординарные ребята. Занялись перераспределением материальных ценностей. Скажите честно, у вас есть драгоценные металлы и бриллианты?

— Нет.

— И у меня нет. Дядюшка, пожалуй, яркое исключение среди плеяды собственников. Его стоит пожалеть. А что касается остальных, я бы на вашем месте и искать-то не стал, руководствуясь евангельским принципом: «Да не оскудеет рука дающего».

— А если бы вас обокрали, вы бы применили тот же принцип?

— У меня нет золота и бриллиантов, я, насколько помню, уже говорил об этом.

— А если бы исчезли последние вещи, и вам бы пощадобились годы, чтобы заново приобрести все необходимое, интересно, каким бы тогда было ваше восприятие квартирных краж, таким же лояльным?

Лович пожал плечами:

— Я бы застраховался.

— Как?

— В Госстрахе.

...Интересующий Харабару портной десять дней назад скоропостижно скончался от инсульта...

* * *

— Товарищи! — взвинченно воскликнула Анна Дмитриевна. — Через два часа университет экономических знаний! Вы меня слышите? — Еще пронзительнее выкрикнула она.

Ни одна голова не высунулась из-за кульмана... никаких вопросов, никаких реплик не последовало.

— Все слышали?

Илья, в душе дизайнер и любитель всяческих перестановок мебели, в период отсутствия высшего начальства (зав. отделом пребывал в командировке) так расставил кульманы, что, войдя в кабинет и взирая на кульманы с разных ракурсов, не сразу поймешь, где прячутся люди... Все знали, что это новшество продержится всего лишь несколько дней: до возвращения шефа, консерватора, с железным убеждением, что каждый сотрудник должен хорошо просматриваться на своем рабочем месте... а пока из-за кульманов были видны только ноги, вот к ним-то и взывала Анна Дмитриевна:

— Все слышали? А после — лекция о проблемах геронтологии.

— После чего? — не выдержал Илья.

— После университета, — скрипучим голосом, подражая Анне Дмитриевне, протрубила Чернова, — неужели неинтересно?

— А как же! — подхватил Илья. — Эта информация как раз и ликвидирует тот провал в моем образовании, который я только что обнаружил с помощью чутких товарищей из нашего отдела.

Виктор смотрел на чистый лист ватмана. Красивое лицо портил звездный шрам, сползающий с виска на глаз.

Виктор потрогал все еще ноющую ссадину и поморщился.

— Кто это так тебя изувечил? Вернее, заклеил? — Илья, скептически воспринимающий Виктора вследствие несовместимости эмоциональных полей, остановился напротив и скрестил руки на груди. — Вот у Папы Иоанна XXIII только в одном монастыре было около трехсот любовниц! И ничего. Никаких инцидентов.

— Послушай, ты, я ведь не Анна Дмитриевна!

— Не понимаю, дружище, — уверенно наступал Илья, — почему твое тавро не на месте? Почему под глазом? Ведь оно по всем прави-

лам должно быть... — Илья повернул голову и посмотрел через свое плечо вниз.

— Где должно быть? — Заинтересовалась Галочка.

— Будто не знаешь, — хихикнул Илья, — где-нибудь ближе к заднему месту!

— Ф-фу, — фыркнула Галочка.

— Не ф-фу, а точно! Тавро, товарищи, ставят коням на холки!

— Правда, что ли? — усомнился Лукин.

— Да ну, — махнула малахитовым браслетом Леонора.

— Да! — уверял Илья. — Тавро прищандоривают на холки!

Именно на холки!

— Какой вульгариус! — сверкнула глазами Анна Дмитриевна. — Витюшенька, — сказала она, подставляя стул к столу Виктора, — Витюнька, не обращай на него внимания. Тебе, милый, завтра лететь в командировку, а ты все еще здесь. Будешь в Москве, посмотри что-нибудь для Федора, у него через месяц день ангела, надо понемножку пошевелиться.

Анна Дмитриевна выложила перед Виктором деньги.

* * *

— Чем порадуете на сей раз, лейтенант Харабара? — Яров приготовился слушать, хотя он был в курсе всех событий.

— Отпечатки пальцев на осколках стекол от очков идентифицированы с отпечатками пальцев Смирнова.

— И выйти на след удалось, видимо, не без помощи Далина?

— Не без помощи врача скорой.

— Да? Ну-ка, расскажите! Очень любопытно получается.

— В квартире Смирнова произошла какая-то любовная история на почве ревности, развязкой которой была, очевидно, месть любящей Смирнова женщины. Ее фамилия Тагилова. Ирина Тагилова. Кстати, она работает со Смирновым в одном отделе; как удалось выяснить, является близкой знакомой Лапикова, имеющей представление о тайнике коллекции самоцветов. Вторая задушевная, скажем так, приятельница Смирнова — манекенщица Светлана Данилюк, с которой он встречается приблизительно в течение года, работает вместе с Осокиной в Доме моды и не исключено, что именно она сообщила Смирнову о точном времени отъезда Осокиных в отпуск. Так вот, когда в присутствии Данилюк, Тагилова ранила своего любовника стаканом, Данилюк вызвала срочную скорую, а врачом этой скорой случайно оказался школьный друг Далина, он-то и увидел «Книгу Кирилла Философа о хмельном питии ко всем людям», похищенную из квартиры Осокиных. Мог бы и не обратить внимания, если бы книга не находилась в руках раненого Смирнова. Все остальное было делом техники.

— Стоп, стоп. А откуда врач скорой помощи узнал, что эта книга похищена? Ведь дело Осокина вели вы, а не врач скорой помощи?

— Я рассказал о книге Далину, потому что эту редчайшую книгу Осокин в списке похищенных вещей назвал первой.

— В следующий раз, Александр Ильич, я попрошу вас держать все сведения в голове. — Яров посмотрел на Харабару строго, свысока. — А теперь — продолжайте.

— На указательном пальце правой руки Смирнова — платиновый перстень с голубым камнем треугольной формы, о котором в письме сообщил брат Берсовой. Но самое главное, что группа крови, установленная экспертами по реснице, найденной на осколках от очков Смирнова в квартире Вялова, совпала с группой крови Смирнова.

— Замечательно, — мрачно сказал Яров. — Надеюсь, вы не забыли, как у нас гладко шла версия с Ловичем? И ничего... Пшик... Теперь вот еще один претендент. Завтра этот претендент летит в Москву, затем в Таллин.

...В подъезде назойливо мяукала кошка...

Виктор сонливо открутил крышку термоса, налил чашку чая, сделал несколько глотков, откинулся на спинку кресла... поза показалась неудобной. Он медленно развалил ноги вдоль журнального столика, поставил чашку на колено, тупо уставился на нее, боясь шевельнуться...

«Когда мне исполнилось девять лет, над моим городом вспыхнула повальная эпидемия моды на заграничную фауну. Жители с пухлыми кошельками подвозили к своим виллам цейлонских удавов, мазандаранских тигров, нильских крокодилов. У кого сберкнижки были несколько скромнее, несли в дома хамелеонов, макак или, на худой конец, импортных червей... Мне тоже хотелось воспитать какого-нибудь невиданного зверька, но мои родители были не модными людьми; они вообще не выносили запаха животных, даже самых экзотических... Назло родителям я поймал во дворе первого попавшего под руку кота, умудрился украдкой занести в квартиру и уложил в свою кровать... Худющий бездомный кот, вообразив себя самым обожаемым котом на свете, совсем как... («Правильно, Витя, совсем, как — ф-ф-р — вертлявая заморская Мурка с заживевшим «торсом» из третьего подъезда, которая еще в марте хвасталась всему подвалу, что ее хозяева позволяют ей абсолютно все, даже сидеть у них на головах и противно кривлялась, заставляя завидовать ей всех никому ненужных, ничейных, беспородных, в том числе и меня, некрасивого бездомного кота со спутанной в комочки грязной шерстью... ур-р-мяу-мыр-р... — спасибо тебе, Витенька, за ласку...») ...совсем как самый обожаемый на свете кот, ты уверенно забрался мне на голову и первый раз в жизни уснул сладко и нежно, вследствие чего мою голову отметил стригущий лишай..., противная ранняя лысина на макушке размером с трехкопеечную монету или даже больше... в зависимости от квалификации парикмахера...»

Виктор наклонился к чашке, захватил ее края зубами, поставил на столик...

...Кошка кричала совсем рядом, за дверью...

Если бы работающим с Виктором сотрудникам, хотя бы в шутку, сказали, что он терпеть не может кошек, никто бы не поверил, а вездесущая Анна Дмитриевна наверняка бы возмутилась: «Виктор Алексеевич? Эрудит, эстет, обаятельный, сердечный человек, кумир и надежда нашего института — терпеть не может кошек? Какая гнусная ложь! Он, да будет вам известно, моей кошечке привозил специально приготовленный презент из самой Англии. Да-да. Брикеты, пакеты. Фантастика! Вы понимаете, для какой-то кошки не пожалел фунты-стерлинги?! А вы говорите...» Виктор действительно терпеть не мог кошек, с девяти лет...

Виктор закурил, глубоко затянулся, наблюдая за валандным танцем дымчатых колец.

«И с чего я вздумал, что Олег мертв? А-а, тот жуткий навязчивый запах... мертвенно-бледное лицо Олега и невидящие мутные глаза... Осечка. Первая осечка. Плохо...» — «Виктор Алексеевич, что с вами? Нервишки, что ли, пошаливают?» — «Да нет, для моих лет вроде ровнато». — «Сколько вам будет?» — «Скорó двадцать четыре.» — «Дитя.» — «Акселерированное дитя.» — «А как вам, акселерированное дитя, понравилась негаданная встреча с Плетневой у Олега? Ведь вы сначала не знали, как быть, не так ли?» — «Так». — «Потому позволили ей замахнуться и ударить?» — «Да. Я вел себя в тот момент страшно глупо». — «Преступно! Вы наследили, Виктор Алексеевич!» — «Ну вот еще! Какой-то незначительный осколок, на который, конечно же, успела наступить не одна Плетнева и растоптать в мельчайшие крупинки стекла». — «Вы уверены?» — «Не сомневаюсь, как впрочем, и в том, что Плетнева ни на йоту не узнала, кто был перед ней в дверях...» — «Вообще-то, Виктор Алексеевич, вы недурно придумали затею с пари-

ком». — «Вообще-то, да. Не мог же я идти к Вялову просто так. Меня мог выдать любой встречный из его дома, тем паче, ближайшие соседи». — «Отчего?» — «Я часто приходил к нему». — «Зачем?» — «Мне нравился Вялов. Как человек. Как все доверчивые люди». — «Которые уже четырнадцать раз поплатились за свою доверчивость?» — «Правильно. Четырнадцать раз». — «Однако, Виктор Алексеевич, вы законченное дерьмо». — «Возможно. И все-таки жаль, что не удалось забрать вещички Вялова. Сколько я угрохал времени на этот план, сколько мучился и хотел было оставить затею с квартирой Вялова, если бы не разговор с приятным малым на новоселье». — «Как его фамилия?» — «Лович. Да. Лович... Чем же он так напоминает меня... Чем?» — «Не берусь судить, Виктор Алексеевич, решайте сами. Кстати, ведь именно он натолкнул вас на идею с париком?» — «Он, он. Лович рассказал презабавный случай с некоей Розой в номере гостиницы...» — «Ну и?» — «Ну и... в общем, это был друг администратора, клоун». — «И он переоделся в девушку?» — «Да». — «Зачем?» — «Наверное, чтобы разыграть Ловича. Не помню». — «Значит, сразу после новоселья вы задумали облачиться в женскую одежду и обворовать вашего сослуживца?» — «Нет... то есть да». — «Не понимаю». — «Я не собирался рядиться в женскую одежду...» — «Но сразу приобрели дамский парик?» — «Да». — «Виктор Алексеевич, неужели правда, что вы придумали универсальнейший состав для обработки следов?» — «Да. Я бы спокойно мог за эту работу получить авторское свидетельство на изобретение, но...» — «И долго вы собираетесь заниматься обработкой своих следов?» — «Не знаю, не знаю...» — «И по-прежнему — один?» — «Только так. Я никому не доверяю... Охо-хо...» — «Хотите спать?» — «Нет, завтра — тяжелый день». — «Виктор Алексеевич, а вам не кажется, что вы уже предвзвешенно сидите «под колпаком?» — «Господь с тобой! У кого?» — «У сотрудников милиции?» — «Нонсенс». — «Ну а все-таки, прикиньте, прибросьте...» — «Перестань жаркать. Завтра меня ждет Европа». — «Или сотрудники уголовного розыска». — «Да полно-те, какое-то разбитое стеклышко... чепуха... нет следов, нет! И Плетнева меня не узнала, иначе бы всему городу было известно». — «Тогда почему она так упрямно не рассказывает коллегам по работе о сногшибательной новости, о девушке в парике? О мнимой смерти Вялова, наконец?» — «Не знаю, не знаю». — «Странно, Виктор Алексеевич, неоправданно странно, с какой стати чересчур болтливая Плетнева до сих пор не разболтала о своих злоключениях?» — «Все очень просто. От дьявольского испуга Плетнева навсегда забыла о своем бессмертном хобби». — «Разве она теперь ни с кем не делится новостями?» — «Молчит...»

Виктор потушил сигарету и встал с кресла.

«Я был единственным ребенком. Избалованным и капризным. Меня любили. Патологически. Слепо. Ни одно мое эгоистическое желание не оставалось невыполненным — если дело не касалось просьбы о животных: здесь не помогал ни мой плач, переходящий в бешеный рев, от которого становилось противно даже мне, не помогало топанье моих модельных башмачков и истеричное барахтанье по полу, не помогала и груда вдребезги разбитых монми пухлыми ручонками тарелок, бокалов, ваз... ничего не помогало.

К тринадцати годам у меня уже был кожаный пиджак, самые дорогие джинсы, канадская дубленка, соболья шапка, бархатный костюм, магнитофон «Сони», наручные часы «Сакура».

...В пятнадцать лет я был самым высоким парнем в классе и очень гордился своим ростом. Но отец как-то сказал мне: «Глупый-глупый мальчик, для мужчины главное не высокий рост, а высокий пост, запомни, мой мальчик, — ВЫСОКИЙ ПОСТ!..» Высокий пост... Я запомнил твои слова, отец, и закончил школу с золотой медалью, а мама в честь этого события подарила мне платиновый перстень с лазуритом.

Перстень на счастье. Она так и сказала: «Перстень на счастье. Не снимай, Витенька, этот перстень никогда. Лазурит — редкость. Лазурит — голубая мечта каждого коллекционера...» Лазурит...

...Когда я закончил институт, я потребовал от вас, мои двужильные родители, новенькую «Волгу». Вы не купили мне «Волгу», потому что у вас был «Москвич». У вас — ваш «Москвич», а я требовал «Волгу». Мою «Волгу»...

Первый раз в жизни вы отказали мне.

Я перестал уважать вас.

Я забыл вас, ро-ди-те-ли...

Виктор подошел к окну.

«...Илья... Ну и дурак же ты, Илья... И кто только нафаршировал тебя непробиваемой прямолинейностью? Нет, Илья, ты не думай, что я просто так забуду твою насмешку о тавро... нет, выскочка, ни за что не прощу... Подумаешь, бойкот устроил... весь институт носился в больницу, а он даже ни разу не заглянул... Подумаешь... да кто ты такой... тебя, болван, и всерьез-то никто не воспринимает... дурень ты... дурень и шут гороховый...»

Виктор раздвинул портьеры.

...Лицо Ирины... ее слова: «А ты, оказывается, не такой, совсем не такой...» — приближались, становились громче, невыносимо громкими...

Виктор закрыл уши ладонями:

«Скорее бы утро».

...Высотные блоки жилого массива теряли геометрическую точность...

...Стрелки часов остановились на цифре «один».

* * *

Рев моторов, профессиональные улыбки бортпроводниц, разноглосье этнографических убранств и несессеров, метаморфозы эмоций, фимиаменная лихорадка табачного вожделения, холодно-металлический голос диктора — вечный пульс аэропорта в привычном ритме отсчитывал оставшиеся минуты до очередного взлета...

«...Уважаемые товарищи пассажиры! Рейс номер двести восемнадцать задерживается...»

«Не везет, фатально не везет». — Виктор вышел из здания аэропорта.

— Извините, ваша фамилия, Смирнов?

— Да.

— Виктор Алексеевич?

— Да. А в чем дело?

Харабара предъявил удостоверение:

— В вашем багаже обнаружена коллекция самоцветов, похищенная из квартиры Лапикова.

* * *

Р. С. ...На сон грядущий Рита протерла бархоткой, поцеловала и положила под подушку стограммовый золотой медальон прабабушки, которая лично знала Раджу-Бай, то бишь незабвенную шарлатанку Елену Блаватскую; слепо подражала ей, посвятив полжизни спиритизму, магии и прочей чертовщине; в ризе последовательницы Блаватской исколесила всю Европу, осела в Париже, очаровала престарелого банкира Анри Пюжоля, стала называться мадам Пюжоль; в сорок лет родила Катрин (бабушку Маргариты Мошкиной); к семидесяти годам неизлечимо заболела ностальгией и уехала умирать на родной земле, в России...

КОРЧУГАНОВ Анатолий Васильевич родился в 1948 году в Кемеровской области. Закончил педагогический институт, работает штатным лектором планетария. Стихи публиковались в альманахах «Алтай», «Енисей», коллективном сборнике «Прикосновение». Член Барнаульской литературной студии.

Анатолий КОРЧУГАНОВ

В ДОРОГЕ

ТОМЬ

Буду плыть по осенней реке
И за островом ждать теплохода,
И, весло согревая в руке,
Загрести потемневшую воду.

На изломах коричневых скал
Мчатся лоси времен неолита.
И угрюмой личины овал
Проступает на глянце гранита.

Над холмом алый свиток зари
С журавлиным таинственным клином.
Он безмолвьем своим говорит
О прошедшем, великом, былинном.

Буду плыть по осенней реке,
Слушать воду под вытертым днищем.
Золотой огонек вдалеке
Обещает мне хлеб и жилище.

В ДОРОГЕ

К горизонту уходят поля,
Светлый иней искрится и тает,
И седая метель ковыля
За вагонным окном пролетает.

Потемневшие избы молчат,
Лишь, как всплески зари, георгины,
Галки темною тучей летят
И тревожно кричат над равниной.

Скоро снег полетит шелестя,
Прикрывая сгоревшее лето.
Но пока поезда голосят,
Осень катит себе без билета.

ЛЕДОСТАВ

Ледостав на реке, по протоке шуга
В этот вечер шушит не смолкая.
В сизой дымке на острове тонут стога,
И луна не спеша выплывает.

В белом инее четко легли на просвет
Томелей узловатые сучья.
Сухо щелкнул курок, и спасения нет
Тишине затаенных излучин.

Затрещали валежины в темном бору,
Лось умчался в глухие урманы.
Куст рябины горит на высоком яру,
Обагрив листвою поляны.

* * *

Один. Привык за много лет.
Ночь за окном черна, к утру лилова.
Дыханием в ладони грею слово
И чувствую движение планет.

Натешится, натерпится душа...
Не стерпится, не слюбится, однако.
Поет свирель — обломок камыша,
На облаках таинственные знаки.

* * *

Осенняя угрюмость деревень,
Исхлестанных холодными дождями.
Телега то в колдобину, то в пень,
Дорога под намокшими ветвями.
Клубится пар над крупами коней,
Их ноздри в напряжении дымятся,
Вознице объясняю: «Еду к ней,
Не верится, что не смогла дождаться».

Валерий Сергеевич ЗОЛОТУХИН родился в 1941 году на Алтае, в с. Быстрый Исток. Окончил ГИТИС. Актер театра драмы и комедии на Таганке, киноактер. Автор повестей и рассказов, публиковавшихся в журналах «Юность», «Аврора», альманахе «Алтай», выходящих также отдельными изданиями в Москве и Барнауле.

Валерий ЗОЛОТУХИН

КАК СКАЖУ, ТАК И БЫЛО.

или этюд о беглой гласной

В бурный и скорый поток спешных воспоминаний, негодований, винений и ликований о Владимире Высоцком мне бы не хотелось тут же вплеснуть и свою ложку дегтя или вывалить бочку меда, ибо «конкуренция у гроба», по выражению Томаса Манна, продолжается и закончится не скоро, и я, по-видимому, еще успею проконкурировать и сказать свое слово во славу этого замечательного человека. Но Вы, уважаемый редактор, просили меня, не вдаваясь шибко в анализ словотворчества поэта, в оценку его актерской сообразительности, не определяя масштабности явления, а также без попытки употребить его подвиг для нужд личного самоупреждения, сообщить какой-нибудь частный случай, пример, эпизод или что-то в этом роде, свидетелем которого являлся бы, по Вашему тезису, только я и никто другой. И я согласился Ваш тезис принять за руководство к действию, ибо лично известный факт (факт действительного случая или фантазии сообщившего) в любом случае не проверяем на достоверность: как скажу, так и было... К гиппократовой присяге, к сожалению, мемуаристов не приводили и не приводят; совесть, к сожалению, во все века понятие относительное, а так как мы, по счастью и воспитанию, многие в глубине души атеисты, то и Евангелие нам не устав. А стало быть...как скажу, так и было. А было так. У меня есть автограф: «Валерию Золотухину — соучастнику «Баньки»... сибирскому мужику и писателю с дружбой Владимир Высоцкий». Вот я и расшифрую этот автограф.

Судьба подарила мне быть свидетелем, непосредственным соглядатаем сочинения Владимиром Высоцким нескольких своих значительных песен, в том числе моей любимой «Баньки». «Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого света отвык. Угорю я, и мне, угорелому, пар горячий развяжет язык...» и т. д. Хотя слово «песня» терминологически не подходит к определению жанра его созданий. Потомки подберут, ладно.

Итак, «Банька»... 1968 год. Лето. Съёмки фильма «Хозяин тайги». Сибирь. Красноярский край. Манский район, село Выезжий Лог. Говорят, когда-то здесь кроваво проходил Колчак. Мы жили на постое у хозяйки Анны Филипповны в пустом брошенном доме ее сына, который оставил все хозяйство матери на продажу и уехал жить в город, как многие из нас. «Мосфильм» определил нам две раскладушки с принадлежностями; на осиротевшей железной панцирной кровати, которую мы для уютности глаза заправили байковым одеялом, всегда лежала гитара, когда не была в деле. И в этом позаброшенном жильё без занавесок на окнах висела почему-то огромная электрическая лампа в пять-

сот, однако, свечей. Кем и для кого она была забыта и кому предназначалась светить? Владимир потом говорил, что эту лампу выделил мосфильмовский фотограф. Я не помню, значит, фотограф выделил ее ему. Работал он по ночам. Днем снимался. Иногда он меня будил, чтобы радостью удачной строки мне радость доставить. Удачных строк было довольно, так что... мне в этой компании было весело. А в окна глядели жители Сибири. Постарше поодаль стояли, покуривая и поплеывая семечками, помоложе — лежали в бурьяне, может, даже не дышат; они видели живого Высоцкого, они успевали поглядеть, как он работает. А я спал, мне надоело гонять их, а занавески сделать было не из чего. Милицейскую форму я не снимал, чтобы она стала моей второй шкурой для роли, а жители села думали, что я его охранник. Я не шучу, это понятно, в 1968 году моя физиономия была совсем никому не знакома. И ребяташки постарше (а с ними и взрослые, самим-то вроде неловко), когда видели, что мы днем дома, приходили и просили меня как сторожа «показать им живого Высоцкого вблизи». И я показывал. Вызывал Владимира, шутил, дескать, «выйди, сынку, покажись своему народу...» Раз пришли, другой, третий и повадились — «вблизи поглядеть на живого...» И я вежливо и культурно, часто, разумеется, обманно выманивал Володю на крыльцо... пусть, думаю, народ глядит, когда еще увидит... А потом, думаю (ух, голова!), а чего ради я его за ТАК показываю, когда можно ЗА ЧТО-НИБУДЬ? Другой раз, когда «ходоки» пришли, я говорю: «Несите, ребята, молока ему, тогда покажу». Молока наносили, батюшки!.. Не за один сеанс, конечно. Я стал сливки снимать, сметану организовали... излишки в подполье спускал или коллегам относил, творог быстро отбрасывать научился, чуть было масло сбивать не приновился, но тут Владимир Семенович пресек мое хозяйское усердие. «Кончай, — говорит, — Золотухин, молочную ферму тут разводить. Заставил весь дом горшками не пройдешь... Куда нам столько? Вези на базар в выходной день». Он-то не знал, что я им приторговываю помаленьку. И тут я подумал, а не дешеволю ли я действительно с молоком-то?.. А не брать ли за него чего... покрепче? Самогон, к примеру... Мне ведь бабки не продавали, я ведь милицейскую форму-то не снимал ни днем, ни ночью. Ну, на самогон-то я, конечно, деньги сам давал, лишь бы нашли-принесли, что они и делали охотно... лишь бы поглядеть на живого. «Прости ты меня, Владимир Семенович, грешен был, грешен и остался, винюсь, каюсь... Но сколько бы и чего кому теперь сам ни дал, чтоб на тебя на живого одним глазком взглянуть... Ну, да свидимся, куда денемся, теперь уж, конечно, там, где всем места хватит, где аншлагов не бывает, как на твоих спектаклях бывало...»

«Чем отличается баня по-белому от бани по-черному?» — спросил он меня однажды. За консультацией по крестьянскому быту, надо сказать, обращался он ко мне часто, думая, раз я коренной чалдон алтайский и колхозник, стало быть, словарь и уклад гнезда своего должен знать досконально, в чем, конечно, ошибался сильно, но я не спешил разуверять его в том, играя роль крестьянского делегата охотно и до конца завираясь подчас до стыдного. На этот раз ответ я знал не приблизительный, потому что отец наш переделывал нашу баньку каждый год... то с черной на белую, то с белой на черную и наоборот — по охоте тела. «Баня по-черному — это когда каменка из булыжника или породного камня сложена внутри самого покоя без всяких дымоотводов. Огонь раскаляет докрасна непосредственно те камни, на которые потом будем плескать воду для образования горячего пара. Соображайешь? От каменки стены нагреваются, тоже не шибко дотронешься. Дым от сгорания дров заполняет всю внутренность строения и выходит в двери, в щели, где найдет лаз. Такая баня, когда топится, кажется, горит. Естественно, стены и потолок слоем сажи покрываются, которую обметают, конечно, но... Эта баня проста в устройстве, но

не так проста в приготовлении. Тут — искусство почти. Надо, допустим, угар весь до остатка выжить, а жар первородный сохранить. Что ты, что ты, Володя... Это целая церемония: кто идет в первый пар, кто во второй, в третий... А веники приготовить? Распарить так, чтобы голиками от двух взмахов не сделались? Что ты!

Баня по-белому — баня культурная, внутри чистая. Дым — по дымоходу, по трубе и в белый свет. Часто сама топка наружу выведена. Но чего-то в такой бане не хватает, для меня, по крайней мере, все равно, что уха на газу. Моя банька — банька черная, дымная, хотя мы с братом иной раз с черными задницами из бани приходили и нас вдругорядь посылали, уже в холодную...» В то лето Владимир парился в банях по-разному: и по-черному, и по-холодному — недостатку в банях в Сибири нет.

И вот разбудил он меня среди ночи очередной своей светлой и спрашивает: «Как, говоришь, место называется, где парятся, полок?» — «Полок, — говорю, — Володя, полок, ага...» — «Ну, спи, спи...» В эту ли ночь или в другую, уж не помню сейчас, растряс он меня снова, с гитарой наизготовку, и в гулком брошенном доме, заставленном корчагами с молоком, при свете лампы в пятьсот очевидных свечей зазвучала «Банька»:

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю!
На полке у самого краешка
Я сомненья в себе истреблю!

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодный... — и все позади...
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди...

Где-то с середины песни я стал невольно подмыкивать ему, так близка оказалась мне песня по ладу, по настроению, по словам. Я мычал и плакал от радости и счастья...

А когда прошел угар радости, в гордости соучастия я заметил Владимиру, что «на полке» неверно сказано, правильно будет — на полке. «Почему?» — «Не знаю, так у нас не говорят». «У нас на Алтае», «у нас в Сибири», «у нас в народе» и т. д. — фанаберился я, хотя объяснение было простое и пришло потом. Гласная «о» в слове полк при формообразовании становится беглой гласной, как см. потолок — потолке и пр. Но что нам было тогда до этой гласной. Правда, в записях последних лет ясно слышится, что Владимир великодушно разрешает гласной «о» все-таки убегать, компенсируя ее отсутствие в ритмической пружине строенной соседкой «л» — «на пол-л-лке у самого краешка...» и т. д.

В этом замечании, которому я не мог дать объяснения, и в том, что мы часто потом пели «Баньку» вместе, и есть тайна моего «соучастия» — счастливого и горячего. А еще потом, я уж не мог ему подпевать, кишки не хватало, такие мощности нездешние, нечеловеческие он подключал, аж робость охватывала.

В добавление. Или в послесловие. На одном из выступлений мне пришла записка: «Правда или сплетня, что вы завидуете чистой завистью Владимиру Высоцкому?» Ответ, который я осуществил, оказался мне не столь удачным, сколько почти искренним.

«Да, я завидую Владимиру Высоцкому, но только не чистой, а самой черной завистью, какая только бывает. Я, может быть, так Александру Сергеевичу Пушкину не завидую, как Высоцкому, потому что имел честь и несчастье быть современником последнего».

Громко! Несоразмерно? Но ведь иные считают и говорят, как обухом под дых и наотмашь: «Высоцкий? Мы такого поэта не знаем...»

А истина... Да разве не существует она вне наших мнений, вкусов, словесных определений?

Вот и весь частный случай, что хотелось мне Вам сообщить, уважаемый редактор.

«ПОЗДНО, РИТА, ТЫ ПОЛЮБИЛА ВОРА!» рассказ бывшего администратора

Служил я, не поверите, администратором в кино. На киностудии имени... Работа... она сама по себе... ну... сами знаете, какая. Трудная. Объясню, почему. Это достань, то принеси, ту встреть, про этого забудь невзначай, чтоб сам забыл, куда едет. Трудная, трудная. Она и психологически поэтому вредная. А со стороны кажется — человек на побегушках. Поэтому, в соответствии и согласии с цитатой, рыба ищет; где глубже, а человек, где рыба,—ты и сам ищешь, выслеживаешь, вынюхиваешь, фирменные сигареты подсовываешь директорам тех картин, у которых красивые экспедиции к теплему, скажем, морю намечаются. Не говорю про за границу (там мафия, в тот круг с мылом не протолкнешься), а просто... у хорошего синего моря им по плану пожить охота. К директорам таких картин как-то тянет, как-то они тебе ближе и дороже, и они всегда умнее других... для тебя. Объясню, почему: помыться в море всем охота.

Но иногда — чудеса. Обсуждаем мы как-то, где искать тайгу для фильма «Командант... скажем... тайги». Оператор говорит: «Где-то... где-то... стойте... я видел где-то... хорошую тайгу видел... сейчас вспомню... в Пицунде! В Пицунде я видел очень хорошую тайгу». — «Точно, Иван, в Пицунде... Там сосны... Во! Корабельные... реликтовые... государством охраняются... лучшей тайги не найдем, и говорить нечего».

Другой раз ищем по карте, где снимать на пленку «Директор... скажем так... Чукотки». — «Где... где... — морщит лоб художник. — Где-то я видел... дай бог памяти... замечательную Чукотку где-то видел... в Ялте!» Оператор: «В Юрмале! В Юрмале Чукотка краше!» Режиссер: «В Ялту!» Директор: «В Боржоми... я, в Боржоми... мы, наша Чукотка в Боржоми». Режиссер бьет банк: «Ялта... Лучшая Чукотка для всех Ялта, чеховская Ялта. И объяснять не хочу, почему».

Но в экспедиции администратору даже и в Ялте не шибко сладко. Все в море, ты дуй в Симферополь, встречай артистов. Не-на-ви-жу! Кого в кино ненавижу — артистов. Все спят или чего хуже делают — в ресторане, скажем, музыкой наслаждаются, да, а ты не наслаждайся, жди по ночам артистов в аэропорту. Не-на-ви-жу! Им ведь каждому отдельный номер подавай в гостинице, а нет... каждый грозит: «Уеду, тут же уеду обратно». Ну для чего, скажите, каждому, ему или ей, отдельный номер? Ну зачем? Для каких особенных трудов? Подумайте. Нет, вредный артисты народ, вредный, но смешной. Я бы им за их привередливость доплачивал бы крупно, чтоб они нам роли в кино не портити своей вредностью природной. Отслонявил бы каждому по лишнему сгольнику: «На, бери, только не вредничай. Не вредничай, тебе говорят, играй хорошо, хорошо играй, только не вредничай, кому говорят?! Нет, плохо играет, вредничает. А отдельный номер требует. Ну почему все артисты хотят, видите ли, хорошо и отдельно жить? Они ж за художников себя выдают. А художник карманом нищий должен быть, а духом густ невпроворот. Администратор—наоборот. Шучу, шучу. Шутка.

Но и смешной народ артисты. Ах, смешной! Знал я одного. Кто-то сказал ему, что батька Махно и он — «одна лица». Загримировали

под батьку для групповой фотографии анархистов, сняли фото и отпустили. И надо ж, заклинило мужика. На Несторе Махно заклинило. В буквальном смысле. Объясню, почему. Отрастил себе патлы до плеч, засалил их чем-то, по году не мылся, завшиветь хотел, по-видимому, для образа. Потом охромел. Костыль сунул под мышку. Идет по коридору, дико озирается, потом р-р-раз... так на костыле развернется и в обратную сторону чешет... И на тебя с вертящимся глазом прет... с дороги не свернет. И сверлит тебя, и буравит, и зубами скрежещет на всю студию. Он в рот шины кусок специально для скрипу засовывал. Как-то мы о Горьком... Алексее Максимовиче картину запустили. И какой-то чудака, мягко выражаясь, вроде меня, сказал, что он очень на молодого Пешкова смахивает. Не поверите! За сутки человек фазу сменил. Окать стал, постригся, помылся, каблуки вздернул, костыль бросил, папку взял и всех батеньками обзывать начал. Кем он сейчас интересно, прикидывается? Аркашки все они... Аркашки... Господи! Чайники! Снимали мы «Преступление и наказание» как-то. Есть такая книга настольная у Достоевского Федора Михайловича. Работа эта интересная у него считается. Объясню, почему. На детали объясню. Помните муху в стекле? В гробе-камерке Раскольникова бессильно бьющаяся, зудящая в окне муха в жару... простая муха, и больше ничего. Помните? Гениальная аналогия с героем. Ну, мастер... чего там. А снимали зимой. В павильоне. А муху где взять зимой? В Москве... а? А режиссер требует, вынь да положишь ему муху на стол... Художник, сами понимаете, фантазия кипит... Без мухи уже жить не может. Меня директор вызывает:

— Обеспечить кадр. Достань ему мух... Голов пятнадцать... для дублей чтоб!

— Где же я их достану, они ж вымерли?

— Не знаю... Где хочешь... Два часа думай, потом доложишь!

Через две минуты я разрубил этот морской узел.

— Илья Аронич! — говорю, — нашел... знаю, где они есть... только в одном месте!

— Где?

— В Евпатории!

— Точно?

— Командируйте!

— Немедленно!! С тобой полечу, чтоб наловить ему на всю оставшуюся жизнь.

А что делать?! Кино делать надо! Берем подотчет, берем много, чтоб хватило... и... и залетные! К морю, родные, за мухами! Первым классом, с белым вином, черной икрой, как люди!..

Прилетаем, он себе — люкс трехкомнатный, мне — камеру одноместную. Я на базарчик сбегал, холодильничек ему заправил всякой травкой-муравкой, чтоб у шефа голова ни о чем не болела. С утра у нас бассейн с морской водичкой подогретой, сами понимаете... Завтрак (а я уже две-три мушки словил) в номере с шампанским, кальмарами... Ужин, сами понимаете, в коллективе нежно-душистом. Днем шеф в бассейне барахтается, я мух ловлю и в спичечную коробку складываю. Дырочки проделал, чтоб дышали, сахару засыпал, чтоб не сдохли до Москвы с голоду... По всей Евпатории я за ними не гонялся, не дурак.

Я в номере у себя сахару набросал везде, по столу варенье размазал и убирать запретил. Но в основном я около дежурной Любочки за ними охотился, для смеху. Одну даже с носу у нее снял, да так ловко, что Любочку не разбудил. «Ой, — говорит, — что-то вы делаете?» — «Мух, — говорю, — ловлю, Любончик-пончик! Спи, спи, дорогая. Задание, — говорю, — у меня такое производственное... Меня коллектив ждет, не работает. Мы «Преступление с наказанием» совмещаем...» А сам вторую р... р... раз с правой груди у нее.

— Ой, — говорит, — целый день вы их ловите.

- Ночью не буду... ночью не буду... А завтра по мухам опять.
- А завтра я не работаю.
- Ну, так послезавтра.
- А послезавтра я вам своих принесу из дома... можно?..
- Можно, Люба, можно.

А из Москвы — звонки: «Наловили? Поймали?» Директор: «Кое-что поймали... и хороших... но их не хватит, боюсь, на дубли...» У меня полная коробочка, вторую начал. Но тут деньги кончились у шефа. Полетели назад. Мушки мои за пазухой, в тепле, сахар гложут, нормалек!

Нас встречают чуть ли не с музыкой. Ну, что там — герои, охотники за змеями... Миклухи-Маклан... аборигены евпаторийские.

Камеру поставили, свет полный, тишина гробовая. «Высаживай муху свою», — командует режиссер. «Не тут-то было, — говорю, — она ж не дура. Она ж улетит. Вы, — говорю, — сначала медом стекло смажьте, потом я вам дам муху. Они у меня на глюкозе неделю воспитывались». Режиссер... фантазия... ух... кипит! «Разведите, — говорит, — рафинаду... промажьте стекло!» Промазали. «Сажай муху на стекло!» Я коробочку открыл. Мои насекомые роem вверх как ринулись одна за другой сплошным десантом и исчезли во мгле. Объясню, почему. В павильоне ж наверху-то, на лесах-то, там же фонари, там свет, там тепло, как в Евпатории. Минут пять группа стояла, головы задрав, в сплошной анемии. Как у «Ревизора» в немой сцене, помните? Тоже деталь гениальная.

Первым очнулся директор. «У него, — говорит, — еще одна коробочка за пазухой есть». А режиссер: «Поздно, Рита, ты полюбила вора!» И зло так сплюнул по касательной, чуть в меня не попал. «Где художник? — орет. — Рисуй муху быстро». Художник... а у него ж тоже фантазия вздрючена, кисть в сажу и, как с шашкой, к окну... приступил. «Где прикажете писать насекомое?» — «В нижнем правом...» — «Ввожу, — говорит, — шершавого... стерильно... нетоксично... опирогенно...» И с размаху... бах... кистью в правый нижний... Муха получилась лучше не придумаешь, да лучше и не надо, живее всех моих пятидесяти шести сбежавших, улетевших к свету, к фонарям.

Сняли кадр. Да еще как сняли!

Вот что значит искусство. В настоящем искусстве правда бывает жизненнее самой жизни... Это не я придумал. Но что он имел в виду, хотел бы я знать, когда сплюнул и сказал: «Поздно, Рита, ты полюбила вора!» Это что? Слова из песни или поговорка такая есть? Не знает? Кто узнает, пришлите ответ, пожалуйста, по адресу: г. Москва, театр на Таганке, Валерию Золотухину.

Лидия МУРАВИНСКАЯ

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

ОТ АВТОРА

Эта задача представлялась очень заманчивой, но невозможной: проследить в хронологическом порядке за феноменом непрекращавшейся творческой работы человека, похожего на многих и одновременно удивлявшего непохожестью ни на кого, воспроизвести уже пронесшийся поток, бывший жизнью Василия Макаровича Шукшина.

По мере того как собирались материалы, мысль о невозможности стала исчезать, необходимость же показать жизнь и творчество Шукшина в их фактографическом и хронологическом развитии, привести в последовательную временную систему то слово о Шукшине, которое создано и напечатано сегодня его современниками — близкими людьми, друзьями, почитателями, исследователями, — становилась все более очевидной и заставляла прочитывать жизнь Шукшина по его статьям, интервью, беседам, обращаться к воспоминаниям о нем, к исследованиям, комментариям, научно-методическим и библиографическим трудом Л. Н. Федосеевой-Шукиной, Л. А. Аннинского, В. И. Коробова, Г. А. Горышина, Сергея Бондарчука, Леонида Куравлева, Георгия Буркова, наших земляков В. Горна, Б. Юдалевича и других.

Переписка и встречи с исследователями и пропагандистами жизни, личности, творчества Шукшина — Е. С. Лимарь из Москвы, Н. И. Стопченко из Новосибирска, А. Г. Свешниковым из Саратова, Т. И. Вараксиной из Барнаула — стали как нравственной поддержкой, так и ориентиром в поисках нужных фактов и сведений.

Никогда не изгладятся из моей памяти встречи с матерью Василия Макаровича — Марией Сергеевной.

Несравненно труднее было приступать к решению поставленной задачи без библиографических указателей, составленных сотрудниками Алтайской краевой библиотеки.

Тот вариант «Хроники...», который предлагается вниманию читателей, конечно, еще далек от исчерпывающей полноты, и, возможно, по самим законам времени и жизни, этой полноты достигнут уже другие авторы, но я надеюсь, что сделанное мною сегодня будет способствовать дальнейшему пониманию замыслов и свершений рабочих будней и «праздников души», идейно-нравственных исканий и открытий Василия Шукшина.

Вечен великий народ, и он вечно будет выводить вперед своих мыслителей, страдальцев, заступников, творцов.

В. Шукшин

1929

Василий Макарович Шукшин родился 25 июля в селе Сростки Бийского района Алтайского края.

«Сотрудник Алтайского краевого Госархива В. Гришаев дарно и пристально изучает жизнь и творчество Василия Макаровича Шукшина. Недавно он разыскал новые сведения о корнях рода Шукшиных...

По документам Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1916—1917 годов явствует, что прадед Шукшина по отцу приехал в Сростки из Самарской губернии в 1867 году. Туда же переселился и дед Шукшина по матери. Ко дню переписи Макару Шукшину — отцу будущего писателя, актера и режиссера — исполнилось 4 года, Марии Поповой — матери Василия Макаровича — было 8 лет...» (Явинский В. Кто были предки Шукшина. Советская культура, 1979, 28 сентября.)

У прадеда Шукшина Павла Павловича, крестьянина, было три сына и четыре дочери. Леонтий Павлович Шукшин — дед Шукшина — родился в 1882 году. Отец Шукшина — Макар Леонтьевич — 1913 года рождения. Мать Шукшина — Мария Сергеевна — была седьмым ребенком в семье крестьянина Сергея Федоровича Попова. Она родилась в 1909 году.

Эти данные основаны на материалах Алтайского краеведческого музея. Однако нельзя не обратить внимания на то, что сам В. Шукшин в автобиографии, написанной им 20 июня 1954 года, называет годы рождения своих родителей 1910 и 1911. К тем же датам возвращается Шукшин в «документальной поэме» «Вот моя деревня»: «...А вот моя мать... Дважды была замужем, дважды оставалась вдовой. Первый раз овдовела в 22 года, второй раз в 31 год, в 1942 году. Много сил, собственно, всю жизнь, отдала детям...» (Шукшин В. Вопросы самому себе. — М.: Мол. гвардия, 1981. Составители и авторы комментариев Л. Н. Федосеева-Шукшина и Л. А. Аннинский, с. 76—77. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут оформляться сокращенно: Шукшин В. Вопросы..., с...)

«Больше всего в родной избе я любил полати. Не печку даже (хотя печку тоже очень любил), а полати. Теперь.., оглядываясь мысленно по стране (которую, по-моему, неплохо знаю), я вижу Алтай — как если бы это мои родные полати из детства, особый, в высшей степени дорогой мир. Может, это потому (возвышение-то чудится), что село мое — на возвышении, в предгорье, а может, потому это, что с полатами я связана неповторимая пора жизни...

И какая-то огромная мощь чудится мне там на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, врачуют душу». (Шукшин В. Вопросы..., с. 66—70.)

1930

Макар Леонтьевич и Мария Сергеевна стали колхозниками.

1931

17 ноября у Макара Леонтьевича и Марии Сергеевны родилась дочь Наталья. В настоящее время Наталья Макаровна Шукшина (Зиновьева) живет и работает в городе Бийске Алтайского края.

1933

«В 1933 году отец арестован органами ОГПУ. Дальнейшую его судьбу не знаю. В 1956 году он посмертно полностью реабилитирован». (Из автобиографии Шукшина, написанной им в 1966 году.)

1936

Василий пошел в школу в селе Сростки. В школьном журнале был записан по фамилии матери — Попов. Так же звали и «на улице» — Васька Попов.

Родители В. М. Шукшина — Макар Леонтьевич и Мария Сергеевна.

Друзья детства Василия Шукшина: его троюродный брат Иван Петрович Попов, теперь художник, живет и работает в Новосибирске; Надежда Алексеевна Ядыкина — теперь завуч Сростинской средней школы; Сергей Васильевич Валиков, Любовь Байкалова и многие другие нынешние жители села Сростки и города Бийска.

Зимой 1977 года студенты факультета русского языка и литературы Бийского пединститута В. Волков и В. Тюрин поехали в Сростки для записи воспоминаний о В. Шукшине его земляков. Итогом их поездки явилась статья в газете «Молодежь Алтая» — «Будут у меня, мама, пятерки» (1977, 20 июля). Приведу здесь некоторые отрывки из их записей, так как статья напечатана в сокращенном виде.

«Вообще-то его фамилия Шукшин... Во всяком случае, в деревне все их так звали... Из деревни Василий уезжал Шукшиным...

Василий играл на гармошке, была у него старая русская гармошка, не с кнопочными клавишами, а продольными, как у аккордеона...

Вася сделал любопытное приспособление для ночного чтения. Он взял маленький пузырек, вырезал из картошки небольшой пластик, просунул в него фитилек и таким образом получилось что-то вроде лампадки. Этой лампадкой он и пользовался, читая книги... Однажды Вася чуть не поплатился за такое чтение. Зачитавшись допоздна, он не заметил, как заснул. Спали дома и все остальные. Вдруг, почувствовав, что ей трудно дышать, проснулась мать и увидела полную избу дыма. Она бросилась к сыну. Вася спал глубоким сном, а рядом с его головой дымился «ночник».

Исследователь жизни и творчества Шукшина В. Гришаев приводит такие воспоминания одного из друзей детства Шукшина:

«Вот здесь начинается хребтик. Гляньте. ...Вниз, к Федуловке, круто уходил узкий, одному человеку еле поместиться, глинистый, скудно поросший травой хребтик с обрывистыми, изрытыми водой и ветром скатами.

— Здесь мы в детстве проводили испытание мужества. Надо было спуститься донизу и снова подняться... а сорвешься — метров тридцать лететь надо...

— И Василий лазал?

— Конечно...» (Гришаев В. Любовь любовью отзовется. Алтай, 1976, 4.)

1939—1940

Отчим Шукшина Павел Николаевич Куксин принял решение переехать с семьей в город Бийск. Наталья Макаровна называет адрес: переулок Смоленский, 15, в За-

реченской части города. Здесь же, в Заречье, Василий учился в школе, расположенной на углу улицы Горького и Катунского переулка. В настоящее время здание снесено в связи со строительством моста через Бию.

«С этого города началось мое знакомство с большой жизнью. Меня привезли сюда родители десятилетним мальчиком, и это было первое открытие мира для меня. Если раньше для меня жизнь с ее масштабами заканчивалась за селом, теперь я увидел — не так все просто...»

«Нелегко сразу сказать, какую роль сыграл в моей жизни этот город. Поначалу он напугал меня. Очень уж много людей... Вот прошел я первый раз по скрипучему, качающемуся, с легким провесом наплавному мосту... Это было первое чудо, какое я видел.

Понемногу я стал открывать другие чудеса...» («И далеко раздвигался горизонт». Беседа с В. М. Шукшиным. Вступление и запись беседы Ф. Клиндухова. «Алтайская правда», 1975, 13 марта.)

1941

Павел Николаевич решает увезти семью опять в Сростки.

1942

Отчим В. Шукшина — Павел Николаевич Куксин — ушел на фронт. Погиб, защищая Родину.

«Вот и поехал осенью Вася Шукшин к дяде Павлу, крестному, в Онгудай — это вверх по Чуйскому тракту, к горам, километров триста. Пошел учиться на бухгалтера, перенимать профессию у крестного. Ничего из этой попытки не получилось...» (Коробов В. Василий Шукшин. Творчество. Личность. — М.: «Советская Россия», 1977. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут обозначаться сокращенно: Коробов В., с...)

«Так у меня случилось, что лет с двенадцати мне стали помогать выбирать, что читать. Сперва это была ленинградская учительница, которая в войну оказалась в нашей деревне, преподавала в школе...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 92.)

Бывший сростинский киномеханик А. Куксин называет фамилию учительницы: Писаревская. В книге Коробова напечатано: Титаревская. В статье В. Гришаева приводятся слова Натальи Макаровны: «В войну работала у нас в Сростках эвакуированная из Ленинграда Тесаревская Анна Павловна, географичка, наша любимая учительница». (Алтай, 1976, 4, с. 66.) Сростинцы называют также учителя Полунина, помогавшего Марии Сергеевне руколодить чтением сына.

1943

Василий Шукшин окончил семилетку в селе Сростки. Поступил в Бийский автомобильный техникум. В настоящее время техникума этого в Бийске нет. В те годы техникум размещался в поселке Боровой, пригороде Бийска.

1945

Василий принят в колхоз в селе Сростки.

1946

Не закончив техникума, Шукшин покинул родное село.

«Мне шел семнадцатый год, когда я ранним утром, по весне, уходил из дома. Мне хотелось разбежаться и прокатиться на ногах по гладкому, светлому, как стеклышко, льду, а надо было уходить в огромную неведомую жизнь, где ни одного человека родного или просто знакомого. Было грустно и немножко страшно. Мать проводила меня за село, села на землю и заплакала. Я понимал, ей больно и тоже страшно, но еще больней, видно, смотреть на голодных детей. Еще там оставалась сестра, она маленькая. А я мог уйти и ушел». (Шукшин В. Вопросы..., с. 28.)

1947

Шукшин поступил на работу в трест «Союзпроммеханизация» (Москонтора) и был направлен в город Калугу на турбинный завод. Работал здесь слесарем-такелажником.

1948

От той же организации направлен в город Владимир, где работает на тракторном заводе имени Жданова.

«В 1948 году я... был направлен учиться в авиационное училище в Тамбовской области. Все мои документы повез сам. И потерял их дорогой. В училище явиться не посмел и во Владимир тоже не вернулся — там, в военкомате, были добрые люди, и мне было больно огорчить их, что я такая «шляпа». Вообще, за свою жизнь встречал ужасно много добрых людей.

И еще раз из-под Москвы посылали меня в военное училище, в автомобильное, в Рязань. Тут провалился на экзаменах. По математике». (Шукшин В. Вопросы..., с. 97.)

1949

С апреля по октябрь Шукшин — строительный рабочий Головного ремонтно-восстановительного поезда № 5. На станции Щербинка Московско-Курской железной дороги Шукшин участвует в строительстве электростанции, на станции Галицино Белорусской железной дороги — в строительстве железнодорожного моста.

29 октября Ленинским райвоенкоматом Московской области призван на срочную службу в Военно-Морской Флот СССР. Начал служить на Балтийском флоте.

1950—1952

В. Шукшин переведен с Балтийского флота на Черноморский. Военское звание — старший матрос, военная специальность — радист. Во время службы Шукшин посещал Севастопольскую морскую библиотеку.

Николай Филиппович Шмаков, бывший командир отделения, ныне работающий в Севастополе на почтамте, рассказывает: «В июне (или, быть может, в мае) 1950 года к нам прибыла группа молодых матросов, окончивших радиокурсы. Два или три матроса были зачислены в мое отделение, среди них — Шукшин. Он сразу обратил на себя внимание своей серьезностью, зрелостью, обостренной ответственностью за выполнение воинского долга. Был исполнитель, трудолюбив, работал молча, сосредоточенно. Несмотря на отсутствие большого опыта, нес радиовахты наравне с лучшими специалистами. Не удивительно, что вскоре он повысил классность, его назначили на должность старшего радиотелеграфиста.

Выделялся он среди сослуживцев и характером. В общении с товарищами был краток, пустословия не любил, но суждения его имели авторитет...» (Цит. по статье Мих. Лезинского «Старший матрос Василий Шукшин». «Бийский рабочий», 1979, 16 июня.)

1955

Решением медицинской комиссии Главного военно-морского госпиталя Черноморского флота (в Севастополе) Шукшин был досрочно демобилизован с язвенной болезнью желудка. Вернулся в село Сrostки. Сдал экзамены на аттестат зрелости экстерном в Сrostинской средней школе № 32.

«Во все времена много читал. Решил, что смогу, пожалуй, сдать экстерном экзамен на аттестат зрелости. Сдал. Считаю это своим маленьким подвигом — аттестат. Такого напряжения сил я больше никогда не испытывал». (Шукшин В. Вопросы..., с. 97.)

После получения аттестата Шукшин преподает русский язык, литературу и историю в Сrostинской школе сельской молодежи, исполняет обязанности директора этой школы.

«Одно время я был учителем сельской школы для взрослых. Учителем я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня наработавшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное, интересное и интересно (я преподавал русский язык и литературу). Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее, хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье». (Шукшин В. Вопросы..., с. 45.)

«Шукшин вернулся после службы на Алтай. Видимо, правда заключается в том, что уже в то время он был токим неопределенной мощной внутренней силой. Сила эта, накапливаясь, требовала самовыражения». (Бочаров Г. Если говорить о Шукшине. Комсомольская правда, 1971, 24 ноября.)

1954

В мае Шукшин принят кандидатом в члены КПСС. Кандидатскую карточку вручал Шукшину первый секретарь Сrostинского райкома Федор Иванович Доровских. Рекомендацию дала Снегирева Мария Михайловна, завотделом пропаганды Сrostинского райкома.

С июня 1954 года Шукшин в Москве.

«Меня спрашивают, как это случилось, что я, деревенский парень, вдруг все бросил и уехал в Москву, в Литературный институт (правда, тут меня, понятное дело, не приняли — за душой не было ни одной написанной строки: поступил на режиссерский факультет ВГИКа, в мастерскую М. И. Ромма).

Сама потребность взяться за перо лежит, думается, в душе растрепанной...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 209.)

Сдав вступительные экзамены во Всесоюзный государственный институт кинематографии, Шукшин зачислен студентом режиссерского отделения 25 августа 1954 года. (Приказ № 200 за подписью директора института Головни.)

«Был 1954 год. Шли вступительные экзамены во ВГИК. Подготовка моя оставляла желать лучшего, специальной эрудицией я не блистал и всем своим видом вызывал недоумение приемной комиссии. Насколько теперь понимаю, спасла меня письменная работа¹, которую задали до встречи с мастером. «Опишите, пожалуйста, что делается в коридорах ВГИКа в эти дни» — так приблизительно она называлась...

Потом произошло знакомство с Михаилом Ильичем Роммом... посмотрели на меня глаза удивительно добрые.

Ужас экзамена вылился для меня в очень человеческий и искренний разговор. Вся судьба моя тут, в этом разговоре, наверное, и решилась...

В мастерской Ромма мы учились не только режиссуре. Михаил Ильич требовал, чтобы мы сами пробовали писать...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 151, 152.)

«...Жена Михаила Ильича Ромма, Елена Александровна, говорила мне о стараниях Ромма сориентировать ученика его мастерской Шукшина в непростом городском быте, в сложном мире книг и знаний об искусстве. Михаил Ильич действительно составлял для Шукшина списки книг, работ, которые необходимо прочитать...

—...Так вот, если говорить о Шукшине, — сказал С. Герасимов, — то я думаю, что сама его натура остается наиболее существенной стороной его наследия...

...На приемных экзаменах во ВГИКе, где я с 1944 года работаю по сей день, Шукшин произвел на меня неизгладимое впечатление. Прежде всего тем, что напомнил мне всем своим обликом молодого Фадеева... Даже одежда была та же. Гимнастерка, перетянутая ремнем, галифе... Он был уже коммунист в те годы... И на собраниях его выступления были остры, интересны и по-партийному честны». (Бочаров Г. Если говорить о Шукшине. Комсомольская правда, 1974, 24 ноября.)

«Он учился во ВГИКе не в моей мастерской, а в соседней — у М. И. Ромма, но был постоянным гостем нашей мастерской. Таким образом, для меня Шукшин человек более чем близкий. Он скорее всего человек родной». (Герасимов С. Правда жизни. Советская культура, 1974, 9 апреля.)

1955

В. Шукшин принят в члены Коммунистической партии Советского Союза.

«Я не политик, легко могу запутаться в сложных вопросах, но как рядовой член партии коммунистов СССР я верю, что принадлежу к партии деятельной и справедливой, а как художник я не могу обманывать свой народ — показывать жизнь только счастливой, например. Правда

¹ Текст письменной работы опубликован в книгах «Нравственность есть Правда» и «Вопросы самому себе».

бывает и горькой. Если я ее буду скрывать, буду твердить, что все хорошо, все прекрасно, то в конце концов и я партию свою подведу...

Я б хотел помогать партии». (Шукшин В. Нравственность есть Правда. См. одноименную книгу, с. 80.)

В 1955 году о Шукшине впервые говорится в центральной печати: в журнале «Советский воин», № 10 помещена подборка материалов о недавних военнослужащих, ставших студентами института кинематографии. В заметке «Решил стать кинорежиссером» рассказывалось о том, что сценический талант Шукшина проявился во флотской самодеятельности. Он декламировал, пел, играл в одноактной пьесе главную роль, руководил драмколлективом.

В этом же году вышла замуж сестра Наталья за Александра Михайловича Зиновьева. Шукшин присутствовал на свадьбе в селе Сrostки.

1956—1957

Шукшин снимался в эпизодической роли в фильме «Тихий Дон». Из-за плетня выглядывает молодой матрос... В матроса выстрелили, он упал, попытался встать...

Во время учебы во ВГИКе Шукшин начинает роман «Любовники».

Шукшин приехал на режиссерскую практику в Одессу. Снимался в главной роли в фильме М. Хуциева и В. Савченко «Два Федора».

«... главную роль отдал Шукшину, потому что почувствовал его индивидуальность, которая была выражена и лицом, и голосом, и жестом». (Из выступления М. Хуциева на вечере памяти Шукшина в Доме кино 26 марта 1976 года.)

В процессе работы над фильмом М. Хуциев ездил в Киев, сюда к нему приезжал Шукшин. Для выяснения недоразумений, возникших между группой Хуциева и другой съемочной группой, Шукшин ездил в Москву, вернулся, продолжалась напряженная работа.

«Белый днепровский песок в Кременчуге, редкие минуты отдыха... ..в длинные осенние вечера, когда в Одессе особенно уныло и уютно, но, он приходил в мою комнагу в студийной гостинице...

Незаметно, как-то не специально он начинал рассказывать... (Хуциев М. Крупный план. — В кн.: О Шукшине. Экран и жизнь. — М.: Искусство, 1979, с. 319—320. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут оформляться сокращенно: О Шукшине..., с...)

Так получилось, что, когда отец снимал свою картину «Два Федора» мы примерно около года прожили в Одессе...

Он (Шукшин — Л. М.) заходил к нам часто, несколько раз на день... Я считал, что он ходит ко мне, и все приставал к нему, чтобы он рассказал про море, про моряков...

Помню один его рассказ.

Однажды стало ему плохо на палубе. То ли приступ аппендицита, то ли язва. Было это в шторм. И врач велел везти его срочно на берег. Он показывал рукой, как поднимали волны шлюпку, как прыгал вдалеке берег...

А боль — прямо на крик кричал: «Ребята, ребята, доведите!» Стыдно плачу, а не могу, кричу. А они гребут. Не смотря на меня, гребут. Довезли». (Хуциев И. В кн.: О Шукшине..., с. 322.)

В августе в журнале «Смена», № 15, напечатан рассказ «Двое в телеге». Это первая публикация Шукшина в центральной печати.

1959

Январь. В журнале «Советский экран», № 1, опубликован отчет об обсуждении кинофильма «Два Федора».

«Это было в 1959 году, когда одновременно с моей картиной «Судьба человека» демонстрировался фильм Марлена Хуциева «Два Федора», где Шукшин играл роль Федора-старшего. Его лицо выделялось среди привычных лиц экранных героев. Оно поражало необыкновенной подлинностью. Словно это был вовсе не актер, а человек, которого встретили на улице и пригласили сниматься...

Меня, в ту пору уже достаточно опытного актера, Шукшин заинтересовал...» (Бондарчук С. Первородство. Лит. Россия, 1977, 10 апреля, с. 10.)

«В 1959 году мы были заняты в картине «Простая история»: я играл роль секретаря райкома, он — одного из деревенских парней, ухажера председателя колхоза — героини Нонны Мордюковой..»

Снимали в одном из подмосковных сел, дело было зимой, во время школьных каникул. Нас поселили в здании школы..»

В свободное время я в основном ходил на лыжах, а Шукшин оставался в классе. Иногда лежал, закинув руки за голову, думал. Иногда сидел на кровати, поджав ноги, положив на колени школьную тетрадку, все что-то строчил, закрывшись от посторонних». (Ульянов М. Сын родной земли. — В кн: О Шукшине..., с. 309—310.)

В фильме «Простая история» Б. Метальникова и Ю. Егорова, вышедшем на экраны в 1961 году, Шукшин играл роль Ивана Лыкова.

1960

Вышел на экраны фильм Ильи Гурина «Золотой эшелон», где Шукшин снялся в роли большевика-подпольщика Андрея Низовцева. На съемках Шукшин встретился и подружился со своим земляком — актером Алексеем Ванниным.

«В один из непогожих осенних дней 1960 года в небольшую комнату отдела прозы при журнале «Октябрь» вошел человек среднего роста, неказисто одетый. Его привел в редакцию студент Литературного института Л. Корнюшин..»

Шукшин исподлобья, с каким-то мрачным недоверием посмотрел на меня, неохотно вытащил из кармана свернутую в трубку рукопись и протянул мне..»

...Рассказы Шукшина сразу захватили меня... Я показала рассказы члену редколлегии журнала «Октябрь» Александру Михайловичу Дроздову..»

Рассказы Шукшина обсуждались на редколлегии журнала «Октябрь». Мнения о них не были единодушны. В конце концов было решено: рассказы Шукшина с автором доработать и опубликовать..»

Вскоре мы очень подружились с Васей. Он стал часто приходить к нам, как говорил, «просто так, посидеть».

...Любил вечера, когда мы все после работы собирались дома, читали что-нибудь или рассказывали.. Он любил песни. Пел разные, больше сибирские...» (Румянцева О. Говорить правду, только правду. — В кн.: О Шукшине..., с. 266.)

Шукшин защищает режиссерский диплом. Это фильм «Из Лебяжьего сообщают» по собственному сценарию. Действие фильма происходит в одном из сел Алтайского края. В фильме есть и актерская работа Шукшина — роль инструктора райкома Петра Ивлева. Снимался фильм в окрестностях Волоколамска. В главной роли — механизатора Громова — Леонид Куравлев.

«Сене Громову я навек благодарен за то, что он познакомил меня с Василием Шукшиным...» (Куравлев Л. Неожиданный вариант. Советская культура, 1979, 24 июля.)

«Летом 1960 года мне позвонила ассистент режиссера и пригласила приехать на «Мосфильм» в киностудию «Из Лебяжьего сообщают». Вот тогда-то я впервые сказал Василию Макаровичу Шукшину «здрсте», войдя в его кабинет..»

Парадоксально, что, будучи по натуре своей общительным, на первый взгляд, производил впечатление человека нелюдимого. Однако причина проста: он был до болезненности стеснительным человеком». (Куравлев Л. Таким его знал. Советская Россия, 1979, 4 марта.)

«Первые я увидел Шукшина в Барнауле в году в 60-м. Он привез показать землякам свою первую картину. Короткометражка не произвела особого впечатления, запомнился только парень-механизатор, которого мастерски сыграл малоизвестный артист Куравлев. Восторгов, повторю, не было, и Шукшин задумчиво и даже как будто мрачновато смотрел на нас, первых зрителей. Таким и запомнился. А сейчас мне думается: хоть и считался он уже тогда москвичом, а знал об Алтае и его людях больше, чем мы...» (Явинский В. Сибиряк по корням своим. Алтайская правда, 1976, 25 июля.)

1961

«Мое интуитивное ощущение, что Степан Разин как-то по-особенному дорог Шукшину, неожиданно получило подтверждение.

Был один из первых дней нового 1961 года... Настроение у всех было в этот вечер еще новогоднее: шутили, смеялись, потом стали читать стихи... Попросили почитать и Васю...

...Вася сел на краешек дивана и стал читать. Все увлеченно слушали его... И вдруг меня осенило: ведь это его стихи, он свои читает!..

В стихах говорилось о казацкой вольности, смелой удали, о бунте против тирании, против царя...» (Румянцева О. Говорить правду, только правду. — В кн.: О Шукшине..., с. 268.)

26 марта в газете «Труд» опубликован рассказ «Правда». В журнале «Октябрь», № 3, — рассказы «Правда», «Светлые души», «Степкина любовь».

Снимался в фильме Ю. Победоносцева «Мишка, Серега и я» в роли молодого учителя Геннадия Ивановича, а также в фильме Бориса Барнета «Аленка» в роли бывшего моряка, целинника Степки Ревуна.

1962

1 января в газете «Комсомольская правда» опубликован рассказ «Приглашение на два лица».

В журнале «Октябрь», № 1, — рассказ «Экзамен».

В марте в журнале «Молодая гвардия», № 3, опубликованы рассказы «Артист Федор Грай», «Племянник главбуха», «Стенька Разин».

30 апреля в газете «Советская Россия» печатается рассказ «Артист Федор Грай», в газете «Труд» — рассказ «Перед полетом».

В мае журнал «Октябрь» публикует цикл «Сельские жители»: «Коленчатые валы», «Сельские жители», «Леля Селезнева с факультета журналистики».

22 июля в газете «Туркменская искра» напечатан рассказ «Дояр», подготовленный к печати в журнале «Октябрь».

В 1962 году снимался в фильме Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими» в роли председателя колхоза. На съемках фильма снова встретился с Леонидом Куравлевым и впервые — с Ю. Никулиным. Съемки происходили в деревне Мамонтовка под Москвой.

«Мы с ним тогда особенно не сошлись, — рассказал Никулин. — Он мне запомнился нелюдным, хмурым и замкнутым. От первых с ним встреч у многих такое было впечатление. Ну, а потом... Потом у меня было открытие Шукшикина... Тоже, как у многих...» (По статье Бочарова «Если говорить о Шукшине».)

«Летом 1962 года мы снимались в фильме «Когда деревья были большими». Жили вместе на застекленной террасе небольшого домика, где стояли только две железные кровати с пружинными матрасами; даже стола не было. Садясь на кровать, человек утопал в пружинах, колени вздымались высоко вверх. Но как раз это Шукшина и устраивало: в таком не слишком удобном положении он писал, положив на колени книжку, а на нее — тонкую ученическую тетрадь в клетку. В эти минуты он ничего не слышал, никого не замечал. Писал и писал. И очень много читал».

На зорьке рыбачили...» (Куравлев Л. Неожиданный вариант. Советская культура, 1979, 24 июля.)

1963

В издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник рассказов В. Шукшина «Сельские жители».

С 1963 года В. Шукшин — режиссер на студии им. Горького. Он снимает по своему сценарию фильм «Живет такой парень» по мотивам рассказов сборника «Сельские жители». В главной роли — шофера на Чуйском тракте Пашки Колокольникова — снялся Леонид Куравлев. Фильм снимался на Алтае: на Чуйском тракте, в окрестностях сел Ая и Дубровка, в Майме, в Горно-Алтайске. Оператор фильма — Валерий Гинзбург, композитор — Павел Чекалов.

«Таких, как Василий, парней можно было встретить на Чуйском тракте в кабинках грузовиков — я всегда дивился мужеству, силе духа, особому таланту — да, да, именно таланту этих парней, годами едущих краем пропасти через заоблачные перевалы. Я думаю, если бы судьба Василия Шукшина сложилась как-то иначе, то он стал бы шофером на Чуйском тракте...» (Горышин Г. Где-нибудь на Руси, Аврора, 1975, 6.)

«Со студии имени Горького мне прислали сценарий снимающегося

фильма «Живет такой парень» с просьбой сыграть роль журналистки: безукоризненно самоуверенной, дерзко нарядной особы, поражающей героя даже не чужеземностью, а инопланетностью столичного обличья и нрава...

Этот фильм, прелестно живой, добрый и остроумный, стал драгоценной удачей многих актеров, моей же удачей было и осталось видеть, как кропотливо и любовно сообщался с ними режиссер, как мягко и безгневно осуществлял он неизбежную власть над ходом съемок. (Ахмадулина Б. Не забыть. — В кн.: О Шукшине..., с. 363.)

«Отрадное обстоятельство — появление в последние годы большого отряда талантливых молодых кинематографистов. Мы узнали по отличным работам режиссеров Климова и Тарковского, Шукшина и Малсурова, Шепитько и Салтыкова...» (Кулиджанов Л. Некоторые итоги. — В кн.: Экран, 1964. — М.: Искусство, 1965, с. 8.)

«В фильме есть свои слабости... Но при этом вы не можете не заметить удивительно цельной трактовки главного образа, глубокой авторской заинтересованности в нем...

Думаю, что не ошибусь, если предскажу, что мы еще не раз счастливо встретимся с Шукшиным — и на страницах журналов и книг, и в зрительном зале...» (Кузнецов М. Дебют, обещающий многое. — В кн.: Экран, 1964, с. 142.)

В феврале в журнале «Новый мир», № 2, опубликован целый цикл рассказов «Они с Катюни»: «Игнаха приехал», «Одни», «Гринька Машагин», «Классный водитель».

«В феврале 1963 года... рассказы «Они с Катюни». Неброские такие рассказы, но... В них спорили, горевали, радовались, совершали свои обычные повседневные дела до удивительности настоящие люди — шорники, шоферы, просто колхозники с той самой Катюни, что течет в Алтайском крае и впадает в Обь...» (Там же, с. 136.)

1964

Отдельным изданием (М.: Искусство, 1964) вышел киносценарий «Живет такой парень».

Фильм Шукшина «Живет такой парень» демонстрировался на V Международном фестивале фильмов для юношества (во Франции) наряду с фильмами «Молодая гвардия», «Майя Плисецкая» и др., а также на «фестивале фестивалей» в Мексике, где Советский Союз был представлен также фильмами «Живые и мертвые», «Топтыжка» и др.

На состоявшемся в Венеции (Италия) XVI Международном фестивале фильмов для детей Большой приз «Золотой Лев святого Марка» за «лучший во всех отношениях фильм для детей» получил фильм «Живет такой парень». Фильм отмечен также премией на Ленинградском кинофестивале по разделу комедийных фильмов «за жизнерадостность и лиризм». (См. Экран, 1964.)

В феврале в журнале «Искусство кино» опубликован рассказ «Критики».

«Могу указать точную дату, когда прорезался сквозь ровную ткань первых рассказов новый Шукшин... Это произошло в феврале 1964 года на страницах журнала «Искусство кино».

Я имею в виду рассказ «Критики». (Аннинский Л. Путь Василия Шукшина, Неделя, 1976, 12—18 апреля, с. 15.)

5 апреля Шукшин публикует в газете «Московский комсомолец» отрывок из романа «Любовины» — «Баклань». В предисловии говорит о замысле романа: «Сибирь. Глухое полутаежное село в предгорье Алтая. 20-е годы. Люди — охотники и крестьяне. Время действия романа — канун коллективизации. Это предчувствие открытой борьбы, расстановки сил, шатание середняка...

Их пятеро — отец и четыре сына. Тупая, яростная сила, великая жадность и собственнический инстинкт вовлекли их в прямую борьбу задолго до того, как она разгорелась в деревне...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 125.)

В мае в журнале «Искусство кино», № 5, Шукшин поздравлял Марлену Хуциева: «...мне нравится его гражданская совесть, способность его души болеть «за других».

«Вспоминаю, как в мае 1964 года секция критиков театра и кино Московского отделения Союза журналистов СССР решила организовать обсуждение какого-нибудь нового советского фильма в широкой зритель-

ской аудитории. Предполагалось поехать куда-нибудь в область, скажем, в Воронеж. Воронежцы дали согласие на такое обсуждение и предложили провести его на местном заводе синтетического каучука...

В Воронеж поехали Василий Шукшин, оператор картины («Живет такой парень» — Л. М.) Валерий Гинзбург и критик — автор этих строк. Так я познакомился с Шукшиным...

Вскоре в «Правде» появился отчет об этом обсуждении, написанный мною и воронежским корреспондентом газеты Николаем Печерским. (Капралов Г. Борьба за человека никогда не кончается. — В кн.: О Шукшине...)

Летом 1964 года Шукшин снимается в фильме Эдуарда Бочарова по сценарию Н. Дубова «Какое оно, море?» в роли моряка Жорки. Одновременно Шукшин работает над сценарием своего фильма «Ваш сын и брат» (первоначальное название «Дуракам закон не писан», «Братья»).

«Вскоре после выхода фильма «Живет такой парень» Василий Макарович получил предложение сниматься в картине «Какое оно, море?» и уехал в экспедицию в Судак, «выписав» к себе маленьких племянника и племянницу...

Выросший в трудное время военной деревни, Шукшин болезненно переживал, что дети растут, зная о море только по книжкам...

Итак, лето 1964 года. Приехавший из Крыма ассистент оператора передал мне просьбу Василия Макаровича: «Если свободен, хорошо бы приехать в Судак, подумать и поработать над новым сценарием». Как только я приехал, Шукшин буквально с ходу начал рассказывать, но больше читать различные заготовки к сценарию и новые рассказы, записанные в тех же, но только новых тетрадях в коленкоровых переплетах...

Сценарий писался легко, Шукшин был оживлен, часто пел... В один, свободный от съемок день вместе с Лидией Николаевной Федосеевой, будущей женой Василия Макаровича, мы поехали гулять в Новый Свет. Было солнце, море. Было весело, Шукшин был счастлив. Лето заканчивалось преддверием новой работы. (Гинзбург В. Ученическая тетрадь в коленкоровом переплете. — В кн.: О Шукшине..., с. 216—217.)

22 августа в «Литературной газете» опубликован рассказ «И разыгрались же кони в поле...».

В сентябре в журнале «Искусство кино», № 9, опубликовано послесловие Шукшина к фильму «Живет такой парень». В нем Шукшин решительно возражает против понимания Пашки Колокольникова как комедийного персонажа.

Шукшин подал заявку на литературный сценарий фильма «Ваш сын и брат». В заявке он написал: «Фильм должен вовлечь в себя разные стороны жизни, разных людей...».

Сценарий закончен. Может быть представлен 10 ноября», (Шукшин В. Вопросы... с. 53.)

В ноябре в «Новом мире», № 11, опубликованы рассказы «Змеиный яд», «Степка».

В этом же месяце Шукшин принял участие в дискуссии о «малой прозе»; в «Литературной России» 20 ноября опубликовал статью «Как я понимаю рассказ», в котором говорится: «Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа... Дела же человеческие, когда они не выдуманы, вечно в движении, в неуловимом вечном обновлении. И, стало быть, тот рассказ хорош, который чудом сохранил это движение, не умертвил жизни, а как бы «пересади» ее, не повредив, в наше читательское сознание». (Шукшин В. Вопросы..., с. 117)

17 декабря в газете «Водный транспорт» опубликована статья «Приглашение в соавторы».

1965

В апреле Шукшин принял участие в обсуждении фильма М. Хуциева «Мне двадцать лет». Среди материалов обсуждения, опубликованных в журнале «Искусство кино», № 4, статья Шукшина, в которой он не только дает высокую оценку фильму, но и создает своего рода психологический портрет Марлена Хуциева.

В 1965 году Шукшин продолжает работу над сценарием фильма «Ваш сын и брат» и начинает снимать фильм по этому сценарию. Снова работают с Шукшиным

оператор Валерий Гинзбург и композитор Павел Чекалов. В фильме снимаются известные актеры Леонид Куравлев, Всеволод Санаев, Алексей Ванин, начинающая в то время актриса театра мимики и жеста Марта Грахова, молодые актеры Виктор Шахов и Леонид Реутов.

«Весь Горно-Алтайск знает: Шукшин снимает новый фильм. Сегодня сцена «Выход к реке»... Спросили, где идут съемки. И сразу получили многоголосный ответ:

— В Манжероке... База в школе. А снимают в березовой роще. Каждый покажет...

Благодаря фильму «Живет такой парень», Манжерок теперь известен и за пределами нашей страны. Небольшое село, разбросавшее домики между Чуйским трактом и Катунью, вновь стало местом действия героев нашего земляка...» (Явинский В. Фильм снимает Шукшин. Алтайская правда, 1965, 21 августа.)

16 июля в «Литературной России» Шукшин писал о романе «Любавины» в предисловии к помещаемым в этом еженедельнике главам: «Это — первая большая работа: роман. Я подумал, что, может быть, я, крестьянин по роду, сумею рассказать о жизни советского крестьянства, начав свой рассказ где-то от начала двадцатых годов — и дальше».

В журнале «Сибирские огни», № 6, 7, впервые полностью опубликован роман «Любавины». В этом же году роман вышел отдельной книгой также в издательстве «Советский писатель».

13 ноября в газете «Советское кино» опубликованы заметки «Главное звено» (раздумья перед съездом кинематографистов).

«Я видел Шукшина один раз. Было это в Центральном доме литераторов в 1965 году. Шукшин сразу, как только нас познакомили, отвел меня за пустой стол, усадил напротив и стал рассказывать. Рассказывал он о Степане Разине. Я не помню сейчас, что он говорил. Помню, это было страстное излияние человека, который переполнен и которому нужно излиться... Я оценил тогда щедрость Шукшина и его страсть...» (Золотусский И. Совесть, совесть, совесть. Литературная учеба, 1981, 3.)

1966

В 1966 году Шукшин был в служебной командировке в Польше. В этом же году написал ответы на вопросы редакций журнала «Советский экран» о стилистике актерской игры сегодня. Шукшин говорит о необходимости бережного отношения к актеру, к его нравственному состоянию во время съемок, «Стилистика актера, — размышляет также Шукшин, — это его характер, натура, она складывалась когда-то давно, когда он еще под стол пешком ходил. Стилистика — это что он знает о людях, что сберег доброго, умного в сердце, прожив жизнь». (Шукшин В. Вопросы..., с. 131.)

В марте Шукшин подал заявку на литературный сценарий «Конец Разина».

«Почему «Конец Разина»? Он весь тут, Степан: его нечеловеческая сила и трагичность, его отчаяние и непоколебимая убежденность, что «тряхнуть Москву» надо...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 105.)

Весной 1966 года состоялось обсуждение фильма «Ваш сын и брат» среди научных работников города Обнинска. Шукшин присутствовал и выступал на обсуждении.

8 апреля этот же фильм обсуждался в Союзе кинематографистов СССР. Шукшин выразил несогласие со статьями Л. Крячко «Бой за доброту» (Октябрь, 1966, 2) и В. Орлова «Стрела в полете» (Литературная газета, 1966, 10 марта). В указанных статьях авторы фильма обвинялись в апологии «дикой, злой самобытности». Шукшин отвечал: «Важнее всего, наверное, тот конкретный человек, который нам на сегодняшний отрезок времени интересен. А городской он или сельский — нет этого вопроса...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 46.)

7 мая в газете «Советская культура» напечатана статья Шукшина «Как привлечь мастеров» (в телевидение — Л. М.).

Весной 1966 года Шукшин впервые приехал на Дон, предварительно совершив путешествие по Волге от Ульяновска до Астрахани. Он работал в музеях Астрахани, Ростова-на-Дону, Новочеркаска, собирал материал для разинской темы в станице Старочеркасской (бывший город Черкасск).

В июле Шукшин написал ответ на письмо А. Шипулина в одну из центральных газет. Письмо называлось «Требуй, товарищ вуз!». Ответ Шукшина под названием «Я тоже прошел этот путь» впервые напечатан в «Комсомольской правде» 25 июля 1979 г.

29 июля в «Литературной России» опубликован рассказ «Космос, нервная система и шмат сала».

23 октября в газете «Советская Киргизия» — рассказ «Дождь на заре».

«Однажды он целый вечер рассказывал о Разине — это был праздничный вечер 7 ноября 1966 года.

Шукшин пришел к нам вместе с женой Лидией Николаевной Федосевой, которая, как мы знали, деятельно помогала ему собирать материалы о Разине». (Румянцева О. Говорить правду, только правду. — В кн.: О Шукшине..., с. 269.)

В журнале «Молодая гвардия», № 11, 12, напечатана повесть «Там, вдали».

В журнале «Сельская молодежь», № 11, опубликована статья «Вопросы самому себе», она же — в газете «Советская культура», 15 ноября. В статье Шукшин пишет: «Мне кажется, смысл социалистического искусства не в том, чтобы силиться создавать неких идеальных положительных героев (даже в противоположность отрицательным), а находить, обнаруживать положительное — суть качества хорошие, вечные — и подавать это как прекрасное в человеке».

«Шукшин всегда стремился оставаться верным правде жизни. В 1966 году в самый разгар дискуссии о положительном герое в искусстве он писал: «Каким должен быть современный положительный герой? Знают, что он должен быть честным, неглупый, добрый, принципиальный и т. д. Знают больше: у положительного героя могут быть кое-какие и отрицательные стороны, слабости. Вообще о положительном герое знают все, каким он должен быть. И тут, по-моему, кроется ошибка: не надо знать, какой должен быть положительный герой, надо знать, какой он есть в жизни». (Цит. по статье А. Свешникова «Открывать прекрасное в жизни». Заря молодежи¹, 1979, 24 июля.)

25 декабря рассказ «Дождь на заре» напечатан в газете «Казахстанская правда».

В журнале «Сибирские огни», № 12, напечатаны рассказы «Дождь на заре», «Ваня, ты как здесь?!», «Кукушкины слезки».

1967

В этом году Шукшин удостоен Государственной премии имени братьев Васильевых за художественный фильм «Ваш сын и брат». Этой премии удостоены также оператор Гинзбург и актер Санаев.

Шукшин был в служебной командировке в Югославии и на Кубе.

В беседе с корреспондентом газеты «Молодежь Алтая» Вл. Баулиным (опубликована 1 января 1987 года) Шукшин рассказал:

«Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле...

Если позволят здоровье и силы, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина». (Шукшин В. Вопросы..., с. 109—110.)

В этой же беседе Шукшин говорил о замысле второй части романа «Любовины», о трагической судьбе Егора Любовина, оказавшегося в стане врагов — остатков армии барона Унгерна.

Март — апрель. Опубликованы рассказы «Случай в ресторане», «Внутреннее содержание», «Горе». (Москва, 1967, 3.)

Редакцией газеты «Правда» командирован в Алтайский край для работы над статьей о причинах ухода молодежи из села. В селе Сростки по приглашению библиотечкаря Дарьи Ильиничны Фалеевой встречался со своими односельчанами.

¹ Орган Саратовского обкома ВЛКСМ.

В. М. Шукшин с матерью.

По просьбе Бийской студии телевидения принял участие в создании документального фильма о городе Бийске.

«...весенним апрельским утром я приехал к Шукшину в Сrostки. Он принял меня очень хорошо. Держался исключительно просто, по-товарищески. Идея создания фильма о Бийске его заинтересовала. Прочитав сценарий, он согласился взять на себя главную роль в нашей документальной ленте...

Его замечания мы учли и по ним доработали сценарий. Наш фильм с участием В. М. Шукшина вызвал большой интерес телезрителей». (Из воспоминаний Ф. Клиндухова, работавшего в 1967 году главным режиссером Бийской студии телевидения. Одной из его работ был фильм «Наш город» по сценарию Марка Юдалевича.)

17 мая в газете «Советская Россия» опубликован рассказ «Два письма».

В июне в качестве ответа на анкету журнала «Вопросы литературы» опубликовал в 6-м номере этого журнала заметку «Литература и язык».

В сентябре в журнале «Новый мир», № 9, опубликованы рассказы «Как помирал старик», «Чудик», «Раскас». В «Чудике» использована автобиографическая ситуация, изложенная Шукшиным в статье «Только это не будет экономическая статья».

5 декабря в газете «Советская Киргизия» перепечатан «Раскас».

В 1967 году Шукшиным также написана статья «Средства литературы и средства кино». (Впервые опубликована в журнале «Искусство кино», 1979, 7.) Примечательны в статье размышления Шукшина о художественном мастерстве Толстого и Достоевского.

В книге «Библиотека современной молодежной прозы и поэзии» в томе 3-м, вышедшем в 1967 году, напечатаны рассказы «И разыгрались же кони в поле», «Охота жить», «Волки».

1968

Вышел на экраны фильм Сергея Герасимова «Журналист», в котором Шукшин сыграл эпизодическую роль журналиста-международника Корпачева.

«В расчете на определенного актера писались и эпизодические роли — для Жанны Болотовой, для Василия Шукшина, для Тамары Макаровой, ну и, наконец, для самого себя». (Герасимов С. Становление личности. — В сб.: Экран, 1967—1968. — М.: Искусство, 1968, с. 185.)

В 1968 году Шукшин написал статьи «Монолог на лестнице» для сборника «Культура чувств» (Искусство, 1968, составитель В. Толстых) и «Нравственность

есть Правда» для сборника «Искусство нравственное и безнравственное («Искусство», 1969, составитель В. Толстых).

Вышел сборник В. Шукшина «Там, вдали» в издательстве «Советский писатель».

28 апреля Шукшин написал аннотацию к литературному сценарию «Странные люди». В ней говорится: «В будущем фильме странные люди — это должны быть бесконечно добрые люди, талантливые и ничем в жизни не защищенные: ни позой, ни демагогией, ни умением приспособиться. И деятельность сильных и мудрых, мне думается, в значительной степени должна бы охранять в мире эту подлинно человеческую ценность.

Не помню, кто из великих сказал: на надгробьях надо писать не то, кем человек был, а кем он мог быть. Наверно, будет когда-нибудь на земле такое общество, когда гробовые камни будут говорить живым, что там, внизу, лежат те, кто были тем, кем родились быть. Но пока что есть жгучая необходимость кричать и кричать слышавшим, что можно быть лучше, добрее...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 181.)

В мае и июне в журнале «Искусство кино», № 5, 6, опубликован сценарий «Я пришел дать вам волю» («Степан Разин»). Сценарий признан лучшим на втором Всесоюзном конкурсе сценариев.

В журнале «Сельская молодежь», № 5, опубликован рассказ «Здесь».

Летом 1968 года Шукшин начинает режиссерскую работу над своим сценарием «Странные люди». Съемки идут в окрестностях Суздаля и Владимира. На съемках присутствует художник Иван Петрович Попов, создавший впоследствии акварель «Рассвет в Лубенках». Место съемок фильма «Странные люди». (Эта работа Попова, наряду с тремя другими его работами на шукшинскую тему, приобретена Бийским пединститутом.) В работе над фильмом участвуют Евгений Лебедев, Всеволод Санаев, Сергей Никоненко. В фильме снимается трехлетняя Маша Шукшина. На титрах «Странных людей» Шукшин и Фелосеева поют песню «Миленький ты мой...».

«Мне все же думается, что картине «Странные люди» «повезло» меньше других. Во-первых, сценарий претерпел в период съемки большие изменения. Главным образом это коснулось первой новеллы и было связано с продолжительной болезнью (тяжелое воспаление легких) Василия Макаровича и необходимостью завершать работу в Крыму, в Ялте...

...Натура, выбранная вокруг Владимира, настраивала на поэтический лад. Шукшин был постоянно в окружении главных исполнителей — актеров Евгения Лебедева, Всеволода Санаева, Сергея Никоненко. Он все время дописывал сценарий, находя все новые и новые краски». (Гинзбург В. Ученическая тетрадь в коленкоровом переплете. — В кн.: О Шукшине..., с. 220.)

«У него я готова была играть даже самую маленькую роль. С радостью приняла его предложение сыграть роль жены председателя колхоза в новелле «Думы», вошедшей в фильм «Странные люди»...

...Эта новелла представляется мне кинематографическим шедевром, где именно шукшинское выразилось, может быть, с наибольшей полнотой...» (Сазонова Н. В каждом слове судьба человеческая. — В кн.: О Шукшине..., с. 282.)

«На площадке в отличие от многих групп, где я снимался, не действовала неписаная инструкция о том, как надо вести себя при приближении так сказать, мэтра, не существовало границ, отделяющих творческих работников от производственников. Не помню я и разговора о дисциплине: она казалась естественной, как бы закономерным следствием того очевидного обстоятельства, что все заняты делом...

Глядя на Шукшина, можно было подумать, что видишь перед собой электрика, осветителя, вообще — любого работника студии, но только не актера и режиссера...

Уже в то время Шукшин много думал об образе Степана Разина, о его воплощении в кино...» (Лебедев Е. Частица народа. Учительская газета, 1979, 24 июля.)

«...новый фильм, над которым сегодня просиживает дни и ночи Макарыч, обрстая щетиной, так и называется — «Странные люди». (Скоп Ю. В Сибири — добро сибирское. Литературная газета, 1968, 3 июля.)

18 августа в газете «Труд» напечатана заметка «Моя главная тема — красота людей».

Октябрь. Шукшин продолжает работать над разинской темой, переписывает-

ся с заместителем директора Новочеркасского музея истории донского казачества Лидией Андреевной Новак, пишет ей из больницы.

Н о я б р ь. В журнале «Новый мир», № 11, опубликованы рассказы «Из детства Ивана Попова», «Миль пардон, мадам».

1969

Шукшин снялся в фильме Игоря Шатрова «Мужской разговор» в роли Ларионова, отца.

В книге «Зарницы» напечатана статья «Вопросы самому себе».

В 1969 году Шукшин удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР за заслуги в области советской кинематографии.

Шукшиным представлен в сценарный комитет студии «Мосфильм» сценарий фильма «Печки-лавочки».

Для сборника «Мода: за и против» (М.: Искусство, 1970, составитель В. Толстых) работал над статьей по теме сборника. Но статья осталась неоконченной и поэтому в сборнике не была помещена. Впервые напечатана под названием «Мода...» в книге «Нравственность есть Правда».

В 1968 году Шукшин снимался в фильме Сергея Герасимова «У озера» в роли инженера Черных. Эта работа Шукшина удостоена Государственной премии СССР 1971 года.

«Василий Шукшин доказал, что профессия актера в определенном отношении неотделима от литературного дарования...»

...он много вкладывал от себя в каждую роль. Причем понимал ее не столько в пластическом значении, сколько в значении литературном...

Картину «У озера» мы снимали на Байкале, на берегу озера, в лесу. В перерыве между съемками Шукшин садился на пенек и начинал что-то быстро писать в маленькой записной книжке, довольно замызганной. Я однажды спросил: «Что ты там пишешь?» Он ответил, что это рассказы из нашего быта.

Опуская карандаш, он долго смотрел на озеро... Чему-то улыбался, потом писал...» (Герасимов С. Народный художник. — В кн.: О Шукшине, Экран и жизнь. — М.: Искусство, 1979.)

«Сниматься в фильме «У озера» закончил. Осталось еще в Ленинграде в фильме «Любовь Яровая» (комиссар Кошкин) и вот здесь в венгеро-советском «Держись за облака». Тут вовсе мало — эпизод...» Из письма Шукшина к родным. Цит. по книге Коробова, с. 104.)

18 января 1969 года в газете «Советская культура» в записи К. Ляско опубликована беседа с Шукшиным под названием «Насущное как хлеб». В беседе Шукшин сообщил: «Для фильма «Странные люди», над которым мы сейчас работаем, потребовалась деревянная фигурка Стенки Разина. Приехали мы в село Богородское Московской области, где издавна живут резчики по дереву...»

11 октября газетой «Советское кино» опубликовано интервью с Шукшиным «Мне везло на умных и добрых людей».

В «Новом мире», № 10, опубликован цикл рассказов «В селе Чебровка»: «Суд», «Хахаль», «Макар Жеребцов», «Материнское сердце».

«Последний мой разговор с Василием Макаровичем — мой телефонный звонок ему по поводу восхитившего меня «Материнского сердца». Говорю, что вещь просится на экран и что для себя лучшей роли я и представить не могу...» (Сазонова Н. В каждом слове судьба человеческая. — В кн.: О Шукшине..., с. 283.)

Н о я б р ь. Опубликован рассказ «Микроскоп» в журнале «Сельская молодежь», № 11.

1970

В 1970 году Шукшин написал предисловие к одной из книг Василия Белова. Оно впервые опубликовано в книге «Нравственность есть Правда». В предисловии обращает на себя внимание следующее размышление Шукшина: «Непонятные, дикие, странные причины побуждают людей скрывать правду...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 157.)

В этом же году Шукшин снялся в фильме Н. Губенко «Если хочешь быть счастливым» в роли рабочего, у которого берут интервью.

Вышла на экраны киноэпопея «Освобождение», где Шукшин снялся в роли маршала Конева.

«Можно услышать зрительские мнения о том, что В. Шукшин мало похож на маршала Конева или В. Давыдов на маршала Рокоссовского и т. д. Но вряд ли кто-нибудь скажет, что эти актеры не сумели передать основной сути характера советских военачальников...» (Болтин Е. А. Эпопея освобождения. Мысли военного историка. Искусство кино, 1972, 5)

Январь. Начата работа над сценарием фильма о родном селе Сростки. Незавершенный текст сценария впервые опубликован в газете «Комсомольская правда» 7 июня 1979 года под названием «Вот моя деревня».

Летом 1970 года Шукшин продолжает работу над разинской темой. Он встречается со скульптором Коненковым, работавшим над вторым вариантом скульптурной композиции «Степан Разин с дружиной». (Установлена на Донской набережной в Ростове.) Во главе съемочной «разинской» группы Шукшин совершает путешествие по Северу, Волге, Дону.

«Три с лишним месяца путешествует по Северу и югу страны... Вологда, Псков, Кострома... Кирилло-Белозерский, Печорский, Ипатьевский, Феропонтов монастыри... Астрахань, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, берега Дона... И вот творческая группа фильма «Я пришел дать вам волю» («Степан Разин») — в Волгограде. Впрочем, в самом городе застать группу можно разве что глубокой ночью. С рассвета дотемна искаживаются... окрестности Волгограда, берега Волги, близкие и далекие станицы и села сценарист и постановщик фильма Василий Шукшин, оператор А. Заболоцкий, художник П. Пашкевич, директор Г. Шолохов и художник-фотограф В. Кузин...

— Как скоро, Василий Макарович, зрители увидят фильм?

— Не скоро. Работа предстоит сложная, большая, рассчитанная на три года. Одних только костюмов надо сшить семь тысяч. А сколько еще невыясненных вопросов! Сейчас мы пока выбираем натуру, подбираем иконографический материал — старинные рисунки, документы, описательную часть. Большие надежды возлагаем на помощь населения, специалистов, историков, знатоков старины, работников музеев. Кстати, такую помощь мы уже почувствовали в Астрахани и особенно в Новочеркасском музее истории донского казачества». (Степан Разин — легенда и быль. Вел беседу И. Гуммер. Литературная газета, 1970, 4 ноября, с. 8.)

Июль. В журнале «Новый мир», № 7, опубликованы рассказы «Сватовство», «Шире шаг...», «Срезал», «Митяка Ермаков», «Крепкий мужик», «Крыша над головой». 15 июля в «Литературной газете» — рассказ «Чередниченко и цирк».

19 сентября в газете «Сельская жизнь» опубликован рассказ «Гармонист».

16 октября в «Литературной России» — рассказы «Сапожки», «Песя». Осенью 1970 года Шукшин ездил в станицу Кочетовскую к писателю Виталию Закруткину. Ноябрь. Шукшин едет во Францию.

«Мой второй фильм «Начало» только что вышел на экран. И вдруг меня включили в делегацию по поездки с картиной в Париж. Перед отъездом я зашел в Союз кинематографистов получить последние напутствия. Там я увидел я Шукшина... Он внимательно, как прилежный ученик, вслушивался в то, что нам тогда говорили, и, казалось, не чувствовал, не понимал, какой силой обладает...

Итак, ноябрь 1970 года. Шукшин в бороде Степана Разина, в кепочке массового пошива и в плаще неизвестного происхождения едет в Парижский киноцентр на премьеру своей картины «Странные люди» и моего «Начала». Едем мы вместе». (Панфилов Г. Три встречи. — В кн.: О Шукшине..., с. 256—257.)

25 ноября 1970 года на киностудии имени Горького написал план перестройки двухсерийного фильма о Разине в трехсерийный. О третьей серии фильма Шукшин, в частности, пишет: «Главный момент в решении образа Разина: на экране человек, не уstraшенный предстоящей смертью, а полный любви и сострадания к простым лицам, которых он вынужден оставить...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 103.)

1971

Шукшин написал сценарий для фильма «Пришел солдат с фронта» по мотивам рассказов Сергея Антонова. Первоначальные названия фильма — «Живи и радуйся»,

«Повторение пройденного». Фильм по сценарию Шукшина поставил на студии «Мосфильм» Н. Губенко.

Вышел на экраны фильм «Даурия», где Шукшин снялся в роли командира красного бронепоезда Василия Андреевича.

Январь — февраль. Опубликован в журнале «Сибирские огни», 1971, № 1, 2, роман В. Шукшина «Я пришел дать вам волю».

«Роман «Я пришел дать вам волю» вырос из сценария — не из того, что был опубликован когда-то в журнале «Искусство кино», то была уже попытка экранизации романа, а из другого, вполне самостоятельного.

Я видел будущую картину, видел ее между строк. И все-таки я начал писать роман — это было необходимо для художественного осмысления материала. Именно в романе нашла свое законченное выражение та идея, ради которой было задумано все произведение: трагедия Разина — это часть всенародной трагедии». (Шукшин В. Вопросы..., с. 181.)

В журнале «Искусство кино», № 1, опубликован сценарий В. Шукшина «Иван Степанович».

«В начале 1971 года был задуман специальный выпуск журнала, посвященный писателям Сибири. Поехал в Новосибирск. В числе прочих материалов, готовящихся к печати в журнале «Сибирские огни», я увидел новую работу Шукшина о Степане Разине... Я очень надеялся, что Василий Макарович не только не откажется выступить (по радио — Л. М.), но и сам почитает главы романа. Я снова неудача: я застал Шукшина буквально за несколько часов до отъезда на съемки...

...Читать главы из романа мы пригласили заслуженного артиста РСФСР Афанасия Кочеткова...

Мы уже приготовили вторую передачу, когда возвратился Шукшин. Чтение Василию Макаровичу понравилось, и на мое предложение исполнить второй отрывок самому он ответил отказом:

— Зачем обижать актера, сделано хорошо. Мне многие говорили.

К этому времени пришло уже немало писем, и мы условились, что продолжению будет предшествовать наша беседа у микрофона...

Итак, мы сидим в 14-й студии звукозаписи на улице Качалова. За окном аппаратной много людей — пришли посмотреть на Шукшина...» (Гальперин Ю. У микрофона Василий Шукшин. Литературная Россия, 1975, 1 августа, с. 14.)

11 февраля 1971 года Шукшин выступил на заседании художественного совета киностудии имени Горького. Стенограмма выступления впервые опубликована в сборнике «Вопросы самому себе» под названием «Надо иметь мужество». Шукшин подвергает критике многоступенчатую систему обсуждения киносценариев: «Писатели боятся кинематографа, я уговорил двух писателей написать сценарии — Горышина и Белова. Они написали, но не «пробили» их...»

12 февраля в «Литературной России» опубликован рассказ «Обида».

25 февраля Шукшин пишет директору киностудии имени Горького Г. И. Бриотову о сценарии своего фильма «Печки-лавочки»: «Моя задача сейчас переписать сценарий заново с учетом тех пожеланий, которые были высказаны у нас в редакторате и в Комитете».

Апрель. Опубликован рассказ «Мастер» в журнале «Литературный Киргизстан», № 4.

16 июня в «Советской России» напечатан рассказ из цикла «Характеры» — «На курорте».

Июль. В журнале «Советский экран», № 14, опубликована статья В. Шукшина «Как нам лучше сделать дело».

Август.

«В наш город (Бийск — Л. М...) прибыла группа киноработников студии имени М. Горького во главе с нашим земляком — писателем, актером и режиссером Василием Шукшиным. По его сценарию начали снимать художественный широкоэкранный фильм под названием «Печки-лавочки» с Шукшиным в главной роли...

В картине будут заняты известные актеры Лидия Федосеева, артистка МХАТа Ксения Минина, Станислав Любшин, Всеволод Санаев, Георгий Бурков и др. Главный оператор — Анатолий Заболоцкий.

Для массовых сцен потребовалось много людей. В фильме уже начали сниматься бийчане. Три дня в гостиницу «Бия», где остановилась кино-

группа, шли по объявлению взрослые и дети, люди всех возрастов и профессий...

И начались съемки, которые будут продолжаться весь август в городе и окрестных районах...» (Мельников В. На первых съемках. Бийский рабочий, 1971, 10 августа.)

На бийском вокзале снималась очередь за билетами, сценки на стоянке такси. Затем съемки велись в селах Сростки и Шульгин Лог, на тракте, на пароме, просто в степи.

В ряде газет напечатан рассказ Шукшина «Дядя Ермолай»: «Советская Молдавия», 14 августа; «Советская Литва», 21 августа; «Советская Киргизия», 22 августа; «Советская Эстония», 22 августа; «Алтайская правда», 26 августа; «Туркменская искра», 9 сентября.

Сентябрь. В журнале «Звезда», № 9, опубликованы рассказы «Верую», «Леся», «Дебил», «Билетик на второй сеанс».

В журнале «Наш современник», № 9, — «Дядя Ермолай», «Хозяин бани и огорода», «Хмырь», «Ноль-ноль целых», «Письмо», «Жена мужа в Париж провожала», «Ораторский прием».

Осенью 1971 года Шукшин — в Новочеркасске вместе с участниками «разинских» съемок: оператор Анатолий Заболоцкий, художник Петр Пашкевич, директор картины Геннадий Евгеньевич Шолохов. Шукшин изучает книги по истории Дона, подобранные Лидией Андреевной Новак, посещает станицы Старочеркасскую, Раздорскую.

Декабрь. В журнале «Сибирские огни», № 12, напечатаны рассказы «Мастер», «Мой зять украл машину дров».

24 декабря в «Литературной России» — рассказ «Три грации».

1972

По просьбе газеты «Известия» Шукшин отвечает Г. И. Родыгину, жителю поселка Трудфронт Икрянского района Астраханской области, мастеру резьбы по дереву. Родыгин намеревался изготовить макет разинского струга. «Я могу выслать чертеж и фотографии рисунков. Я вышлю», — пишет Шукшин. (Шукшин В. Вопросы..., с. 106.)

В 1972 году Шукшин с семьей переехал на новую квартиру в Москве по улице Бочкова, 5. Раньше Шукшин жил в окраинных районах Москвы Медведково, Свиблово.

Вышел фильм «Пришел солдат с фронта» Н. Губенко. Сценарий по мотивам рассказов С. Антонова написал В. Шукшин.

«Добротный сценарий Шукшина... позволил постановщику Николаю Губенко выразить свое видение каждой сцены, каждого персонажа.

— Сценарий поразил меня человечностью, — говорил в беседе с журналистами Губенко. (Волгин Б. Пришел солдат с фронта. Советский воин, 1972, 7.)

Февраль. Вышел на экраны фильм «Конец Любавиных» по роману Шукшина «Любавины». Авторы сценария Л. Нехорошев, Л. Головня. Режиссер Л. Головня.

В Петрозаволске издательством «Карелия» переиздан роман «Любавины».

В «Неделе» № 7, 7—13 февраля в записи Ф. Андреева опубликована беседа с Шукшиным «Красота доброты» о фильме «Печки-лавочки».

В журнале «Искусство кино», № 2, опубликована заметка Шукшина, посвященная памяти Михаила Ромма. «Он учил работать». В ней Шукшин пишет о своем учителе: «Он был очень добр ко мне, я думал, что это так и должно быть и всегда бывало в искусстве в Москве. Потом, когда пришли ясность и трезвость, я поразился его терпению...»

Март. Продолжаются съемки фильма «Печки-лавочки». В одном из павильонов студии имени Горького снимались эпизоды «В квартире профессора в Москве».

В журнале «Север», № 3, напечатаны рассказы «Пост скриптум», «Танцующий Шива», «Генерал Малафейкин».

Летом 1972 года завершается работа Шукшина над фильмом «Печки-лавочки» (оператор А. Заболоцкий, художник П. Пашкевич, композитор П. Чекалов).

«Снимались «Печки-лавочки» на Алтае... снимались в Москве и снимались в Ялте. Ялту уж как-то киногоруппы не минуют...» (Шукшин В.

Я старался рассказывать про душу... Лит. Россия, 1975, 26 сентября, с. 15.)

«Выражение «печки-лавочки» ничего не значит и уже по одной этой причине ни на какой язык не может быть переведено. «Печки-лавочки» — понятие смутное, в нем выражены и веселое недоумение перед лицом запутанных жизненных обстоятельств, и готовность им безропотно подчиниться, и способность их превозмочь...

В «Печках-лавочках» некоторые мотивы предыдущих фильмов Шукшина подхвачены и усилены. (Рудницкий К. Проза и экран. — Б кн.: О Шукшине..., с. 92—93.)

«В «Печках-лавочках», выражая серьезные мысли чаще всего через ироничное слово, Шукшин одновременно укрепляет свою работу с другого фланга. Он снимает эту картину с новым оператором Анатолием Заблоцким...

...вопреки ожиданиям, камера Заблоцкого не перечеркнула, а подчеркнула достоинства шукшинского «разговорного» кинематографа, добавив к ним и достоинства истинно кинематографической культуры выражения». (Фомин В. Пересечение параллельных. — М.: «Искусство», 1976, с. 308—309.)

Октябрь—ноябрь. Напечатаны рассказы «Страдания молодого Ваганова», «Беседы при ясной луне», «Мнение», «Беспалый» в журнале «Наш современник», № 10.

В октябре и ноябре Шукшин работал над сценарием «Калина красная».

«Как-то Лидия Николаевна с дочками пришла к мужу в больницу, а у него в глазах, глубоко-глубоко, — слезы.

— Что случилось?

Подает «амбарную книгу»:

— На вот, написал... Только не надо сейчас... Потом, дома...

Читала, плакала...

...поверху написано: «Калина красная», а пониже: «Писал сценарий 27 октября — 15 ноября 1972 года. Москва (больница)»...

Сценарий хранится в кабинете, где на книжных полках, сделанных его руками, — и Карамзин, и Костомаров, и Соловьев... И классики подобраны здесь тоже по-особому...» (Сидоровский Л. Сердце Шукшина, Смена (Ленинград), 1979, 24 июля.)

В «Новом мире», № 11, напечатана рецензия В. Шукшина на повесть А. Скалона «Живые деньги». Рецензия называется «На едином дыхании».

В декабре в журнале «Звезда», № 12, напечатаны рассказы «Наказ», «Медик Володя».

1973

В этом году вышел сборник «Характеры» в издательстве «Современник».

«При жизни автора мы как-то стеснялись прилагать к этой книге те же мерки, что к книгам, ну, скажем, Лескова, Бунина, даже и Чехова. Только теперь, когда Шукшина нет с нами, мы начинаем осознать, что самые высшие мерки в пору и по плечу Василию Шукшину». (Горышин Г. Где-нибудь на Руси. Аврора, 1975, 6.)

В 1973 году фильм В. Шукшина «Печки-лавочки» вышел на экраны страны.

«Печки-лавочки», оставаясь как будто в русле прежних поисков Шукшина, свидетельствуют в то же время о том, что в его творчестве назревает резкий и решительный перелом». (Фомин В. Дома и в гостях («Печки-лавочки»). — В кн.: Экран. 1973—1974. — М., 1975, с. 30.)

Приведенный отзыв наиболее характерен для оценки фильма «Печки-лавочки» сразу после его выхода на экран и для современного понимания фильма. Но были и отрицательные отзывы о фильме, большая часть которых принадлежала, к сожалению, землякам Шукшина. Были не только статьи, осуждающие фильм, но и письма, в том числе анонимные.

15 апреля в газете «Алтайская правда» была напечатана рецензия В. Явинского на фильм «Печки-лавочки» под названием «А времена меняются...», в которой автор, в частности, писал: «Какой-то патриархальщиной вдруг начинает веять с экрана... В самом деле, очень трудно представить на месте Вани (герой фильма —

Л. М.) какого-то конкретного алтайского механизатора, скажем, членов семьи прославленных Пятниц! Хорошо зная наших сельских жителей, можно смело сказать: не такие уж они «деревенские» сейчас, какими их показал Шукшин. И, наверное, все дело здесь в том, что он забыл об очень важном обстоятельстве: не меняется Катунь, но меняется Время, меняются люди села. Коренные изменения в жизни алтайской деревни, в родном его селе, к сожалению, остались незамеченными. Мало, до обидного мало в фильме новых черт и явлений, присущих людям современных колхозов и совхозов, которые могли бы служить примером для зрителей и особенно для молодежи. Почти все в «Печках-лавочках» показано так, как уж было сделано Шукшиным в его предыдущих картинах «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Странные люди». А зря!

И еще раз о песне «Чтой-то звон». Есть у нее, кажется, и другой смысл, вполне подходящий к фильму. Не устаем мы звонить о друге Ванюше и не устанем. Только не те сейчас на Алтае колокольни и не тот звон слышится с них. Жаль, что Шукшин не услышал подлинного горна сегодняшнего алтайского села.

Так, походя (как говорят, одним махом убивахом!), были зачеркнуты и другие фильмы Шукшина, писатель и режиссер обвинялся в незнании жизни, что не могло, разумеется, оставить его равнодушным. И вскоре Василий Макарович пишет «Слово о «малой родине» для «сибирского номера журнала «Смена». Статья, однако, была опубликована лишь в 1974 г. (Смена, 2) и то с сокращениями, полностью же напечатана она была уже после смерти писателя в журнале «Литературное обозрение» (1975, 12). Вот начало этой статьи:

«Как-то в связи с фильмом «Печки-лавочки» я получил с родины, с Алтая, анонимное письмо. Письмецо короткое и убийственное: «Не бери пример с себя, не позорь свою землю и нас». Потом в газете «Алтайская правда» была напечатана рецензия на этот же фильм (я его снимал на Алтае), где, кроме прочих упреков фильму, был упрек мне — как причинная связь с неудачей фильма: автор оторвался от жизни, не знает даже преобразований, какие произошли в его родном селе.. И еще отзыв с родины: в газете «Бийский рабочий» фильм тоже разругали, в общем, за то же. И еще потом были выступления моих земляков (в центральной печати), где фильм тоже поминался недобрым словом... Сказать, что я все это принял спокойно, значит, зачем-то скрыть правду. Правда же тут в том, что все это, и письма и рецензии, неожиданно и грустно. В фильм я вложил много труда (это, впрочем, не главное, халтура тоже не без труда создается), главное, я вложил в него мою любовь к родине, к Алтаю, какая живет в сердце, — вот главное, и я думал, что это-то не останется незамеченным».

19 января в «Литературной России» напечатан рассказ «Алеша Бесконвойный».

В феврале Шукшин перешел со студии имени Горького на студию «Мосфильм».

«Шукшин перешел работать в Первое творческое объединение киностудии «Мосфильм», художественным руководителем которого я являюсь, когда уже был написан сценарий «Я пришел дать вам волю» — о Степане Разине. Мне казалось, что на студии имени Горького фильм по этому сценарию будет трудно поставить. Шукшину нелегко там работалось. Он и сам говорил об этом. И переход его на «Мосфильм» был внутренне предreshен». (Бондарчук С. Первородство.)

В журнале «Звезда», № 2, напечатаны рассказы «Ванька Тепляшин», «Гена Пройдицвет», «Версия».

26 февраля Шукшин подал заявку в издательство «Молодая гвардия» на новую книгу «Калина красная» (повесть и рассказы).

Март. Напечатаны рассказы «Упорный» (Литературная Россия, 2 марта), «Владимир Семенович из мягкой секции» (Литературная Россия, 30 марта).

В журнале «В мире книг» опубликован отрывок из «Калины красной». В предисловии к нему Шукшин писал: «Доброе в человеке никогда не погибает до конца — так я сказал бы про замысел киноповести...»

В журнале «Дружба народов», № 3, опубликована беседа В. Шукшина с киноведом Валентиной Ивановой — «Воздействие правдой». Шукшин говорит, что перед художником и сегодня его «извечная, мучительно трудная задача» — «исследование души человеческой». (Шукшин В. Вопросы..., с. 189.)

В марте Шукшин выступил в городском театре города Белозерска Вологодской области на премьерe фильма «Печки-лавочки». Это выступление впервые опубликовано в газете «Вологодский комсомолец» 14 декабря 1974 года. Шукшин говорит: «Меня в данном случае, как автора сценария и режиссера-постановщика, заботило большее состояние души, в котором наш русский человек, крестьянин ныне пребывает и живет...

Лично я старался рассказывать про душу, что ли, а не про внешнюю биографию, внешние события». (Шукшин В. Вопросы..., с. 98—99.)

6 марта в «Пионерской правде» опубликовано письмо Шукшина «Завидую тебе» — ответ на одно из писем в редакцию.

Апрель. В журнале «Наш современник», № 4, напечатана киноповесть «Калина красная».

19 апреля в газете «Сельская жизнь» напечатан рассказ «Дорога к дому».

27 апреля в записи Ю. Смелкова в «Комсомольской правде» напечатана беседа с В. Шукшиным «Судьбу выстраивает книга».

Май. В журнале «Сельская молодежь», № 5, напечатан рассказ «Пьедестал» с редакционным предисловием «Слово о писателе».

Июнь.

«Неподалеку от Вологды Шукшин снимал свою «Калину красную»... Для съемок Шукшин облюбовал деревеньку Садовую, километрах в десяти от Белозерска. Деревенька на круглой горке по-над озером вся утонула в садах...» (Горышин Г. Где-нибудь на Руси.)

Выступая в Белозерске, Шукшин сказал: «Мы были у вас в городе года четыре назад, искали натуру для фильма «Степан Разин». Фильм не состоялся. Но городок ваш запал нам в душу — красивый, просторный, люди добрые, нет в нем такой нервности... И когда пришла пора снимать вот этот теперешний фильм, мы вспомнили Белозерск.

Но в городе событий у нас немного, больше в деревнях вокруг Белозерска. Вот Орлово, например, Садовая... Места ваши прекрасные, озерные, русские. В них есть что-то грустное, задумчивое. Вот это нам и хотелось бы перенести в нашу новую работу, в новый фильм «Калина красная».

Июль — август.

Напечатан рассказ «Осенью» в журнале «Аврора», № 7.

«Когда я стал заведовать отделом прозы в журнале «Аврора», мне, как и завпроезом любого другого журнала, захотелось в первую очередь видеть в числе своих авторов Василия Шукшина. Я обратился к нему с письмом: «Вася, есть рассказы?» Вася тотчас ответил: «Найдутся». Вскоре мы получили «Осенью», рассказ проникнутой грустью и одновременно непреклонностью духа». (Горышин Г. Где-нибудь на Руси.)

Продолжаются съемки фильма «Калина красная».

«Работать Шукшину приходилось на предельном напряжении сил. И не только потому, что здесь ему, как и в «Печках-лавочках», довелось выступать сразу в трех творческих ипостасях. Были и другие причины. В мае фильм запустили в производство практически без подготовительного периода, а уже в декабре картину нужно было сдать.

И Шукшин спешил. Трудился не жалея сил, совершенно не щадя себя и не оставляя времени даже для сна.

Мне позарез нужно было взять интервью для «Советского экрана», но просить об этом в такой ситуации было как-то неловко. Поэтому просто сидел на площадке, смотрел, как идет работа... И вдруг однажды Василий Макарович, наверное, просто пожалев меня, подошел сам и очень быстро, страшно волнуясь, стал рассказывать о фильме... Он говорил и одновременно проигрывал роль...

«Думаю, что с такой бедой — больной совестью — живут не только уголовники вроде моего героя. Многие так живут. Но далеко не все в этом себе признаются...» (Фомин В. Василий Шукшин: Страсти по Егору. — В кн.: Экран 1973, 1974, с. 113—114, 116.)

Сентябрь. В записи В. Ивановой опубликована в журнале «Дружба народов», № 9, беседа с Шукшиным «Воздействие правдой».

В журнале «Наш современник», № 9, напечатан рассказ «Штрихи к портрету. Некоторые конкретные мысли Н. Н. Князева, человека и гражданина».

Н о я б р ь. В журнале «Сибирские огни», № 11, напечатаны «Внезапные рассказы»: «Мечты», «Петька Краснов рассказывает», «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту», «Сны матери», «Боря», «На кладбище».

«..в самый разгар монтажных работ над фильмом («Калина красная» — Л. М.) очередной приступ болезни опять загнал Василия Макаровича на больничную койку. Но не пролежав и нескольких дней, он гросто сбежал из больницы... И он-таки успел сделать картину в срок. Потом ему срок этот продлили: чтобы переписать некоторые диалоги». (Фомин В. Василий Шукшин: Говорить правду, какой бы горькой и жестокой она ни была. — В кн.: Экран 1973, 1974, с. 117.)

26 декабря в «Литературной России» напечатан рассказ «Психопат».

1974

В начале 1974 года вышел на экраны кинофильм Шукшина «Калина красная»¹. Оператор А. Заболоцкий, художник И. Новодережкин, композитор П. Чекалов.

«Помню один из первых просмотров фильма. Это было в Госплане СССР. Так случилось, что до самой последней минуты мы не знали, будем показывать фильм или нет. Все были очень напряжены, особенно Шукшин. Просмотр все-таки состоялся. Когда фильм окончился, зрители аплодировали, и на глазах у многих были слезы. Шукшин все повторял мне: «Ты видишь, им понравилось». Он ликовал». (Бондарчук С. Первородство. Литературная Россия, 1974, 29 апреля, с. 10.)

«Скорбным финалом Василий Шукшин полемически резко заострил тему человека и его прошлого. Жизнь быстротечна. Жизнь сложна. Жизнь требовательна. А совершаемые ошибки бывают и неисправимы.

«Калина красная» — фильм-предостережение и напоминание, фильм-поэтическое раздумье о долге, о счастье, о смысле жизни». (Громов Е. Жизнь и смерть Егора Прокудина. Лит. газета, 1974, 27 февраля).

«Все прежние фильмы Шукшина, когда появилась «Калина красная», обрели новое значение и новый смысл. Они стали восприниматься как серия киноэскизов к «Калине красной», самой сильной и зрелой работе...» (Рудницкий К. Проза и экран. — В кн.: О Шукшине..., с. 98.)

15 января в газете «Водный транспорт» опубликована беседа с В. Шукшиным в записи В. Баулина «Герои Василия Шукшина».

В журнале «Смена», № 2, опубликована статья В. Шукшина «Признание в любви».

В начале 1974 года Шукшин познакомился с отзывом А. Н. Макарова на второй его сборник «Там, вдали». Это была внутренняя рецензия для издательства «Советский писатель». Шукшин написал Н. Ф. Макаровой: «...Как же бы мне дорого было это умное напутственное слово тогда, 10 лет назад! Как нужно! Оно и теперь мне дорого». (Подробней об этом см. в книге Коробова, с. 77—80.)

В феврале Шукшин встретился с М. Ульяновым на своей новой квартире в Москве по улице Бочкова, 5. Он показал Ульянову текст пьесы-сказки (очевидно, «Догретьх петухов» — Л. М.), рассказал сюжет пьесы «А поутру они проснулись».

Последние годы жизни В. Шукшина вообще характеризуются большим его интересом к театру. Об этом говорит, например, Г. Товстоногов:

«Мое знакомство с Василием Шукшиным началось с того, что перед несколькими последними своими фильмами он систематически появлялся в Большом драматическом театре — подбирать актеров. Естественно, что и на спектаклях бывал...»

«А потом я стал свидетелем того, как Василий Макарович, что называется, загорелся — захотел писать для театра. И вскоре принес пьесу «Энергичные люди», которая всем нам сразу очень понравилась...»

Я попросил Шукшина прочитать «Энергичных людей» труппе...

Волновался Шукшин ужасно, но прочел удивительно — со свойственным ему серьезом и юмором, и актеры просто покатывались от хохота... Тут меня осенила идея: оставить голос Шукшина в спектакле, чтобы автор как бы сам комментировал и объяснял происходящее. Тогда я попросил его специально записаться, и он сразу согласился.

Василий Макарович приехал недели за полторы до выпуска спектакля, и мы с ним начали эту работу...

Надо сказать, что на запись на магнитную ленту, не такую большую

¹ Фильм «Калина красная» удостоен главной премии на Всесоюзном кинофестивале в Баку.

по времени, мы потратили много часов, потому что его мера требовательности к своей работе была очень высока.

«Энергичных людей» на сцене БДТ комментирует голос автора...» (Товстоногов Г. О «третьем ките». Лит. газета, 1979, 25 июля.)

«В 1974 году я был утвержден на роль Некрасова в фильме «Они сражались за родину». Как раз в это время Лидия Николаевна Федосеева, жена Василия Макаровича, дала мне прочитать «Энергичных людей» Шукшина. Пьеса мне понравилась, и я сказал о ней Георгию Александровичу Товстоногову. Георгий Александрович прочитал ее тоже и решил немедленно ставить, роль Аристарха он поручил мне. Тогда я написал Сергею Бондарчуку: так вот и так — не могу сниматься...

Меня не было в Ленинграде, когда Шукшин читал труппе пьесу, но актеры говорили, что читал он очень хорошо... почти все время хохотали, временами просто стон стоял. Репетировали недолго — месяца полтора-два». (Лебедев Е. Частица народа. Литературная записка Г. Цитриняка. Учительская газета, 1979, 24 июля.)

Корреспонденту Галине Кожуховой Шукшин говорил: «Со жгучим интересом жду спектакля по моей первой пьесе. Премьеру «Энергичные люди» должны показать в Москве — Театр имени Вл. Маяковского, в Ленинграде — Большой драматический театр имени Горького. «Энергичные люди» — о тех, кто пытается в нашем обществе процветать за счет общества... Вообще к театру меня влечет... самое же реальное это стопка чистой белой бумаги. А не засесть ли навсегда за письменный стол?»

Вот сейчас только 'взял в издательстве «Советская Россия» сборник рассказов «Беседы при ясной луне». Может, это и есть главное?» (Шукшин В. Вопросы..., с. 211—212.)

В издательство «Искусство» Шукшин подал заявку на сборник сценариев: «Калина красная», «Печки-лавочки», «Живет такой парень», «Земляки», «Позови меня в даль светлую». Сборник под названием «Киноповести» вышел в этом издательстве в 1975 году.

22 марта в «Литературной России» напечатаны «Две совершенно нелепые истории»: «Как Андрей Иванович Куриков, ювелир, получил 15 суток», «Ночью в бойлерной».

В «Неделе», 8—24 марта, напечатан рассказ «Вечно недовольный Яковлев».

А п р е л ь.

«Здравствуй, родная моя! Сам измучился и вас измучил своими обещаниями приехать. Все никак не могу вырваться. А сейчас вот лег в больницу — это по поводу своей язвы. Полежу немного. А то впереди огромная работа (три фильма о Степане Разине) — года на четыре запрягусь, тогда некогда будет полежать. А так у меня со здоровьем ничего, бог несет. Пролежу я, наверное, до 10 апреля, потом поеду в Западную Германию на 10 дней — значит до 20 апреля. А там к концу апреля обязательно приеду. Сам соскучился — сил нет». (Из письма В. Шукшина к матери — Алтай. 1976, 1.)

Весной 1974 года на имя генерального директора «Мосфильма» Н. Т. Сизова Шукшин подал заявку на двухсерийный фильм о Степане Разине. В заявке он пишет: «Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана...»

В мае актер и режиссер Н. Губенко поделился с Шукшиным замыслом фильма, построенного на материалах уголовного дела об убийстве. Губенко хотел привлечь Шукшина к работе над картиной и дал ему для ознакомления материалы процесса. Шукшин изучил материалы и написал заявку на литературный сценарий двухсерийного фильма «Квинтэссенция души». В заявке Шукшин пишет: «Квинтэссенция души» — это должно поначалу обозначать некое «новое» учение о сверхсильной душе, суть которого: обнаружение возможностей невозможного. В конце это понятие прочитывается так: история взбесившегося поддеча, возмнившего себя личностью, причем личностью сильной, способной якобы на подвиг разума и воли. Все «учение» обернулось — грязным, подлым убийством...

Но не ради одного разоблачения лжеучения следовало бы сделать этот фильм (при всей смехотворности этого учения нельзя, однако, не заметить, что оно несет определенную опасность как прецедент и разновидность исходной позиции антиоб-

М. С. Шукшина.

шественных вылазок), а потому еще, чтобы обнаружить и подтвердить незыблемость вечного человеческого закона: всякий, кто свое отношение с миром захочет строить на принципе жестокости и насилия, жестокость и обретет как возмездие. (Шукшин В. Вопросы..., с. 86.)

17 мая Шукшин беседовал с корреспондентом итальянской газеты «Унита» в Москве Карло Бенедетти при участии переводчика Сергея Гринבלата. Запись беседы была опубликована в Италии в газете «Унита» и в журнале «Нуова дженарационе». Впервые на русском языке беседа опубликована в журнале «Наш современник», 1979, № 7, под названием «Я родом из деревни». Особо выделяется в беседе разинская тема.

22 мая газетой «Правда» опубликована беседа с корреспондентом Галиной Кожуховой. Шукшин ответил на вопросы о фильме «Калина красная», наиболее часто встречающиеся в редакционной почте, касающейся фильма. В частности, Шукшин говорит о трагическом финале фильма: «Вся судьба Егора погибла — и в этом все дело, и неважно, умирает ли он физически. Другой крах страшнее — нравственный, духовный. Необходимо было довести судьбу до конца. До самого конца».

Самый полный вариант беседы В. Шукшина с Г. Кожуховой под названием «Если бы знать» находится в книге «Вопросы самому себе».

В конце мая начались съемки фильма «Они сражались за родину» по одноименному роману М. Молохова. Главный режиссер — Сергей Бондарчук. Шукшин снимается в роли сержанта-бронбойщика Петра Лопехина.

«Вы спрашиваете, что привело меня в этот фильм? Профессия. Интерес — тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, хочу пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов: актерская работа, сколь она ни трудна, все же позволяет совместить ее с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопехина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь, места, которые мне в ближайшем будущем тоже предстоит освоить: все же надеюсь, что сниму фильм о Разине». (Из беседы Шукшина с И. Гуммером. См.: И. Гуммер. А степная трава пахнет горечью... На съемках фильма «Они сражались за родину». Лит. газета, 1974, 19 июня.)

«...на берегу Дона, неподалеку от станции Клетская, заново родился хутор Мелологовский. Заново потому, что в 1942 году этот хутор война фактически смела с лица земли. А земля здесь сухая, грубая, комкастая, поросшая выгоревшей на солнце травой, белая от мела...

И странное тут построено селение — жить в нем, конечно, нельзя. Курени под камышовыми крышами, сараи, мельница, плетни — все сде-

лано «на живую нитку». А рядом стоит на Дону капитально, на целое лето пришвартованный к берегу теплоход «Дунай». На этом корабле живут участники киноэкспедиции «Мосфильма», которая ведет здесь натурные съемки фильма «Они сражались за родину» по одноименному роману Михаила Шолохова. Для того и был возрожден старый хутор...» (Вишняков С. Нет для нас земли дороже. Репортаж со съемок фильма «Они сражались за родину». Советская культура, 1974, 27 августа.)

Июнь. Состоялась встреча съемочной группы с М. Шолоховым в станице Вешенской.

«Я тут сказал бы про собственное, что ли, открытие Шолохова. Я его немножко упрощал, из Москвы глядя. А при личном общении для меня нарисовался облик летописца». (Шукшин В. Последние разговоры. Запись Г. Цитриняка. Лит. газета, 1974, 13 ноября.)

«Очень понравился мне Шукшин. Серьезно относится к Лопухину. По-моему, подходит по характеру... Приехали за советом: как делать картину? Что я мог им сказать? Не отступайте от правды. «Можно это взять на вооружение?» — Шукшин спрашивал. «Показывайте все, как было». — «Все, как было?» — «Все... Победа-то наша». (Цит. по статье Анатолия Софронова «Пора сенокоса». Огонек, 1974, 32 с. 12.)

7, 14, 21 июня в «Литературной России» печатается сатирическая повесть Шукшина «Энергичные люди». Продолжаются репетиции «Энергичных людей» в Большом драматическом театре в Ленинграде.

«В самый разгар съемок Шукшин несколько раз летал в Москву. На «Мосфильме» начался подготовительный период фильма «Степан Разин»...

Нередко часов до трех ночи в камете у Василия Макаровича горел свет. Шукшин писал...

В дни зарплаты после съемок Шукшин ездил на автобусе в соседний хутор. Там в магазинах он покупал простые вещи: сапоги, куртки, белье и отсылал по почте в деревню к своим». (Никулин Ю. На Дону. — В кн.: О Шукшине..., с. 252.)

Во время съемок Шукшин работает над произведениями «А поутру они проснулись», «До третьих петухов».

18 июня сдано в набор отдельное издание романа В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» в издательстве «Советский писатель».

19 июня о ходе съемок фильма «Они сражались за родину», о своих беседах с участниками съемок рассказывает в «Литературной газете» И. Гуммер:

«Хутор Мелологовский, названный так по меловым горам, приткнулся на правом обрывистом берегу Дона. Места красивые: излучина реки, лесистый левый берег, степное правобережье с крепким, терпким воздухом...

Весь хутор — большая съемочная площадка «Мосфильма»...

С. Болдарчук: «Мы встретились с очевидцами событий, участниками боев. Нам показали место переправы, повели к сохранившимся донные окопам и траншеям... Одним словом, мы снимаем в обстановке, максимум приближенной к боевой. В этих условиях будем работать почти до конца фильма. Павильонных съемок мало...»

Мне нужен Василий Шукшин. Хотелось бы обстоятельно поговорить. Но как? Когда?

— Найдем время, — успокаивает Василий Макарович. — Вся ночь впереди.

Ночью мы и поговорили. С ним и с Георгием Бурковым. Нет, не случайно Бурков снимался в двух фильмах Шукшина и будет дальше работать с ним: очень они близки мыслями, характерами».

В июне 1974 года киностудия имени М. Горького, где Шукшин проработал 10 лет, праздновала свой пятидесятилетний юбилей.

«В жаркие июньские дни 1974 года из станицы Клетской со съемочной площадки фильма «Они сражались за родину» на киностудию имени М. Горького... была послана телеграмма: «Дорогие друзья юбиляры, позвольте в этот радостный день вашей жизни от души приветствовать вас. Шлем вам с вольного тихого Дона наши поздравления, наши пожелания здоровья. Рады за вас и рады с вами. Ваши коллеги Сергей Болдарчук, Василий Шукшин, Юрий Никулин, Иван Лапиков, Николай Губенко, Вадим Юсов».

Из Краснодара, куда он выезжал на премьеру «Калины красной», Шукшин послал телеграмму и от себя лично. В телеграмме Шукшин обратился к директору студии Г. Бритикову: «Позвольте через Вас поздравить коллектив студии со славным юбилеем. Позвольте также выразить студии мою благодарность за помощь, доверие, поддержку. Шукшин». (См. Волоцкий М., Швырев Ю. Думу свою донести людям.)

Июль. В журнале «Вопросы литературы», № 7, напечатаны материалы обсуждения кинофильма «Калина красная».

«Меня больше интересует история души», — говорит Шукшин в ходе обсуждения.

13—16 июля на съемках фильма «Они сражались за родину» Шукшин встретился с корреспондентом «Литературной газеты» Г. Цитриняком и болгарским журналистом Спасом Поповым. Наиболее полный текст беседы со Спасом Поповым опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1980, 5.

В журнале «Звезда», № 7, напечатана повесть-сказка «Точка зрения».

«Многие исследователи склонны относить ее к позднейшим и «странным»... произведениям Шукшина. Формально это так: «Точка зрения» увидела свет в седьмом номере «Звезды» за 1974 год и нигде больше не печаталась. Но мы можем с уверенностью утверждать, что это произведение написано в конце 1966 года или, в крайнем случае, в начале 1967-го.

...В № 8 от 17 февраля 1967 года под рубрикой «ЦДЛ за неделю» литературный еженедельник информировал своих читателей: «Точка зрения» — так называется новая, еще не вышедшая книга В. Шукшина. В творческом объединении прозаиков состоялось обсуждение рукописи этого произведения. Кроме того, мне удалось разыскать несколько литераторов, присутствовавших при этом, по их словам, виртуозном чтении Шукшиным своего произведения, — все они утверждают, что это именно та «Точка зрения», которая увидела свет лишь незадолго до смерти ее автора». (Коровов В., с. 135—136.)

В конце июля в Москве Шукшин встретился с киноведом В. Фоминым.

«В последние дни июля 1974 года Василий Макарович вернулся на два дня в Москву со съемок фильма «Они сражались за родину». Среди прочих неотложных дел, которые ему предстояло решить в тот приезд, был сборник его сценариев. Сборник был давно готов и задержка с запуском его в производство была связана с предисловием, которое должен был написать сам Шукшин. Василий Макарович позвонил в редакцию: «Если свободен сейчас, приезжай...»

Почти одновременно со мной к Шукшину приехали оператор Анатолий Заболоцкий и художник Шавкат Абдусаламов. Как я понял, Заболоцкий «сватал» Абдусаламова в качестве художника по костюмам на фильм о Степаче Разине...

Разговор с художником и оператором слишком затянулся. Василий Макарович спохватился, глянул на часы — надо было немедленно уже мчаться на аэродром...

Заболоцкому наконец удалось поймать такси. Василий Макарович сел в машину. Махнул на прощание рукой. Я не знал, что вижу его в последний раз... (Фомин В. Василий Шукшин: Говорить правду, какой бы горькой и жестокой она ни была. — В кн.: Фомин В. Пересечение параллельных. — М.: Искусство», 1976, с. 293—294.)

В журнале «Искусство кино», № 7, напечатан сценарий В. Шукшина «Брат мой». Первоначальное название сценария «Враг мой». По этому сценарию поставлен кинофильм «Земляки» другом Шукшина по ВГИКу режиссером Виноградовым. Фильм вышел на экраны в 1975 году. Валентин Виноградов рассказывает:

«С Шукшиным мы были знакомы и дружны более пятнадцати лет, нет, даже двадцать, считайте с 1954 года, с киноинститута. Были единомышленниками... И вот как-то Шукшин показал мне наброски своего нового сценария. Они сразу заинтересовали меня, заинтересовали психологически: это очень важно, когда у человека есть родина, дороге на всю жизнь люди — ему как-то увереннее живется...

Работалось легко. Мы переделывали сценарий... Работали и когда Василий Макарович лежал в больнице с язвой желудка, и после, у него дома.

...Ивана он собирался играть сам... Однако Василия Макаровича пригласил сниматься Бондарчук, и пришлось поломать голову: кем же его заменить?.. Василий Макарович предложил пригласить ленинградского артиста Леонида Неведомского». (Цит. по статье Е. Сергеева «Та самая земля». Лит. Россия, 1975, 24 января с. 10.)

В журнале «Советский экран», № 13, опубликованы отзывы зрителей о кинофильме «Калина красная» и обсуждение фильма, в котором участвует Р. Плятт, М. Булгакова, Л. Закржевская, В. Шитова, А. Егоров. Приводится также высказывание Шукшина, записанное во время работы над фильмом: «Я хотел сказать об ответственности человека перед землей, которая его взрастила».

В июле в журнале «Советский экран» опубликована статья Л. Ягунковой «Штрихи к портрету Георгия Буркова». Ягункова приводит высказывание Шукшина о Буркове: «Я рад, что зашла речь о Буркове. У него редкий талант, по-настоящему демократичный, то есть понятный любому зрителю, а вместе с тем умный и тонкий. Откуда берутся такие таланты? От щедрот народных. Живут на земле русские люди — и вот избирают одного. Он за всех будет говорить — он памятью народной памятью, мудр народной мудростью...» (Ягункова Л. Уходя от типажности. Советский экран, 1974, 16, с. 9.)

В июле Шукшин написал письмо корреспонденту «ЛГ» Галине Силиной, которая предложила Шукшину участвовать в диалоге с литературоведом Б. И. Бурсовым на тему о культуре писателя. Шукшин написал, что не может покинуть место съемок до октября. О Буркове в письме сказано так: «Пользуясь случаем, хочу выразить (если можно, передайте) мое восхищение его работами — их трезвостью, недвусмысленностью, глубиной, правдой. Поклонитесь ему...»

Август. Продолжаются съемки фильма «Они сражались за родину».

«Большое созвездие, состоящее из светил первой величины — режисера Сергея Бондарчука, оператора Вадима Юсова, композитора Вячеслава Овчинникова, актеров Василия Шукшина, Вячеслава Тихонова, Юрия Никулина, Ивана Лапикова, Георгия Буркова, Лидии Федосеевой, Нонны Мордюковой, — созвездие это сверкает, переливается пленительным блеском, излучает мягкий ослепительный свет, обогревая своей человечностью, своей верой в добро, не утраченной в лихую пору жестокого испытания нашего народа...»

Последняя актерская работа Василия Шукшина (в роли Лопухина) вызывает не одно только чувство восхищения истинным талантом. Слова «игра актера» звучат в данном случае (это относится и к остальным актерам) слишком «профессионально», ибо игрой нельзя назвать то, что переходит за грань актерской игры и становится самой жизнью, обжигающей вас великой простотой, исполненной глубочайшего чувства и энергии мысли. И, без остатка покоренные этой жизнью, вы не перестаете думать, какой сверхакушер художник ушел из искусства, какой большой талант развернулся рядом с нами за последние годы!» (Бондарев Ю. В жарком сорок втором. Лит. газета, 1975, 23 апреля.)

Во время съемок Волгоградское телевидение по поручению редакции «Кинопанорамы» попросило В. Шукшина высказаться о Л. Куравлеве. В записи для передачи Шукшин сказал: «О Куравлеве я могу говорить долго и много. Я очень люблю этого человека». (Шукшин В. Вопросы..., с. 133.)

«Киногруппа живет и работает в Мелодоговском уже несколько месяцев, жара здесь стоит адава, по две-три недели не бывает дождя, пыль скрипит на зубах, но никто не жалуется. Все понимают, что такую картину нельзя снимать в тепличных условиях». (Вишняков С. Нет для нас земли дороже. Репортаж со съемок фильма «Они сражались за родину». Советская культура, 1974, 27 августа.)

«Шукшин всегда первым приходил смотреть отснятый материал и обстоятельно изучал все дубли...»

Шукшин был самый образованный человек в нашей съемочной группе, но ему всегда казалось, что он мало знает. И новая книга порой изумляла его». (Бондарчук С. Первородство.)

«Мы, актеры, занятые в фильме, равнялись на Шукшина. По нему выверялась правда создания образа. У нас было много общих сцен, но говорить о Шукшине как о партнере мне кажется несколько нелепым. Для меня он был самым близким другом. Мы не то что работали вместе, а жили одной жизнью». (Бурков Г. Героизм простого человека. Советский экран, 1975, 10, с. 13.)

«Для всех нас навсегда останутся в памяти дни совместной работы с выдающимся художником и замечательным человеком Василием Макаровичем Шукшиным. Как много сделал он для фильма, каким благотворным было его участие в нашей работе!» (Бондарчук С. О труженике войны. Советский экран, 1975, 10, с. 12.)

23 августа в «Лит. России» напечатан рассказ «Други игрищ и забав».

Сентябрь. Шукшин снова встретился на съемках с корреспондентом «ЛГ» Цитриняком. Он просил Цитриняка передать благодарность Алексею Каплеру за статью «Ясные дали таланта», опубликованную 14 августа в «Литературной газете».

Цитриняк в сентябрьской беседе с Шукшиным уточнил многое из того, что говорилось в предыдущих беседах. В частности, обращает на себя внимание такая запись Цитриняка за Шукшиным: «...еще раз выверяя свою жизнь, я понял, что надо садиться писать. Для этого нужно перестраивать жизнь, с чем-то расставаться. И, по крайней мере, оградить себя, возможно, от суеты...»

Может, не бывает одновременно в десятках мест? Ведь самое дорогое в жизни — мысль, постижение, для чего нужно определенное стечение обстоятельств и прежде всего — покой. Но это — древняя мысль, не мое изобретение...

Надо, наверное, прекращать заниматься кинематографом. Для этого нужно осмелеть и утвердиться в мысли, что литература — твое изначальное и главное дело. Я как-то не могу еще отважиться...» (Шукшин В. Вопросы..., с. 223.)

4 сентября в «Литературной газете» напечатан рассказ «Кляуза».

«Последний рассказ «Кляуза», опубликованный при жизни Шукшина, был непридуманным. Шукшин поведал в нем о действительно случае, когда ему в больницы одежде и тапочках пришлось уйти из больницы декабрьским вечером с диагнозом острой пневмонии. Женщина-вахтер нагло оскорбляла его при детях и посторонних людях... Несколько часов спустя та же женщина не пустила к нему писателей, приехавших в Москву специально для делового разговора с ним». (Бондарчук С. Первоуродство.)

В журнале «Наш современник», № 9, напечатаны рассказы «Други игрищ и забав», «Мужик Дерябин», «Жил человек...», «Чужде», «Привет Сивому!».

«Последние годы своей жизни Василий Макарович был членом редколлегии журнала «Наш современник» и, кроме того, одним из тех его авторов, которым журнал гордится, дружбой с которыми особенно дорожит». (Викулов С. Человек на земле. Лит. газета, 1979, 25 июля.)

В сентябре Шукшин ездил в Ленинград для участия в съемках фильма Г. Панфилова «Прошу слова».

«И все же он сыграл в кино и себя самого! Это было 18 сентября 1974 года, равно за две недели до смерти, в картине «Прошу слова» Глеба Панфилова. Шукшин прилетел в Ленинград на съемку с Дона на один день. По роли он назывался Федей, местным драматургом, в городе, где мэром Елизавета Андреевна Уварова.

Это были минуты доброты и покоя. Видимо, ему было хорошо в группе и с такой партнершей, как Инна Чурикова. Оператор Александр Антипенко рассказывает, что снимали его, каким он был в жизни... (Зоркая Н. Актер. — В кн.: О Шукшине..., с. 167.)

«В семьдесят четвертом году он приехал ко мне в Ленинград на съемки фильма «Прошу слова». Я знал от Николая Губенко, что съемки его у Сергея Федоровича практически закончились, и мог наконец реализовать свою давнюю мечту: снять Шукшина в роли, как мне казалось, ему очень близкой — драматурга Федей.

Итак, в сентябре семьдесят четвертого года Василий Макарович Шукшин приехал в Ленинград...

Когда он вошел в павильон, у меня было физическое ощущение, что он не идет, а парит, почти не касаясь пола. Потом я узнал, что примерно то же самое почувствовали и все остальные — такой он был высохший, худой...

На следующий день он был и вовсе измученный — ездил к дочке в Зеленогорск (Катя, дочь В. Шукшина и В. Софроновой — Л. М.), не спал всю ночь, но на съемки пришел подтянутый, собранный и строгий...» (Панфилов Г. Три встречи. — В кн.: О Шукшине..., с. 260.)

В последние месяцы жизни Шукшин работал еще над одним произведением, вероятнее всего повестью, которое можно было условно назвать «Драма в тайге». Проблематика произведения нравственно-психологическая.

Шукшин проявлял также большой интерес к жизни, личности, творчеству Ф. М. Достоевского, книги которого еще во ВГИКе рекомендовал Шукшину для обязательного прочтения М. Ромм. С годами художественный мир Достоевского становился важной составной частью раздумий Шукшина о правде в искусстве.

Студией «Ленфильм» Шукшин был приглашен на роль Достоевского в картине о жизни писателя. Шукшин принял предложение студии, но осуществить работу над образом Достоевского в кино не успел.

«Сохранились фотографии, актерская проба — Шукшин в гриме Достоевского. Впечатление потрясающее. Оставаясь вполне узнаваемым, Шукшин вместе с тем всецело сливается с Достоевским, как бы переходит в него». (Громов Е. Поэтика доброты. — В кн.: О Шукшине..., с. 18.)

Заслуживает внимания и такой замысел Шукшина: составить «Сибирский разговорный словарь». «Большущим делом» называл Шукшин необходимость составления такого словаря.

«Чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно-давно пора открыть и выгрести все добро и раздать». (Шукшин В. Ненаписанная автобиография. Материал подготовил Андрей Хонтов, Смена, 1975, 19, с. 26—27.)

«На съемках фильма «Они сражались за родину» он не переставал думать о собственной будущей картине, подыскивая для нее натуру, обдумывая режиссерский сценарий... Заканчивал пьесу, опубликованную позже в журнале «Наш современник». Дописывал роман». (Бондарчук С. От сердца к сердцу. Искусство кино, 1980, 5, с. 99.)

2 октября Василий Макарович Шукшин скоропостижно скончался. Его нашли мертвым в каюте теплохода «Дунай», которую он занимал.

«Закончились съемки на Дону в начале октября. Последние дни прошли как в тумане. В ночь с первого на второе октября неожиданно оборвалась жизнь Василия Макаровича Шукшина. Это было страшно. Накануне его смерти мы вечером смотрели по телевидению матч наших хоккеистов с канадцами, разошлись по своим каютам. А утром, когда пришли будить его, Шукшин лежал холодный. Смерть настигла его во сне. Сердечная недостаточность, — сказали врачи. Не описать наше горе». (Никулин Ю. На Дону. — В кн.: О Шукшине..., с. 253.)

В. М. Шукшин похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

7 октября в Центральном Доме кино состоялся траурный митинг, на котором выступили председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш, народные артисты СССР С. А. Герасимов, С. И. Ростокский, В. В. Санаев, Г. В. Александров, писатель Ю. В. Бондарев.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги В. М. Шукшина в развитии советской литературы и искусства. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, удостоен звания лауреата Государственной премии СССР, лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых.

Посмертно В. М. Шукшину присуждена Ленинская премия.

* * *

Именем Шукшина названы улица в селе Сростки, улица в городе Барнауле, Сростинская средняя школа и Центральная библиотека в городе Бийске, пассажирский теплоход Обского речного пароходства, сухогруз Дунайского речного пароходства, ледник на горе Белухе в Горно-Алтайской автономной области. Во ВГИКе учреждена стипендия имени Шукшина. В селе Сростки работает музей Шукшина, филиал Алтайского краеведческого музея. Ежегодно — в день рождения писателя — на родине его, в с. Сростки, проводятся Шукшинские чтения.

«Шукшин, как бы ни была коротка его жизнь в искусстве, помог нам еще раз взглядеться в таинство жизни, в самих себя — и увидеть, понять нечто такое, без чего бы мы стали бедней». (Г. Горышин.)

«Ушел из жизни большой художник. Это ошутимая потеря для советской литературы и искусства. Для нас же, земляков Василия Макаровича, это особенно горькая потеря. Ведь в его книгах и фильмах не раз воссоздавались прикатунская деревня, Чуйский тракт, Бийск, возникали образы сельских жителей Алтая». (Юдалевич Б. Сердце художника. Алтайская правда, 1974, 12 октября.)

«Он построил храм духа русского человека, в котором найдет очищение и обогащение каждый россиянин». (В. Севастьянов, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. Запись в книге посетителей музея Шукшина в Сростках.)

Павел ЗАБЕЛИН

СТИХИ: РОЖДАЮТСЯ ИЛИ ДЕЛАЮТСЯ?

1

В самом деле, стихи р о ж д а ю т с я или делаются?

Если вспомнить гегелевскую эстетику, то поэзия от прозы (всегда преднамеренной) отличается произвольностью чувства, равно и мысли.

Большие чувства, большие мысли, большая культура художника, конечно, всегда будут иметь своего неизменно признательного сопереживателя. Ясно, непреложно. Однако «в чем сегодня поэзия уступает прозе? В социальной и нравственной глубине обобщений, в крупных планах, в масштабе»¹, — утверждает Ал. Михайлов.

К современной поэзии претензий предъявляется достаточно много на страницах центральных газет и журналов. Рассматривая альманах «День поэзии 1981», Ал. Михайлов резюмирует: «Поэзия не только помудрела, но... и постарела», в ней «поубавился пыл жизнотворчества, жизнедеятельности. И вряд ли можно найти оправдание вялости чувств и лености ума перед лицом жизни»².

Еще более суровый приговор звучит в диалоге критиков А. Бочарова и Е. Сидорова: «Предполагается, что критика порой говорит больше, чем это есть в чьих произведениях, я прежде всего имею в виду критику поэзии. Она сегодня сильнее, чем сама поэзия»³.

Это упреки в адрес содержательности, лирического героя стихотворений и поэм минувшего десятилетия. Что и говорить, неутешительный итог.

Что же очевидно?

Поэзия минувшего десятилетия, испытывавшая сильное влияние Николая Рубцова, вступила в полемику с громкой «эстрадной поэзией» 60-х (Е. Евтушенко, А. Вознесенский). Нет, не подвергались какому-либо сомнению сами основы, в том числе гражданские, творений «шестидесятников», довольно боевых, стилистически привлекательных. Очевидна и перекличка «молодых да ранних» с недавними «пророками», как справедливо отмечает Ал. Михайлов. Однако очевидно и другое: искусство со времен лессинговского «Лаокоона»

не должно кричать, забывать о мере прекрасного, об естественности голоса своего, когда стихи рождаются, а не делаются только, когда стихи не кричат, не бьют себя в грудь. О полемическом явлении Николая Рубцова уже в самом начале 60-х убедительно говорит Валерий Дементьев: поэт «отвергал прямолинейность, отвергал стихи, в которых заранее все ясно, в которых нет поэтического кредо. Поэзия есть поэзия, говорил он, там, где ее нет, не к чему обманывать других, требовать «особого подхода», свисаться на гражданственность и актуальность темы»¹.

Можно также заявлять о внимании Н. Рубцова к национальным основам бытия, той самой «тихой родине», душе ее, которая «хранит былую красоту» и противопоставит «поэтическим позам и манифестам» (С. Сидоров); однако самая главная общелитературная заслуга автора «Звезды полей», на наш взгляд, состояла в этом решительном заявлении: поэзия есть поэзия, поэт должен чувствовать всю многомерность, всю таинственность живого и сущего, свою связь с ними. Так заново возвращались в поэзию, в сознание целого литературного поколения Тютчев, Есенин, Блок с их строем чувствований, мотивами, темой России, органичностью стиха, лирического самовыражения и самой личности автора, вызывавшей «полное доверие к ней со стороны читателей» (В. Дементьев). Поэзия есть поэзия — о том почти каждая строка Н. Рубцова:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...

А вот новые строки из того же сборника «День поэзии 1981», принадлежащие одному из знаменитых представителей «поэзии манифестов»:

Когда черти с хохотом
вас подвесят за ноги,
— Что еще вам хочется? —
спрыснут вас под занавес.
— Дайте света белого,
дайте хлеба черного
и еще отечество безотчетное!

Пожалуй, перед нами при полном пара-

¹ Валерий Дементьев. «Преддвернее». Исповедь земли. — М.: Современник, 1980, с. 465.

¹ Поэзия 70-х: социальный и нравственный аспекты. Вопросы литературы, 1981, 1.

² «Перед лицом жизни». Литературная газета, 1982, 1 января.

³ Это десятилетие. Новый мир, 1982, 2, с. 261.

де старые знакомые: декларация и «демонстрация силы», то есть техники сотворения строк, рассудочность. А это и преднамеренность, то есть проза.

О том же вещают и эти строки из того же «Дня поэзии 1981»:

Бок о бок с шашлычной,
шипящей так сочно,
киоск звукозаписи
около Сочи,
и голос знакомый с хрипкой несется,
и шепот подползлый:

«В продаже — Высоцкий»...

Вот почему так правомерен сейчас этот вопрос: «Стихи: рождаются или делаются?» Правомерен независимо от своего адресата, ибо поэзия есть поэзия, прежде всего, от Москвы до самых до окраин. И было бы неверно утверждать, что «не рвущие семидесятые» были унылой однообразной равниной со торжеством одной только «тихой Родины» в лирике. А куда же деть вот это: «Я пил из черепа отца...»; «Ночью вытащил я изо лба золотую стрелу Аполлона»; «Одиноким в столетие родном, я зову в собеседнике время»? Это говорит Юрий Кузнецов, пожалуй, самый что ни на есть необузданный по чувствам поэт, о ком можно яростно спорить, но кто является подлинным открытием десятилетия. Когда у нас еще появлялись такие сборники, как «Отпущу свою душу на волю»?

На гаснущий отблеск зари
Я громко ударю в ладони,
Гори, мое солнце, гори
Хотя бы на западном склоне!
Вернись из-за синих морей,
Склонись к моему изголовью,
И сердце земное согрей
Хотя бы нездешней любовью!

Разве это назовешь радостью чувств? Кроме того, это именно те самые стихи, которые рождаются. Для кого рождаются, каков твой масштаб мышления, в чем именно заключается твой облик? Как это важно, как это нужно знать поэту всю правду, о себе, особенно настоящему поэту! А ведь мы никогда не были бедны талантами.

В 1972 году, через год после гибели Н. Рубцова, ушел из жизни Алексей Прасолов, тоже поэт многостью божьей. Он писал в апреле 1968-го: «Мне страшно хочется — и давно — увидеть нечто вроде литературного обозрения нашей поэзии, как это делал Белинский. И еще — крепкого, живого русского слова с искренним чувством»².

2

Поэтам алтайским грех обижаться на то, что их мало издают. Книг выходит достаточно много. Например, Леонид Мерзлякин. «Поэмы» (1977), «Облепиха-ягода»

¹ Юрий Кузнецов. Отпущу свою душу на волю.—М.: Сов. писатель, 1981, с. 44.

² Алексей Прасолов. Мне так мало надо внешнего. День поэзии. 1981. — М.: Сов. писатель, 1981, с. 89.

(1978), «Просека» (1981); Владимир Сергеев. «Спасибо. Стихи и поэмы» (1980); Геннадий Панов. «Отрада. Поэма. Венок сонетов. Стихотворения» (1977), «Высокий полдень» (1980). Можно сказать, с одноименником явился в 1981 году Виталий Шевченко («Бессонница»). Опубликовали тогда же новые или первые сборники Н. Черкасов, Л. Ершов, В. Козодоев, Г. Рябенко, Л. Козлова. Стихи начинающих появились в сборниках «Родники» (1980), «Прикосновение» (1981). К весне выпешного года вышел из печати «Братский круг», посвященный 60-летию образования СССР. Это стихи А. Адарова, В. Башунова, Б. Бедюрова, Г. Володина, Ф. Больгера, Г. Кондакова, И. Пантюхова, М. Юдалевича и других поэтов. Появившийся в альманахе «Алтай» «Портрет реки» дал название новому сборнику А. Роднонова (1982). Это всеоюзное массовое явление стихов на книжных полках Ал. Михайлов называет показательно нормальным развитием современной советской поэзии, ставя под сомнение масштабность авторского мышления.

Поэзия есть поэзия, и начинается она далеко не с бегства в широкошумные дубравы, где можно привести в гармонию свой ритм, свое мироощущение в свете социального и эстетического идеала времени. Прекрасно есть жизнь во всей ее многомерности и многошумности («трубит ли зверь в лесу, гремит ли гром, поет ли дева за холмом»). Времена сместились и сблизились в своих вечных общечеловеческих ценностях и вечных вопросах жизни и смерти, смысла личностно-человеческого явления на свет. Родина, прошлое и настоящее, природа, земля родная, народ, человек, лучшие заветы предков, память народная, столкновение сельского и городского укладов жизни, «отцы и дети» — куда деваться думающему читателю от этих тревог, тем, размышлений! К любому автору даже самой маленькой тоненькой книжечки идешь за большими и тонкими чувствами, за естественностью поэтического голоса — с этого начинаются стихи. От личной ответственности за все в этом мире, за историю, недавнюю и грядущую, могут явиться эти немудрящие строки:

Мне охота куда-то брести, брести,
Ощущая весь мир и свой собственный остров,

Мне охота найти и опять обрести
Тот единственный, мною потерянный остров!

Не изменим традиции из уважения к авторскому труду. Поговорим вначале о темах, мотивах ведущих, с чего начинается страна поэта. Обзор есть обзор.

3

Поэзии, стихосложению многое подвластно при условии: искренность, слиянность чувства и мысли, достоверность переживания — это образ, строй, ритм твоего времени.

¹ Леонид Мерзлякин. Островитяне. Поэмы. Алт. кн. изд-во, 1977, с. 64. тельство, 1977, с. 64.

Александр Блок, двигаясь со своим лирическим героем навстречу истории, заметил эту суровую непреложность: «Раз ритм налицо, значит, творчество художника есть отзвук целого оркестра, то есть — отзвук души народной. Вопрос только в степени удаленности от нее или близости к ней»¹.

Авторы алтайские, каждый на своей лад определенный, дорожат ритмом своего времени. Они — в пути. Пишутся стихи-заметки, стихи-зарисовки, стихи-притчи, и прежде всего в них — память об отцах и дедах, судьбах народных и планетарных, край отчий, размышления о целостности любви и дружбы. Есть и общие учителя: Василий Шукшин, Николай Рубцов, побывавший на берегах Катуня, Александр Твардовский. Называя современные мотивы и ритмы алтайской поэзии, будем помнить о «старших» — М. Юдалевиче, В. Сергееве.

Владимир Сергеев создал циклы «В трудный путь на добрые дела», «Долгожданная встреча», «Вместе с вами», к ним можно прибавить поэмы «Ручеек», «Кардиограмма» — это неоплатный долг мальчишек военных лет перед отцами-пахарями-воинами, перекличка судеб и времен эпохи грозовой октябрьской? Поэт не всегда заботится о своем синтаксисе, благозвучии стиха, есть скороговорочка рифмованной заметки, но он в пути со своими чувствами, ритмами, он достаточно пошagal по жизни, у него особое право на это заявление: люблю людей честных и открытых, ненавижу приспособленцев («Моя трибуна», «О надгробных речах» — из поэмы «Кардиограмма»). Российского писателя покоен веков делала художником совесть перед народом, мужиком-пахарем. Да, надо так обращаться к своему современнику:

Будь великим земледельцем,
Будь кормильцем на земле.

Строфою ранее:

Если песня, что не спета,
Зарождается в крови,
Как Ромео и Джульетта,
Будь велик в своей любви.

(«Великая Отечественная»)

Поэта без общей радости, без общей боли, боли за человека, не бывает. На переднем плане всех сборников — приобщение к народной памяти о войне, людскому и всемирному братству.

Для ветерана, которого судьба всегда держала на передовой, большое символическое Время — его Время, его слитный голос:

Безусьй,
в прожженной шинели,
Отчизны солдат и дитя,
Я верил в бессмертье сильнее,
Чем целую вечность спуста.
Я только не верил в могилы.
Казалось: чуть звезды взойдут,

¹ А. Блок. О литературе. М., 1980, с. 185.

² Владимир Сергеев. Спасибо, Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1980:

И встанут мои побратимы,
И следом за нами пойдут¹.

Судьба солдатская, российская!..

В стихотворении В. Шевченко «После боя» есть природная завязь: когда естественно и какая-то небрежность: просторность песни. Так воспринимаются первые две строчки, дань экспозиции: «Последний бой — так показалось... Прижат, повержен, сломлен враг». Далее — победа, белый флаг над вражеской сопкой, солдаты сделали свое дело.

А между ним и между нами
Враскид, как гильзы на столе.
Еще с открытыми глазами
Лежат солдаты на земле.
Они свое сказали веcko.
Их беспредельна правота...
Между живым и мертвым резко
Легла суровая черта.
Мы молча им глаза закроем
И всколыхнем салютом высь,
И запыхим походным строем,
Приговоренные на жизнь².

Это поэтическое произведение — это естественность ускорения, когда дыхание может быть прерывистым и некогда подумать о внешнем виде. Стихотворений, подобных «После боя», немало в сборнике: «Вдовы», «В кювете», «Возвращение», «На пепелище», «Вы, как боги», «Фронтовые братья», «Я стал седым» и др.

Человек следующего поколения, мальчик военных лет, Владислав Козодоев напишет «Отцовский подарок». Отцы принесли с фронта первым подарком звездочки красные, чтоб и «звезды сквозь жизнь, не сгибаясь, нести нам, и красными детям своим передать»³.

Геннадий Панов в поэме «Сын села» отмечает:

Мир пропах черемухой снова,
И рассеянные по фронтам
Воротились не все в Паново,
Каждый третий остался там⁴.

Накрепко и жестко, без игры в образы, запомнит Геннадий Панов, как соседскому корешку Женяке дядя в шинели принес последний отцовский подарок — «кругляш тот белый, как мел» («Сладкий пряник»).

Людмиле Козловой, автору первой книжечки стихотворений, хочется представить своих уже далеких сверстниц того грозового года с их многотрудной и неповторимой судьбой:

Слышишь? Рельсы гудят.
Слышишь? Трубы запели.
Пощелуя тебя
в тополиной метели.

¹ Виталий Шевченко. Бессонница, с. 184.

² Там же, с. 55.

³ Владислав Козодоев. Гречишные поля, с. 6.

⁴ Геннадий Панов. Высокий полдень, с. 67.

И пронзительно-нервно
в сердце вклинится боль —
как бы там, в сорок первом,
я простилась с тобой¹.

Поэтессе при взгляде на три креста в
овсяном поле чудится, как три мужицких
души «грустят от дома вдалеке».

Не вернулся с войны старший брат, а
другой пришел с протезом. «Сверкала не-
естественно рука... Был вкусный хлеб воен-
ного пайка»².

Надо, надо помнить, помнить!..
Пусть с этого всегда начинаются

стихи.

Помнить, но не перепевать.

4

В цикле «С улыбкой» В. Сергеев пишет:

У меня украли бога,
Знать, куда ему дорога:
Потому что с давних лет
Кроме дела бога нет.

Видимо, близость к Востоку, кладезям
алтайского эпоса, казахской, персидской
поэзии, а скорее, гражданская, просто жи-
тейская наблюдательность способствуют
повлечению у наших авторов философских
мотивов.

В. Шевченко на протяжении доброй тре-
ти своего сборника прозрачно, с улыбкой,
порой усмешкою в свой адрес грустит по
поводу груза лет, сладостно-горькой «пре-
ходящести» века твоего земного, но это не
грустная философия. Это вера в торжест-
во добра жизни, воли человеческой. Поэт про-
сит у судьбы посылной ноши, чтобы тяже-
сти не перекладывать на других, чтобы
шли «по жизни вместе сплав прозрения с
блеском прямоты». Высший подвиг на зем-
ле — не оборвать великого единства про-
стора с сорочьим хвостом; даже само Вре-
мя может стать подвластным, ибо можно
упасть и лететь над землей «соринкой, ис-
кринкой, веселой звездой». И вечная фило-
софия Экклезиаста может зазвучать по-но-
вому.

ПРОХОДИТ ВСЕ

Да, все пройдет...

От этих откровений,
Однако, не спугнутся Земля:

Проходит все,

чтоб дождиком весенним
Вернуться на продрогшие поля...

Г. Павлов рассказывает обыкновенную
историю, как «порешили прирезать быка»...

В доме жаркими шами запахло. И впрок
Первотельш в хлеву ткнулся матери

в бок.

Это — пронзительно.

Вспоминаются есенинские собаки, один
из «Кратких рассказов» Ивана Бунина, где
мальчик приходит с матерью на рынок, в

¹ Людмила Козлова. Дикая
мальва, с. 11.

² Леонид Ершов. Горит окно,
с. 10.

мясную лавку, видит мясные туши, подве-
шенные на крючья, и слушает страшный
спор матери с хозяином по поводу телячьей
головки («Телячья головка»).

Сколько же в быту человеком узакон-
ненной и немечаемой подчас жестокости!

Истинно человеческий «Исток души»
(Н. Черкасов) — это: «чтоб человек остал-
ся в человеке», «чтоб не заменила друга
пухлая сберкнижка», это то общечеловече-
ское, что так гениально воплотилось в ко-
лесо, без которого и в космосе не обош-
лись.

Л. Мерзликин философски неприветлив
к этому миру суетному, где надо все вре-
мя бежать по кругу, «как лошадь в мыле»,
где «земля большая, а места мало». Боль-
ше всего поэта радует «Весенняя роща»:
«Ни комаров, ни мух тебе, ни радио». Зем-
лю Л. Мерзликин, в отличие от своих со-
братьев по перу, не назвал а большой
буквы. Любит он ее, однако, не меньше,
чем другие. Он по-своему жаждет прочно-
сти жизненной. И поэтической — тоже.
Максималист, как говорится.

5

Стоп!

Может, мы зарাপортовались, захвали-
лись по гой старой недоброй традиции, ко-
торую в диалоге «Это десятилетие» Е. Си-
доров назвал «рецензионным потоком пато-
ки», создающим «картину фантастического
благополучия и всяческого подъема при
отдельных и нетипичных недостатках?» Но
мы говорим о благородных удачных моти-
вах в местной поэзии вовсе не из одного
желания всепременно защитить, возвы-
сить ее, приобщить к всесоюзным Гимала-
ям. По своим идеям, темам и формам поэ-
зия наша вся едина независимо от место-
нахождения: «Наш адрес — Советский Со-
юз». Да, есть величины первостепенные и
второстепенные по художественному уров-
ню. Без линии «второстепенных» история
любимой литературы имела бы куцый вид.
Принадлежность к методу социалистическо-
го реализма, однако, не обеспечивает ав-
томатически желанной писательской обоймы.
Совершенно ясно, что стихи должны рож-
даться. Деланных стихотворений и
строк быть не должно, хотя они и требуют
непрерывной ювелирной работы.

Настоящее начинается, рождается от
высокого чистого помысла, глубокого истин-
ного чувства. Идея преемственности народ-
ной культуры чувств и побуждений, народ-
ной нравственности как общечеловеческой,
совпадающей с подлинно коммунистической,
крестьянская мораль как точка отсчета (по
Шукшину) суть отправная, изначальная
высших достижений нашей «народной про-
зы» (мы позволим себе употребить такой
термин вместо прошедшего к нам из вуль-
гарно-социологических времен термина «де-
ревенская проза»). «Народная» — значит,
созданная пером вчерашних крестьян, ра-
бочих, верных идеалам предков-землепаш-
цев, поэтизирующая дом и труд мужицкий,
вековой па родимой пашне.

Строки, которые мы приводили из произ-
ведения алтайских поэтов, свидетельствую-
т о помыслах больших, тревогах всена-

родных, чувствах коллективистских, искренних. Это привлекательно. Это достоинство общее. Но поэзия есть поэзия. Она должна очаровывать. Она стремится к совершенству. Она против привязывания актуальной темы к размеру, скажем.

Первый грех, когда стихи неждаются, а делаются только — рассудочность, рационализм, выполнение заданного плана с помощью одной описательности. Второй грех: невысказательность, пренебрежение к звуковой организации, поэтическому синтаксису строки.

Вот стихотворение «Судьба» многоопытного Виталия Шевченко из сборника «Бессонница»:

Через детский сад
впорхнула в школу,
Пронеслась, как вихрь,
из класса в класс.
Встретила любовь свою
и снова
В жизнь, как в чисто поле, унеслась.
Сына подняла. Война...
Расстались.
Похоронка со свинцом была.
...Жизнь
одним мгновеньем показалась,
Взмахом перебитого крыла.

Все эти строки хотелось бы выделить курсивом или разбивкой, но приходится ставить знак вопроса.

Эти стихи, рожденные одной мыслью, заданной себе, рассудочностью, суть стихи деланные. Это проявляется в описательности, которую надо спасти только и обязательно ударной концовкой: **взмахом перебитого крыла**.

Описательная лирика существует как жанр, например, пейзажные стихотворения — «Белеет парус одинокий», «На севере диком стоит одиноко...». Однако описательность — это не монотонное перечисление имен и подробностей. Описание и в прозе является поэтическим, то есть картинным, эмоциональным, выразительным по использованию основного языка поэзии — эпитету, тропу, словом, как и все в искусстве, это отбор прежде всего. Это мир емкого многообразия речи («Что ищет он в стране далекой?»). В противном случае перед нами горестная, однообразная равнина описательности, сплошного прозаизма.

Стихотворение «Судьба» при доброй мысли, метафорической концовке именно рассудочно, описательно даже при всех своих скромных размерах. Это перечисление имен без признаков, заезженные сравнения, однообразие речи, немusыкально организованной: «Сына подняла. Война... расстались...»

Рассудочность, описательность, невысказательное отношение к звукотехнике в разной степени приметны в стихах Л. Ершова, Г. Рябченко, Н. Черкасова, В. Козодоева, В. Сергеева. Мало стихотворений, органичных по чувству и мысли, по индивидуальному лирическому самовыражению. Прямо-таки изобилие, весеннее половодье стихотворений деланных. Чем не прекрасна по замыслу вот эта баллада Николая Черкасова, но какое пренебрежение здесь к

поэтическому языку, прямо-таки непонятная авторская глухота к слову:

Солдат с войны калекой **возвратился** (?)
с пустыми рукавами под ремнем.
Но от людей он не **отгородился** (?),
не заливал беду свою вином.
Приладив самодельные протезы,
он научился — этак лет за пять —
писать, тесать, паять, фигурки резать
и даже на досуге вышивать.
Не знаю, по любви или по совету,
судьба его с одной вдовой света,
но точно знаю то, что семье агу
боготворили женщины села.
Он был, бесспорно, сильным человеком
и милости у жизни не просил,
порой жалел **лишь**, что жену и сына
он на руках ни разу не носил¹.

Вроде спорить и нельзя. А сколько здесь невыразительных, проходных строк, хотя по мысли, повторяю, стихи и не вызывают сомнений.

Торопимся торопимся: через омут описательности к пробковому поясу ударного окончания. Но это не спасет — и концовка остается концовкой, а стихи стихами, если они есть. Шедевры мировой лирики — «Лесной царь» Гете, «Пророк» Пушкина, «Парус» Лермонтова, «О доблестях, о подвигах, о славе» Блока — это куски сверхплотной одухотворенной материи, маленькие пульсары, которые в тысячу раз меньше обычных звезд и во столько же раз тяжелее.

Виток—слиток—звезда! — все едино в гармонии.

Участник седьмого Всесоюзного совещания молодых писателей Александр Родионов одарил нас новым поэтическим сборником «Портрет реки», где много хороших строк, приметных по мысли («Степные письма», «Сыну», «Баллада о Сивке», «Мимо матово-белых корней, мимо бакенов белого цвета», «Непонятную радость пьян» и другие). Но что из этого следует:

Непонятную радостью пьян
Целый день одиноко ликую.
Восхваляю цветущий бурьян,
Захлестнувший поляну лесную.

И далее:

Ей красот не прибавит хвала,
Ей хула не прибавит уродства.
И поляна цветет, как цвела
Под незримой звездой первородства.

При всей ритмической четкости автору, однако, не удалось избежать описательности, рассудочности, неточности мысли (и зрения), поэтизации «цветущего бурьяна» — это же от рассудка, от преднамеренности, ничего не говорящие «незримые» строки («ей красот...»), пренебрежение к звукотехнике, надежда на спасательный круг все той же последней строки.

«Степные письма» — довольно живой репортаж о работе обских поисковиков, хранителей воды в Кулундинской степи, о

¹ Николай Черкасов. Исток души, с. 9.

приобщении лирического героя к труду, жизни чабанов, степных жителей, к чуду земного счастья. Но как всякий репортаж — это осуществление преднамеренности, вялая описательность, которая ничего общего с поэзией не имеет. Пусть поэт всегда будет в дороге, всегда идет к людям, но пусть он не толкует поэзию как прямое информационное сообщение о том или ином событии на заданную тему. Красота — в гармонии, созвучии оригинальной идеи-темы и оригинальной содержательной формы. Воображение поэта должно быть поэтическим, то есть подвижным, многокрасочным и многозвучным, творящим образы. Но что могут сказать вот эти строки В. Сергеева:

В трудный путь, на добрые дела
Сквозь огни и воды ты отправилась.
Чингиз-хана ты пережила
И Наполеона прогнала.
С Гитлером-злодеем тоже справилась.
На других не хочешь уповать,
Не теряешь удалых традиций —
Ты умеешь честно воевать
И по-настоящему трудиться!

Информационность, все та же вялая описательность, отсутствие свежей мысли, наконец. Немало похвалив по свету, Владимир Сергеев вспоминает встречи с теми, кого любит всей душой — первопроходцев, пастухов, тружеников Чукотки, однако зачастую это именно просто описания памятных встреч. Вот встреча с суровой романтикой Заполярья, когда надо пробираться во мгле вьюжной; вот тебя приютила, как сына, добрая женщина, вот герой с пастухом Айметом попал в пургу, выбился из сил, Аймет спасает нашего героя, дотащив его на себе до жилища. Перед нами жанр путевой зарисовки с одомерным героем. Повествовательный элемент, сюжет замыкаются описанием эпизода, без художественного осмысления и самодвижения. Это не «езда в неизвестное», а скорее — ходьба в никуда.

6

Повествовательный (эпический) элемент хорош в своем жанре — песне, думе, сказании, притче, когда есть жизненность содержания, естественность помысла и изложения. Алтайские поэты тяготеют к повествовательности, песенному строю чувств. Этим примечен и сборник «Братский круг», посвященный 60-летию образования СССР. Естественность песни о родных горах, братских чувствах свойственна поэтам Горного Алтая. Стихи, которые рождаются, — слог кайчи, слог сказания, импровизации. Под этими строками Аржана Адарова могут, наверное, подписаться Эркемен Палкин, Бронтой Бедюров, Шатра Шатинов, Паслей Самык, Борис Укачин и другие алтайские поэты:

Подвижники в углы глухие шли
И свет сердец и дружки нам несли,
И умирали на краю земли,

1 Владимир Сергеев. Спасибо, с. 6.

Презревшие богатство и почет,
О русский удивительный народ!

В исторической песне, в были народной преднамеренность не вредит повествованию, она на своем месте. Это живое явление культуры народной, морали вековой, хранящей самые добрые заветы предков наших. Естественность думы о судьбах России, ее сыновей, рубцовской Тотьме, шукшинских Сроствах отличает стихотворение Геннадия Панова с характерным названием «Холмы и думы»:

Россия с неоглядными полями,
ты ископч, пречистая, как Мель,
своими обходила сыновьями
и не ходила хлеба занемать.

Чеканно звучат строки Владимира Васьмунова «Россия» при известной прямолинейности:

О Россия, твой отблеск синий,
твой стремительный силуэт...
Не пропала, не обносилась,
ни конца, ни начала нет.

Выразительны по форме и мысли «Россия» Леонида Мерзлякина, «Сад в Кыге» Георгия Кондакова. Риторичны, однако, в «Братском круге» многие строки Константина Козлова, Владислава Козодоева, Александра Родионова, Виктора Слипечука, Николая Черкасова. Характерный пример речи прозаической, неуклюжей в стихотворении:

Пусть не единым хлебом человек
на свете жив.
Благословен вовек,
кто в этот мир пришел хлеба растить,
поверив в то, что жито — значит жить!

Верностью жанру, самодвижением образа, певучестью отмечены в сборнике стихи Геннадия Володина («Кукушка золотая»), Игоря Пантюхова («Там далеко...», «Женский карьер»), Владимира Казакова («Вот моя деревня»), Василия Нечунаева («Всадник»). Особо примечен стройностью звучания, ритмической спаянностью «Женский карьер» Игоря Пантюхова, посвященный памяти комсомолки-разведчицы Ванды Обелените. Двенадцать ржавых ступеней, два шага вдоль стен... Всегда необходимый внутренний строй стихотворения-баллады создается звуковой системой повторов, напоминающей есенинские строки о двадцати шести бакинских комиссарах:

А сверху ступени
Грохочут, грохочут.
Двенадцать ступеней,
Двенадцать сомнений,
Двенадцать восходов,
Закатов,
Затмений².

В сборнике представлены стихи авторов, пишущих на немецком языке, — Ф. Боль-

¹ Владислав Козодоев. И это лучший памятник ему. Братский круг, с. 30.

² Игорь Пантюхов. Братский круг, с. 52.

гера, Э. Каценштейна, А. Крамера, В. Шлара в переводах В. Соколова, Ю. Грунина, В. Сергеева и др. Тема народного братства, памяти о подвигах солдат российских, как правило, находит свой жанр — песня, баллада, притча («Дружба народов» В. Гердта, «Погибшим поставили памятник мы», «У могилы неизвестного солдата» Ф. Больгера. «Часы» Э. Каценштейна).

«Братский круг» венчается небольшой поэмой Марка Юдалевича «Приходит грамота в Сибирь». Это повествование о судьбе батрака Егорши Босого, прогнанного со двора мироедом Корнеем и восстановленного в правах благодаря письму Ильича. Босой, ранее презиравший грамоту, «кидается к учителю», потому как решился собственноручно написать спасибо самому Ильичу. Народная быль сносно передана своим слогом, слогом рассказчика, — когда важны сюжет, жизненность истории более, чем сама по себе форма.

Во всяком случае, многие алтайские поэты уже немало поработали в этом жанре, есть здесь свои потери, но есть и завоевания, взятые, так сказать, рубежи.

Сквозной мотив памяти, личной ответственности, совести перед людьми позволяет, например, В. Сергееву и Г. Панову строить поэмы как ряд встреч, эпизодов, раскрывающих социальный смысл жизни человеческой. Таков «Ручеек» В. Сергеева. Нам пришелся по сердцу символический образ Родника, который бежит сотни лет. Он многое видел на своем веку — видел казнь паренька-партизана, слышал разговор матери и дочери в минуту расставания, видел упорство художника, работающего от зари до зари. Фрагментарность в данном случае оправдана. Ручеек — символ живой воды, бессмертия жизни, одухотворенной ласобщиностью труда, человечности:

Он бежал лесною кромкою
С тихим дождиком в ладу,
Свою песенку негромкую
Сочиняя на ходу:
«...Вы влюбляетесь без памяти
И в пространство, и в века,
Только что вы делать станете
Без меня, без ручейка?»¹

Поэма ритмически разнообразна и едина при некотором многословии, излишестве подробностей в описаниях.

Геннадий Панов в своем сборнике представил на суд читательский сразу пять «ручейков», которые так озаглавил: «Сын села» — поэма-хроника в судьбах, «Фронт и тыл» — автобиографическая поэма, «На поле Илычевом» — поэма размышлений, «Тихий колокол» — лирическая поэма, «Первопоходцы» — исторические этюды о Барнауле. К ним вполне может примкнуть и пятерик «Посевная. Сенокос. Страда». Допуская необходимые вариации, Г. Панов строит поэмы как собрание баллад о славных предках-сибиряках, повествовательных размышлений. «Сын села» — довольно энергичный свод хронологии села Паново, его родословной: от ссыльных, каторжни-

ков, первых сеятелей сибирской таежной пашни до командиров и бойцов гражданской и Отечественной. Поэт порою зачарован дивной удалей да спинушкой могучую своих предков, умевших чуть ли не в числе едином с одним молоточком в руках справиться с волчьей стаей:

Возле дома ватага спешилась,
Голова гудит, как чугун.
Наигралась душа, нагешилась.
Открывай, Аксинья, лагун!¹

Однако ж и разгулялась, и помогла, как могла...

Спи, Степан,
мы закрыли очи
флагом цвета, как наша власть:
челoveчь — алеет,
волчьей —
почернела и запеклась.

Автор помнит о внутренних связях жанра. Фронтовые, тыловые судьбы, пути односельчан...

Где зрешь, русская сила,
где сверхсилы силы берешь,
поднимая стога на вилы,
подмятая врага — хорош!..

Надо было ее накопить, сохранить, чтобы разбить врага смертного, чтобы Евдокии Панкратьевой незаметно стать тракторной героинею, чтобы Дарье Драчевой жать вручную, зайти в колхоз да ждать с войны мужика, чтоб потом блаженному Феде-дровоколу стать надеждою бабьего Панова.

«Колло дрова!» — и все слова
у них в рабочем лексиконе...
Кладет поленицу вдова
с глазами, точно на иконе.

У Геннадия Панова есть своя манера разговора с читателем: поэт требует внимания к большим тревогам и судьбам людским, к поэзии крестьянского труда («Пятерик»), в его ритмах есть определенная «металличность», оправданная темой, идеей. Стихи нередко производят впечатление непроизвольности, крепки, ясны по мысли. Чего не хватает? Чувства? Чувство тоже нельзя изливать без меры. Тоже ведь надоест слушать, как непрерывно каплет вода из плохого завернутого крана.

Мешают уже знакомые описательность, скороговорочка, прозанзмы; есть композиционная свежесть, но есть и статичность, информационность. Во второй части «Сына села» воспроизводятся классовые битвы времен коллективизации, однако персонажи даются как бы в одной плоскости. Образ не может быть явлением только общего, давно знакомого ряда. И тысячу раз проверенный, прокатанный классовый конфликт требует свежести осмысления, может быть, полемичности со сложившейся литературной традицией.

¹ Владимир Сергеев. Спасибо, с. 117.

¹ Геннадий Панов. Высокий полдень, с. 56.

Николай Черкасов попытался раскрыть такой конфликт в «Урмане», названном сибирской поэмой. Да, перед нами живые страсти, действуют персонажи в своей социальной предначертанности: кулак Егорка Перов, комиссар, деревенский пролетарий Волдырь, многоголоса звучит потревоженная революцией, колчаковщиной деревня. Поэма воссоздает зримый облик минувшего, есть острота конфликта, крепость слога:

Над горелым распадком
кровавится запад,
всходит в небе луна
криволиная,
а в таежном селе
словно жарева запах:
«Там, в Расеи,
опять революция!»¹

Кулаки да комиссары нам давно знакомы как типы, но автора «Урмане» не упрекнушь в повторяемости. Сын кулака Егорши Перова матрос Федька возвращается с «Капиталом» под мышкой, но мало что разумеет в марксизме. Ленин для него «из сибирских ребят», «истребил богатеев, что не наших земель». Уцелел Федька в колчаковщину, теперь ходит по селу, про «капитал какой-то вспоминает». Не то анархист, не то приспособленец, который может далеко пойти, вершить судьбы села... Poleмический персонаж спорный, но черкасовский.

В 1977 году Леонид Мерзликин представил на суд читательский не одну поэму и не две, а целую книгу — девять поэм, повествующих о буднях солдатских, сельских, бытовых, дорожных историях, классовых схватках в послереволюционной деревне. Баллады «Пир», «Торг» знакомят нас с легендами о неподкупности русских девушек, удальцов из простого звания, умевших бросать вызов ханам да царям. Поэма «Островитяне» повествует о губительном вторжении механизированного человека в мудро простую жизнь символического Острова человечества. В поэмах «Кулава», «Тасья» много авторской горечи. Его герои, деревенские парни, вчерашние солдаты, ищут идеалов дружбы, любви, людского взаимопонимания и часто натываются на измены, грубость житейских нравов. Хорошо, бодро звучат строки о солдатской службе, чистых помыслах, надеждах, скромности парней в гимнастерках — «Там, за курганом», «Из армейской тетради». Одним словом, поэмы исполнены своим повествовательным слогом, и все же не всегда можно говорить о соответствии стилю жанру. «Островитяне», «Георгиевский кавалер», «Пир», «Кулава» содержательны по форме, по естественности изложения, когда сюжетная (эпическая) сущность не размывается в рифмованном потоке, а крепится именно слогом. Ходи не ходи за мечтою Кулавою, а все тянет верннуться к милому изыанному порогу:

Вот и наша оградка,
Вроде та и не та.

¹ Николай Черкасов. Исток души, с. 59.

В избу дверь для порядка
Изнутри заперта.
Постучу осторожно,
Встретит мама в слезах.
Глянет снизу тревожно:
«Что ж ты этак зачух?»¹

Здесь автор не стремится к нарочитой звукописи, стихи соответствуют повествовательному моменту, социально-нравственному конфликту. Там же, где действия нет, является в поэме прямое репортажное информирование с его многословием, растянутостью, пояснениями («Дорожная пьеса», к примеру). Поэма «Тасья» — парень пришел из армии, узнал, что подруга изменила, все же женился на ней, потом от горечи неизбежной сам загулял — при остроте конфликта неожиданно растягивается: вместо раскрытия характеров следует описательность, бескрылость информирования.

Нечто подобное происходит с добротной по замыслу, авторскими тревогами, близкими любому гражданскому сердцу, поэмой А. Родионова «Портрет реки». Поэт со всем своим стремлением к красочному слову остается в рамках рифмованно-репортажного повествования. Нас ставят в известность о встрече автора с обским старожилом, который указывает на недопустимое загрязнение реки, потом рассказывает о своей судьбе ветерана войны, о своем одиноком воеводстве за спасение Оби и т. д. Автор-поисковик разбавляет рассказ старика своими геологическими наблюдениями, затем следует такое вот заключение:

С болью старика я соглашался
И досады не пытался скрыть.
Человек о жизни сокрушался.
Слушал я.
И нечем было крыть².

Строки, которые деланны и не сделаны. Жанр оказался не подвластен творцу: путевая зарисовочка с публицистически обнаженной идеей, не более. Нет, мы не хотим обидеть поэта с его благородными тревогами, откажем ему в праве писать поэмы — путевые картины, репортажи. Возможности любого жанра не ограничены. «За далью даль» А. Твардовского — тоже путевой репортаж поэта. Но именно — поэта. Эпические размышления и чувства в своей слитности должны давать художественный строй, оригинальность авторского самовыражения, чеканность повествования. Только не в лоб, только не от одного разума!

7

Итак, стихи: рождаются или делаются? В прошлом году появился на свет превосходный томик из серии «Любителям российской словесности»: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. Это славянофилы, изрядно затюканные в нашей отечественной истории, и речь не о том. Это критики с примечательной эстетической целостностью суждений о поэзии.

¹ Леонид Мерзликин. Поэмы. 1977, с. 22.

² Александр Родионов. Портрет реки. 1982, с. 59.

В очерке «Федор Иванович Тютчев» Иван Сергеевич Аксаков так определяет основные черты чистого поэтического дарования и видения: «Он ничего не выдумывал, а только **выражался**. Он не был тем маэстро, тем художником-хозяином в поэзии, каким, например, является Пушкин, этот полновластный распорядитель звуков и форм, разнообразно направлявший силы своего гения по указанию свободной поэтической воли, умевший творить не одним мгновенным наитием вдохновения, но и медленным вдохновенным трудом. Да и у всех поэтов рядом с непосредственным творчеством слышится **делание**, обработка. У Тютчева деланного нет ничего: все творится»¹. Не поскупились еще на одну выписку:

«У Тютчева, наоборот, поэзия была той психической средой, сквозь которую преломлялись сами собой лучи его мысли и проникали на свет божий уже в виде поэтического представления. У него не то что **мыслящая поэзия**, — а поэтическая мысль не чувство рассуждающее, — а мысль чувствующая и живая. От этого внешняя художественная форма не является у него надетой на мысль, как перчатка на руку, а сплелась с нею, как покров кожи с телом, сотворена вместе и одновременно, одним процессом: это сама плоть мысли»².

Эти заключения совпадают с идеями Белинского, развиваемыми в статье о стихотворениях Бенедиктова (необходимость чистота и мысли).

Предвидим возражения: «К чему такие высокие примеры? К тому же это Тютчев, едва ли не эстет. А у нас коксохимия, повседневность».

Не будем забывать про заветы отечественной эстетики, в особенности, когда она касается самой сердцевины, самой тайны слияния поэтического содержания с поэтической формой.

Итак, стихи, как явление чистой поэзии, должны **рождаться** и могут **делаться**, но **делаться** вдохновенно распорядителем звуков и форм. **Делание** стихов не должно рождать **деланных** стихов, когда канонический размер надевается на тему, на идею.

Мы бы не хотели становиться в позу, учить поэтов выбору имен, эпитетов и глаголов. В этом деле, надо полагать, любой из наших авторов превосходит нас, читателей. Но мы всегда будем на страже извечных законов искусства, наш маленький пафос продиктован делением времени видеть поэзию настоящей по всем ее родовым приметам. Поэзия есть поэзия. Пусть же поэт не говорит прозой, не умничаёт, любуясь некоей тонкостью своих наблюдений, которые ведомы любому образованному человеку. Пусть поэт не обманывает себя, не льстит себе. Поэт должен родиться. И лишь потом позволительно надеть для начала школьную рубашку стихосложения, помня, однако, что жизнь, мир человеческий, стихи настоящие в школьную или даже университетскую грамматику не укладываются.

В вялости чувств, лениности мысли наших поэтов не упрекнешь. Они все, как на подбор, яростные противники бездумного отношения к природе-матушке, мещанских мирков, проповедники чувств братских. Они хорошие повествователи, умеют при случае философски улыбнуться. Более того, они все до единого пишут стихи культурные, у каждого есть удачные строки, у одного больше, у другого меньше, но есть.

Большие мысли и тревоги века не пройдут мимо поэтов наших, но далеко не всегда они становятся **своими**, эти мысли, «знакомыми незнакомцами». **Деланные** строки, «строки-искусственники», рождаются от запланированности, рассудочности, когда автор следует за своим замыслом только внешне, облекая знакомую идею в перчатку размеров, троп и эпитетов. Вспомним Алексея Прасолова: «Мне так мало надо внешнего. Я ненавижу, когда его много и за ним — ничего. Это уводило меня отовсюду, уводило со всеми последствиями. И день и мир как он есть — это не то, что я должен брать и вносить в стихи. Нужно обострение внутреннего видения»¹.

Без внутреннего зрения, без озарения, прямее сказать, в стихах твоих будут торжествовать «день и мир как он есть», т. е. без преобразования, описательность, заземленность, фактографичность, когда нет полета «чувствующей мысли», органичности поэтического самовыражения.

Творчество многих алтайских поэтов развивается под осязаемым влиянием Николая Рубцова. Ему слагают песни Г. Панов, Б. Укачин, можно сказать, все. Однако у «тихой поэзии» следует учиться не только форме, а прежде всего пронзительности лирического голоса, жгучей рубцовской связи со всем живым и сущим, эстетической стихии света и цвета, национальным и всемирным основам бытия. «Предвечерние» мотивы поэта, наверно, требуют преодоления. «Высшим мерилом индивидуальности для Рубцова была нравственность и духовная глубина», — пишет автор замечательного эссе о поэте Валерий Дементьев¹.

Стихи рождаются. Стихи делаются. Делаются по душевной глубине, выискательным распорядителем звуков и форм. Только в этом случае они становятся фактом искусства, а еще точнее — поэзией.

¹ К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. — М.: Современник, 1981, с. 328.

² Там же, с. 344.

¹ День поэзии. 1981, с. 90.

² Валерий Дементьев. Предвечернее. Исповедь земли. — М.: 1980, с. 484.

Владислав КОЗОДОВ

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. БАЗДЫРЕВА

Он не знал большой литературной славы. Село Сафроново в Баевском районе, где родился писатель, не стало местом паломничества любителей литературы. Но книги его читают, не иссякает интерес к ним и взрослых, и молодежи, и детей. Недавно я побывал в селе Покровском Краснощековского района. В сельской библиотеке на полке с произведениями алтайских писателей наиболее зачитанной оказалась книга А. Баздырева «Конец Нахаловки».

Именно с этой повестью и у меня началось знакомство с творчеством Александра Григорьевича. Написанная в 1958 году, она выдержала много переизданий и сегодня читается с неослабевающим интересом. Я всегда задумываюсь о секрете нестареющих книг. В чем он? Почему одни книги, и написанные как будто на вечную тему, не успевают появиться на прилавке, устаревают, а другие живут долго и волнуют так же, как и в момент их выхода? Если говорить о повести «Конец Нахаловки», то мне кажется, что столь устойчивое читательское внимание к ней объясняется прежде всего конкретностью добра и зла, писательским предвидением особой общественной опасности мещанства, приспособленчества.

Недавно в газете «Известия» была напечатана статья украинского писателя Виталия Коротича, в которой были такие слова: «Порой мы не в первую очередь успеваем отреагировать на то, как шустрые комарики скользят над морем житейским — не верится, что могут быть среди них малярийные. Но там, где появляется болото, нагледят и комары...»

О том же самом говорится в повести «Конец Нахаловки», с одной лишь разницей, что написана она была четверть века назад. Уже тогда писатель ответил на многие вопросы, не утратившие злободневности и сейчас.

Мещанство вредно своим разлагающим влиянием на окружающий мир. Апологет Нахаловки Аграфена Игнатьевна воинственно проповедует свой образ жизни, суть которого — как можно больше получить от людей и как можно меньше дать им. Соприкоснувшись с этой моралью и поверив ей, погибает дочь Аграфены Игнатьевны, попадает в тюрьму внук Сева. В разговоре с Верой — одним из положительных героев повести — Сева пытается доказывать какое-то право на ничегонеделанье, право

жить за счет других. «Врешь, — говорит Вера племяннику. — И в первую очередь себе врешь. Лодырь ты! Понимаешь? Самый настоящий лодырь, только с претензиями. И напрасно ты боишься признаться себе в этом, напрасно выискиваешь лазейки и оправдания. Лучше скажи себе прямо: «Я хочу вкусно есть и пить, но не хочу работать, приносить в дом эту пищу».

Александра Григорьевича по праву можно назвать писателем-публицистом. Страстным публицистом. Таким он был по складу характера, по своей жизненной позиции. Многие на Алтае помнят его фельетоны, часто появлявшиеся на страницах крайних газет, где он, как позднее в литературных произведениях, боролся с явлениями, которых никак не мог принять.

С Александром Григорьевичем мы познакомились в 1962 году, когда он был избран секретарем Алтайской писательской организации. Только за год до этого его приняли в Союз писателей СССР, и, мне кажется, он тогда все еще чувствовал себя начинающим литератором. Возможно, поэтому его так тянуло к молодежи. Он любил стихи, знал на память Тютчева, Есенина, Маяковского, земляка своего Ивана Фролова, жившего когда-то по соседству с Баевом, в Кулунде.

Как-то я привез ему в Донецк, где он жил последнее время, сборник Леонида Мерзликина «Лада». Не открывая книги, Александр Григорьевич начал читать стихотворение «Крутояры»:

Ты один у меня, мой земной уголок,
с крутоярами синими, тихими плесами.
В эту осень к тебе я добраться не смогу
ни пешком с батошкой, никакими
колесами...

А разве не поэзия его собственные строчки, посвященные Алтаю, — скажем, вот такие: «Сани поднялись из продолговатой, как большое корыто, ложины, и впереди показалась, словно перевернутая кверху зубьями пила, темная кромка бора, а затем неожиданно, словно из-под снега, выросла деревенская улица. Низенькие домики, укрывшиеся за сугробами, издали казались большими скворечниками, которые кто-то сделал, но забыл повесить на деревья».

И в Донецке не прерывались его творческие связи с Алтаем. Последние годы он

писал роман, посвященный гражданской войне на Алтае. Донбасс и Алтай он связывал воедино, ведь многие участники революционных событий в Донцке в 1905 году, спасаясь от преследований царского правительства, скрывались на Алтае, чтобы зайти о себе в грозном 1917 году.

«Смерть противна человеческому существу, — писал А. Г. Баздырев в одном из своих очерков. — Даже решаясь на поступок, который, казалось бы, неизбежно должен привести к гибели, сильный человек не может и не хочет мириться с тем, что солнце завтра взойдет и закатится без него. Он не теряет надежды остаться живым и нередко остается».

Таким человеком был А. Г. Баздырев, и таких людей мы находим во многих его очерках, повестях, рассказах. Это академик Лисавенко, хирург Чеглецов, рядовой Владимир Смирнов, хлебороб Семен Пятниця.

Удивительна теплота, с которой Баздырев писал о полюбившихся ему людях. Они были его друзья. Недавно в Павловске встретился я с управляющим Павловской сельхозтехники Иваном Семеновичем Пятницей, сыном знаменитого Семена Пятницы. И когда спросил его о Баздыреве, в глазах Ивана Семеновича засветилась теплота.

— Он ведь в нашей семье был как свой, — сказал он. — И потом, когда ушел, часто писал письма. А когда в Донцке был слет трудовых династий, он разыскал нас, пригласил к себе в гости.

Династия Пятниц А. Баздырев посвятил документальную повесть «Кулундинская быль». В предисловии к ней он пишет:

«За этой семьей, завоевавшей широкую популярность не только на Алтае, но и далеко за его пределами, я не то чтобы очень вблизи, но пристально и с неослабевающим интересом следил около двадцати лет. Написать же про все, что удалось узнать, накопить за эти годы, не поднималась рука».

Двадцать лет и двадцать страниц повести. Но зато каждая страница, даже строка, в повести взвешена, обдумана, достоверно показан и доказан смысл жизни человеческой.

«Героем на час может стать каждый, кто только захочет. Что же касается настоящих героев... Они приучили себя с малю каждого день работать на полные обороты и добросовестно выполнять то дело, которое им поручено».

На полные обороты сердца прожил свою жизнь и Александр Григорьевич Баздырев.

Он не любил тех быстропишущих, которые, едва познакомившись с человеком, уже строчили о нем очерк, а то и повесть. Таких он называл «мотыльками-однодневками», «героями на час».

«А по какому праву?» — спрашивает в повести «Конец Нахаловки» Вера тунейдца Севочку. Этот вопрос проходит рефреном через все творчество Баздырева. Такой вопрос задает доктор Чеглецов своему недобросовестному коллеге, академик Лисавенко над ним задумывается четырнадцатилетний Илья, приехавший в Крутойя. Над ним задумываются читатели книг А. Г. Баздырева.

Он был требователен и к себе, и к другим. Непритязательный в быту, он с полным правом мог сказать о себе словами Маяковского: «Ведь кроме свежеемытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо».

Он презирал любой меркантилизм и особенно в писательской среде. Возможно, поэтому донецкие писатели избрали его секретарем партийной организации.

Работая над этими заметками, я еще раз прочитал все написанное Александром Григорьевичем и еще раз с особой остротой ощутил, что как писатель-коммунист А. Г. Баздырев был страстным проповедником советского образа жизни.

Помню, в 60-е годы на Алтай приезжала группа зарубежных писателей. В поездке по Алтаю ее сопровождал А. Г. Баздырев. Затем была встреча с ним в Доме науки и техники. Гости были поражены увиденным, откровенно восхищались этим и, между прочим, задали вопрос: «А возможен ли был бы такой прогресс без социальной революции?» Не помню, какой ответ им был дан тогда, но вот в одном из очерков Александра Григорьевича, написанных позже, нахожу такие слова: «Меньшим ли был бы прогресс, если бы над нашей землей, в том числе и над Кулундинской степью, не пронеслась очистительная гроза Октября? Физики не так давно обнаружили, что обыкновенные брусочки минералов оказываются прочнее, тверже, если они находятся не в темноте, а под воздействием света. Свет ленинской революции дал силы бывшему ковалю-самоучке... взлететь от сохи до спутников. Более быстрого прогресса история еще не знала».

Именно этим светом была наполнена вся жизнь нашего земляка, писателя-коммуниста А. Г. Баздырева, книги которого и сегодня волнуют и радуют читателей.

ВОРОБЬИШКИНА КНИЖКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Полюбуйтесь, ребяташки:
Вот создатель этой книжки.

Вот портрет. И есть под ним
Даже имя-псевдоним.

Псевдоним его при этом
Обсуждался птичсоветом.

Часть первая,
самая наиглавная

ВОРОБЬИШКИНЫ НАХОДКИ

1

КНИЖКА

Книжку мы читаем,
С книжкой мы живем.
Книжку не теряем,
Книжку бережем.

В книжке нам встречаются
Умные слова.

Имя дать ему хотели
По-грузински Чивители,
По-немецки Чирикман.
Прилетела телеграмма
Из далекого Вьетнама:
«Назовите Чив-Чи-Ван».

Но создатель книжки этой
Важным членом птичсовета
Заявил: мол, так и так —
Я природный сибиряк,

Не залетный-залетайский
На земле моей алтайской!
Пусть доведут меня на ней
Воробьишкин Воробей!

А теперь вопрос резонный:
В честь чего большой персоной
Воробьишка малый стал?

Он ведь в космос не летал,
БАМ не строил, не был в списках
Чемпионов олимпийских,
А ему, гляди ж ты, вот
Уваженье и почет.

Не длинней и не короче,
Чем обычный хвост сорочий,
И ответ на сам вопрос.
Это в шутку. А всерьез...

Где же набирается
Книжечка ума?

(Лена Хисматулина, 9 лет.
Пионерлагерь «Рассвет».)

2

НОЧЬЮ

Звезды на небе кружились,
Люди спать уже ложились,
Вьюга выла, выла, выла,
Запружила, замела
Все дорожки, все дома.

Засыпают все кругом:
Сосны спят под ветерком.
Только совушка не спит,
За окошками следит.

Гаснет свет во всех окошках.
Мышкам снятся сны о кошках,
Кошкам снятся сны о мышках,
Ну а школьникам — о книжках.

(Наташа Ишкова, 10 лет.
Пионерлагерь «Рассвет».)

3

ЖАДНЫЙ ХОМЯК

сказка

То ли близко, то ли далеко, то ли совсем рядом с нашим пионерским лагерем жил-был хомяк. И был этот хомяк очень жадный.

Бежит заяц, несет морковку, а хомяк тут как тут.

— Заяц, отдай морковку! Это ты мою морковку нашел!

Бедному зайцу делать нечего, он и отдал морковь.

Однажды у хомяка был день рождения. Он пригласил в гости зайца и строго-настроено приказал: «Без подарка не приходи!»

Заяц пришел к хомяку на день рождения и спрятал лапки за спиной.

— Хомячок, я принес тебе в подарок большую шишку с орехами! Хомяк представил себе ореховую шишку и от радости подпрыгнул до потолка, и на лбу у него вскочила такая шишка, какую он себе представил.

А заяц захохотал: «Ну что, хомяк, получил на орехи!»

Так заяц проучил жадного хомяка.

(Наташа Гузьева, 10 лет. Пионерлагерь «Рассвет».)

4

КОШКА

Рыженькая кошка
Села на окошко,
Прищурила глазки —
У солнца просит ласки.

(Лариса Балабина, 7 лет.
г. Горняк.)

5

СЛОНИК

Очень хочется мне
 Покататься на слоне.
 Слон и добр и не опасен.
 Очень-очень он прекрасен!
 Но кататься не могу,
 Ведь слона я берегу.
 Этот слон игрушечный,
 Не живой, а плюшевый.
 Если сяду на него —
 Раздавлю, скорей всего.

(Оля Гильд, 10 лет.
 Смоленский р.н, Лиевская
 средняя школа.)

6

ЗАГАДКА

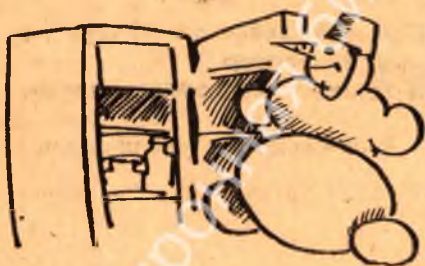
Что за чудный зверек
 С ветки шишку поволок?
 Шубка теплая, как грелка.
 Оказалось, это...

(Белка)
 (Наташа Анисимова, 7 лет.
 г. Горняк.)

7

СНЕГОВИК

Вон снеговик с ведром на голове
 Стоит один в заснеженном дворе.
 Вокруг него метелица взывает,
 Стоит он мирно и ведром качает.
 А вместо глаз чернеют угольки,
 А вместо носа у него морковка..
 Наверное, стоять ему неловко.
 Взяла бы я домой его к себе,
 Да страшно, что растает он
 в тепле.

(Лена Филиппенко, 9 лет.
 г. Горняк.)

8

МЫШКА

Мышка стукнула в окошко:
 — Тук-тук-тук! Кто тут живет!
 — Я живу, — сказала кошка.
 — Я живу, — ответил кот.

(Наташа Пуговкина, 8 лет.
 с. Ребриха.)

9

ЗАЙКА-ПОПРЫГАЙКА

Вот стоит пень,
 А за пеньком — тень,
 А в тени зайка,
 Зайка-попрыгайка.
 — Зачем сидишь там, зайка,
 Не скачешь, не резвишься.
 Зачем в тени томишься!
 А зайка отвечает:
 — Я волка испугался
 И в тень за пень забрался.

(Люба Цыганкова, 10 лет.
 Быстроистокский район,
 Верхне-Озерская средняя школа.)

10

ТУЧА

— Туча, туча, ты куда!
 — А сюда!
 — Туча, туча, ты куда!
 — А туда!
 Туча по небу плывет
 И на землю дождик льет.

(Таня Беллева, 4 года.
 г. Барнаул.)

11

НАША КОШКА

Нашу кошку зовут Багира. Кошка большая, забавная. Очень интересно наблюдать за ней, когда она смотрит телевизор.

Однажды, когда по телевизору шел хоккей, она ловила хоккеистов лапой, как будто они были мышами.

У Багиры очень интересные глаза — они катаются, как шарики.

(Женя Панченко, 8 лет. г. Барнаул.)

12

ЗИМА

Белый снег вокруг летает,
 Словно пух.
 То ли снег, а то ли стая
 Белых мух.

Я бегу, бегу по снегу,
Все бело.
И деревья, и дорогу
Снегом замело.

Ветерок летит кусучий,
Вьется снегопад.
На метелицу вороны
Каркают-кричат.

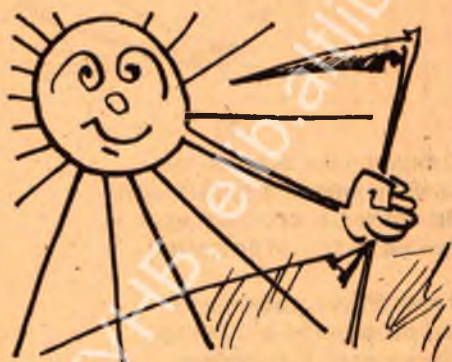
(Женя Урман, 10 лет. г. Барнаул.)

13

РАССВЕТ

Восходит солнца круглый шар,
Он ярко-красный, как пожар.
Его лучей боится ночь,
Она бежит от солнца прочь.
Вот посветлели небеса,
И на траве блестит роса.
Но солнце сушит всю росу,
И слышен гомон птиц в лесу.
А утром к нам приходит день.
Народ, вставай, кому не лень!
Работы много день принес,
И мы идем на сенокос.

(Таня Шерман, 10 лет.
г. Барнаул.)

14

РОДСТВЕННИКИ

Почему никто не боится тигров? Потому что их никто не видел. Об этом думал котенок Пуф. А ведь тигры наши... То есть, мои родственники. Так говорила мама. Интересно, какие эти самые тигры!

На стенке, у которой лежал Пуф, висели фотографии, картинки. И все про семейство кошачьих. С трудом Пуф разглядел там тигра.

— Хочу быть таким! — заявил Пуф.

С того же дня он гордо ходил по крышам с поднятой головой. Все вокруг соглашалось с ним, что он тигр.

И сейчас встречаются такие гордые коты. Это дети Пуфа.

(Таня Евдокимова, 8 лет. г. Барнаул.)

Часть вторая,
заключительная

ВОРОБЬИШКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Край алтайский, край родимый:
В облаках вершины гор,
Вдоль степи необозримой
Прошагал зеленый бор.

То березовые колки
Средь полей, как островки,
То в глаза ударит колкий,
Серебристый блеск реки.
По пшенице то и дело
Ходят волны не спеша...
От земного счастья пела
Воробьишкина душа!

С интересом вспоминая
Свой далекий трудный путь,
Он влетел в столицу края —
Сел на лавку отдохнуть.

И как будто ребяташки
Все разведали о книжке,
Сами лезли к воробью:
«Прочитай тетрадь мою!»

Он листал, читал тетрадки.
— Ох, устал, устал, ребятаки!
Мне к издателю с визитом! —
Пискнул голосом сердитым.

Прочирикал: «литпривет!»
И — в знакомый кабинет...

Ночью спали все ребята.
Месяц по небу гулял.
А издатель как собрата
Воробьишку поздравлял:
«Молодчина! Вот и книжка!
Ты — безвестный воробьишка,
Но отныне называйся
(Только, чур, не зазнавайся)
Воробьишкин Воробей!
Отправляйся, не робей,
Прямо в типографию,
Детский сборник предложи
И вдобавок приложи
Автобиографию.

* * *

Вот и весь вопрос резонный,
В честь чего большой персоной
Воробьишка малый стал:
Знал — куда, зачем летал.

Не длинней и не короче,
Чем обычный хвост сорочий,
Был ответ на сам вопрос.
Это в шутку. А всерьез...

Собрал произведения детей,
подготовил их к печати
и написал авторский текст
«Воробьишкиной книжки»

Василий НЕЧУНАЕВ.

Электронная библиотека АКУНБ, elilib.altlib.ru

50 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

На 1-й странице обложки:
И. ЗАГНН. «Лето».